

НЕПРЕДСКАЗУЕМАЯ РУССКАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ БЫВАЕТ ПОРОЙ «НЕПРЕДСКАЗУЕМА», и мы привыкли к этому. Скажем, долгое время преобладает одна трактовка известного события, а потом, по прошествии времени, историки переоценивают его. Знак плюс меняется на минус. Упрощенно, конечно. Мы продолжаем смотреть на историю сквозь проблемы и ценности современности. С другой стороны, как мало еще в какой стране, в России история неизменно продолжает оставаться неотъемлемой частью текущей общественной жизни и политических процессов – в ходе разворачивающейся думской предвыборной кампании мы увидим в числе ее «действующих лиц» и Сталина, и Ленина, и еще много кого из исторических персонажей.

В нашей стране трудно представить себе некую – пусть неформальную – договоренность научных и политических элит наложить хотя бы временный запрет на обсуждение тех или иных острых, вызывающих политические споры исторических сюжетов. Как это произошло после смерти Франко и мирного падения его режима в Испании – в рамках «широкого Пакта Монклоа»: элиты договорились какое-то время не обсуждать, кто был «более прав» – республиканцы или франкисты, кто больше репрессировал оппонентов и т.д. С другой стороны, неотъемлемой частью такого «заговора молчания» было упокоение и жертв франкизма, и его творцов на одном мемориальном кладбище. Это как если бы у нас прах Сталина перенесли на Бутовский мемориал памяти жертв репрессий.

Долгое время в советской, а затем российской историографии господствовала точка зрения, что Брусиловский прорыв летом 1916 года был событием однозначно славным. Даже большевики не отрицали его положительного военного значения. В постсоветской историографии такой подход дополнился мнением, что прорыв был чуть ли не предвестником победы в войне, которую

отняли у России «ударившие в спину» подосланные германским Генштабом большевики. Одно другого не отрицает, кстати. Наш автор Михаил Быков (см. статью «Прорыв и тупик» на с. 26) ставит вопрос резче: операция была плохо просчитана и проведена, и одним из ее последствий стало разочарование армии в своих силах, что привело к ее деморализации и в конечном счете выступлению отчасти на стороне революции сначала Февральской, а затем и Октябрьской. Не претендуя на то, что именно эта точка зрения ближе всего к истине, мы лишь хотим напомнить, что наша история продолжает оставаться живой, не застывшей и – да! – по-прежнему не поддающейся «черно-белой» трактовке. ■

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН

(АЛФЕЕВ Г.В.)
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

06 В чем обвиняют русский язык в Молдавии?

СОТРУДНИЧЕСТВО

08 «Нормандия – Неман»: снова в небе

ИНТЕРВЬЮ

ЕКАТЕРИНА ЧЕШОКОВА / РИА НОВОСТИ

12 «Кино объединяет людей»

ИСТОРИЯ

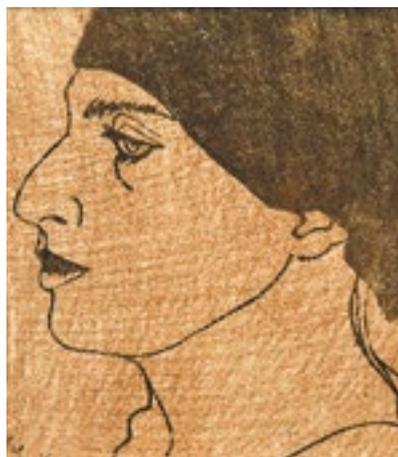

26 Прорыв и тупик

32 Круг жизни

НАСЛЕДИЕ

38 Кажется, душа во мне созрела...

44 Шафрановый брат Версаля

СИТУАЦИИ

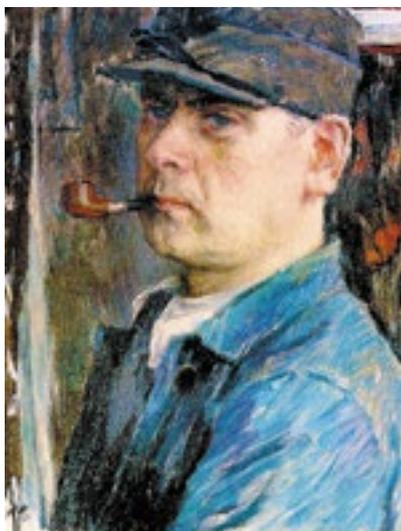

16 Люди и медвежата

52 Невская элегия

КУЛЬТУРА

60 Воспитатель
«лебедят»

68 Очередь
за вдохновением

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

76 Рыбак бегуна
видит издали

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

82 Церкви
на крышах

ГОРОДА РОССИИ

89 Между Цной
и Тверцой

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Мария БАШМАКОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Зинаида КУРБАТОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Вера МЕДВЕДЕВА
Зоя МОЗАЛЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Дмитрий РУДНЕВ
Андрей СЕМАШКО
Юлия СЕМЕНОВА
Галина УЛЬЯНОВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

В ЧЕМ ОБВИНЯЮТ РУССКИЙ ЯЗЫК В МОЛДАВИИ?

АВТОР

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

В МОЛДАВИИ НОВЫЙ ВИТОК БОРЬБЫ С «РУССКОСТЬЮ». В ИЮЛЕ ПАРЛАМЕНТ ЗАПРЕТИЛ ТРАНСЛЯЦИЮ НОВОСТНЫХ И АНАЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕДАЧ НА РОССИЙСКИХ КАНАЛАХ, РАЗРЕШИВ РЕТРАНСЛЯТОРАМ ОСТАВИТЬ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ, А ТАКЖЕ ОБЯЗАЛ МЕСТНЫЕ КОМПАНИИ ЗАПОЛНИТЬ ЛАКУНУ ПРОДУКЦИЕЙ СОБСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА, ИЗ КОТОРОЙ 80 ПРОЦЕНТОВ ДОЛЖНО ИДТИ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ И ТОЛЬКО 20 ПРОЦЕНТОВ – НА РУССКОМ.

НОВОВВЕДЕНИЕ ВЫЗВАЛО критику и в оппозиционных политических кругах, и среди далеких от политики людей. Ведь, говорит жительница Кишинева Лучия Скрипник, «запрет российских новостей и аналитики – это, по сути, запрет самих российских каналов. Это антидемократично, ведь, по Конституции, у граждан страны есть право на свободу получения информации. А кроме того, это недружественный шаг по отношению к России, где работают сейчас как минимум полмиллиона наших граждан».

В русскоязычной Гагаузской автономии, где живут 5 процентов населения страны – свыше 160 тысяч человек, принятые парламентом поправки в Кодекс об аудиовизуале вообще отказались выполнять. Как заявила башкан (глава) автономии Ирина Влах, «очевидно, что рассматриваемые парламентом изменения направлены на вытесне-

ние российских телепрограмм из аудиовизуального поля, равно как и на выдавливание русского языка из общественной сферы Республики Молдова. Предлагаемые нововведения идут вразрез с интересами и потребностями жителей Гагаузской автономии... В кабельных сетях автономии будет сохранено вещание российских и иных телеканалов в полном объеме».

Депутат-коммунист Инна Шупак сообщила «Русскому миру.ru», что нововведение, поддержанное народными избранниками из партий от правящей коалиции, было раскритиковано экспертами ОБСЕ и Совета Европы, которые уверены, что бороться с «российской пропагандой» можно и с помощью пульта от телевизора, а вот запретами – нельзя, так как это нарушает основные права и свободы граждан. Однако власть не прислушалась к голосу разума, создав таким образом еще один очаг нестабильности в обществе.

«РУКА МОСКВЫ» В РУКАХ КИШИНЕВА

За последний год усилилась тенденция сваливать все молдавские беды на «руку Москвы». Особенно прославился своими заявлениями мэр Кишинева Дорин Киртоакэ, ярый сторонник объединения Молдавии с Румынией. Когда в начале лета в столичном районе Рышкановка частично обвалилось здание одного из банков, в опасной близости от которого началось строительство многоэтажного дома, Киртоакэ заявил о «руке Москвы», протянутой еще с советских времен. Он объявил виновными не тех, кто подписывал разрешение на строительство там, где стройка вообще запрещена, а советских рабочих, еще в 70-х годах оставивших мусор на стройплощадке. А выступая перед жителями города с отчетом о проделанной за восемь лет работе на посту мэра, он публично отругал пенсионерку, задавшую ему вопрос на русском языке. «После столько лет проживания в нашей стране вы не смогли выучить язык тех, кто живет здесь сотни и тысячи лет!» – упрекнул он женщину вместо ответа, вероятно забыв, что и русские проживают на этой территории с незапамятных времен (о чем и говорится в «Повести временных лет») и что никто пока не отменил в Молдавии законодательно закрепленный статус русского языка как языка межнационального общения. Вице-премьер Молдавии Георге Брега также обвиняет во всех бедах русский язык. Как заявил он в июне с трибуны парламента, денег в казне нет, потому что приходится тратить их на переводы законодательных и нормативных актов на русский язык для тех «нескольких депутатов, которые до сих пор не выучили румынский». Кстати, несмотря на соответствующие статьи Конституции и закона

Мэр Кишинева
Дорин Киртоакэ

«О функционировании языков на территории Республики Молдова», в стране давно уже не переводятся на русский ни аннотации к лекарствам, ни квитанции для коммунальных платежей, ни банковские документы, ни даже судебные решения. Ни прокуратура, ни полиция, которые, казалось бы, должны стоять на страже закона и охранять права граждан, не отправят гражданину, обратившемуся к ним на русском языке, письменный ответ на нем же, только на государственном.

По пальцам можно пересчитать госструктуры, разместившие на своих интернет-сайтах и русскую версию. Ее нет, например, на сайтах Министерства соцзащиты, куда нередко обращаются граждане, в том числе русскоязычные; Министерства культуры (зато есть англоязычная версия); Министерства транспорта, Министерства иностранных дел, Министерства юстиции и т.д. Вопросы о нарушении в этом контексте прав русскоязычных граждан поднимались неоднократно, однако, судя по всему, никто их решать и не собирается. Правда, капля камень точит. В начале лета Кишиневский муниципальный совет под нажимом оппозиционной фракции социалистов согласился публиковать свои решения и на русском языке. Это можно было бы рассматривать как достижение, если бы в законодательстве отсутствовала статья, обязывающая публиковать любые решения властей любого уровня на двух языках. Но такая статья есть! Правда, выполняется крайне редко.

СКАНДАЛ ВОКРУГ КОДЕКСА

В 2014 году Молдавия приняла новый Кодекс об образовании. Вокруг этого документа разгорелись дискуссии еще на стадии его обсуждения. Камнем преткновения снова стал русский язык. Его исключили из числа обязательных предметов в школах с государственным языком обучения, заменив английским. С 2018 года русский язык окончательно получит в образовании статус иностранного. Кроме того, впервые в этом году директора русскоязычных лицеев должны не только пройти собеседование на госязыке, но и вызубрить на нем все законы и по-

становления. Заметим, до этого года аттестацию можно было проходить на трех языках: русском, английском и государственном молдавском (или, как чаще его называют, румынском).

«Понятно, что вместо некоторых, не в совершенстве знающих госязык руководителей русских образовательных учреждений могут быть назначены специалисты, для которых русский язык не является родным. Хуже, если назначены будут руководители, которые владеют государственным языком, но окажутся более слабыми управленцами, чем бывшие до сих пор русские директора. И в этом случае нет гарантии, что в итоге русские школы и садики не будут деградировать и еще более «оптимизироваться», – пишет в одной из своих статей известный в Молдавии журналист Ирина Астахова.

В мае 2016 года Гагаузия приняла свой Кодекс об образовании, сохранив в нем и статус русского языка как одного из трех официальных языков автономии, и отведенные на него часы в учебном процессе. И хотя в Министерстве образования настаивают на том, что, условно говоря, кишиневский кодекс обязателен для исполнения на всей территории

Экс-посол Молдавии в России Владимир Цуркан

Министр образования Республики Молдова Корина Фусу

страны, гагаузы крепко стоят на своем. «Я была поражена, узнав, что здесь большинство школ с русским языком обучения», – призналась министр образования Молдавии Корина Фусу в одном из интервью местным изданиям. По ее мнению, в том, что «за 25 лет независимости румынский язык не стал чувствовать себя здесь как дома» виноваты Гагаузия и Приднестровье. В Гагаузской автономии действует 30 доуниверситетских учебных заведений. В двух из них ведется преподавание на государственном языке, в остальных – на русском.

ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

Вообще же, русский язык в Молдавии переживает сегодня «не лучшие времена», убежден депутат парламента страны от оппозиционной Партии социалистов, экс-посол Молдавии в России Владимир Цуркан. «К сожалению, приходится констатировать целенаправленное, политически мотивированное «вымывание» русского языка, и в первую очередь из сферы образования», – заявил он в ходе телемоста «Москва – Кишинев – Ереван: русский язык – традиционный выбор Евразии».

Проблемы русскоязычных граждан в стране не надуманны и вполне обоснованны, считает руководитель Информационно-аналитического правозащитного центра при Координационном совете русских общин РМ Михаил Сидоров. «Лицо, идентифицирующее себя как представитель нетитульной нации, крайне редко попадает на работу в государственные органы – в министерства, полицию, прокуратуру и так далее. Наш центр ведет учет таких случаев. Увы, нам известны не все из них, но даже того, о чем мы знаем, более чем достаточно, чтобы говорить о тенденции. Гражданин может выучить язык, но этническое происхождение, нередко отраженное как минимум в фамилии, может помешать ему сделать карьеру, например госчиновника», – заявил он в интервью агентству SPUTNIK. Молдавия словно вернулась в 90-е годы, когда пошла волна массовых отъездов из страны. На этот раз многие стремятся в Россию. До 800 семей ежемесячно обращаются в ФМС РФ по поводу переезда. ❧

«НОРМАНДИЯ – НЕМАН»: С НОВА В НЕБЕ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

АВТОР

ВЕРА МЕДВЕДЕВА

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ – ЭТО НЕ ТОЛЬКО КРОВОПРОЛИТНЫЕ СРАЖЕНИЯ И МАСШТАБНЫЕ НАСТУПЛЕНИЯ, НО И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СУДЬБЫ, КОТОРЫЕ СВЯЗЫВАЮТ СТРАНЫ И СПУСТЯ СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ. ЗНАМЕНИТЫЙ АВИАПОЛК «НОРМАНДИЯ – НЕМАН», СТОЛЬ ИЗВЕСТНЫЙ В РОССИИ, В САМОЙ ФРАНЦИИ СЕЙЧАС ПОМНЯТ НЕМНОГИЕ. ВНОВЬ ОТКРЫТЬ ДЛЯ СЕБЯ ЭТУ ИСТОРИЧЕСКУЮ СТРАНИЦУ ФРАНЦУЗАМ ПОМОГЛО УЧАСТИЕ РОССИЯН В КОМПЬЕНЬСКОМ АЭРОШОУ.

Н А ТОМ МЕСТЕ, ГДЕ сейчас располагается аэропорт Компьень-Марни, с 1911 года в воздух начали подниматься «этажерки», тормозившие при помощи специального «костыля» в хвостовой части. В то время тормозов в нынешнем понимании у аэропланов не было. Такой способ торможения определял и тип аэродромного покрытия – только травяной, никаких привычных нам ныне бетонных плит.

С годами большие парижские аэропорты затмили компьенский, который теперь используется в основном для частных самолетов. Но бывлой шарм авиационной романтики возродился здесь вместе с появлением коллекции старых самолетов Фредерика и Александра Коллино. Авиапассажиры компании Air France знакомы с работой Фредерика, хотя сами об этом и не подозревают, ведь он отвечает за техническую подготовку тамошних «боингов». А старые самолеты оказались для него столь захватывающим увлечением, что Фредерик и его брат решили заняться созданием специального музея, который планируется разместить совсем рядом с нынешними взлетными полосами.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛАГЕРЯ

Пикардийские луга, окружающие сейчас аэродром, напоминают и о первых самолетах, и о будущем музее, а теперь и о реконструкции лагеря полка «Нормандия – Неман». Тут во время проведения Compiègne Aéro-Classic стояли палатки, мини-госпиталь, походная кухня и замаскированный Як-11, наиболее соответствующий по типу тем самолетам, на которых летали пилоты «Нормандии – Неман». Самолет был один, хотя в коллекции у близнецов Коллино два Яка. Второй, идентичный эпохе по расцветке, делал то, что и положено самолетам: летал.

Да и с бронетехникой в лагере все получилось как нельзя лучше. Один из организаторов аэрошоу, бизнесмен и коллекционер военной техники Патрик Соваж, всегда одалживал ее для воссоздания американского лагеря времен открытия Второго фронта. Патрик начал собирать свою коллекцию с 6 лет, только тогда это были детские военные машинки. Он вырос, и одновременно «взрослели» и экспонаты его коллекции, которые сегодня принимают участие во многих мероприятиях по всей Пикардии. Понятно,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

том опять перекрасить в зависимости от ситуации», – говорит Патрик.

«Приглашение российских участников на Compiègne Aéro-Classic было задумано не просто ради украшения аэрошоу, – продолжает Патрик Соваж. – Все происходящее имело и другое значение: напомнить французам о тех страницах истории Второй мировой войны, которые они начали забывать или даже никогда не знали. Многие ли помнят о том, что французские пилоты «Нормандии – Неман» сами вызвались воевать в России? Или то, что созданию эскадрильи способствовал генерал де Голль? И эти пилоты не были коммунистами, среди них – даже выходцы из аристократических семей, но никакая идеология не могла разделить их с русскими, когда нужно было бороться против нацизма».

Патрика поддерживает его давний друг, полковник авиации в отставке Альбер-Поль Вальзер: «Сейчас история Франции забывается большинством людей. А ведь мы можем победить в будущем, только если хорошо представляем себе историю. Если разрушим историю, то не будем иметь и будущего».

РУССКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

А в этой истории было многое, в том числе и далеко не безоблачные отношения с Советским Союзом. Полковник Вальзер во времена холодной войны пять лет своей карьеры провел, летая на бомбардировщиках, оснащенных ядерными боеголовками. Французские силы стратегического реагирования были созданы по приказу генерала де Голля, чтобы, как цитирует полковник, «ответить на любую агрессию, откуда бы она ни исходила, будь то Соединенные Штаты или Советский Союз».

И какому приказу он, военный человек, должен был бы подчиниться, случись серьезный международный конфликт? А ведь с Россией полковник Вальзер связан детскими воспоминаниями об отце своего лучшего школь-

что само наличие американской военной техники подчеркивает факт участия американцев в освобождении Франции, однако руководитель группы реконструкторов из России Михаил Афанасьев рассказал Патрику Соважу, что белые звезды на американских броневиках в Великую Отечественную войну просто закрасивали красной краской – и отправляли технику в бой. Отправился такой броневик в «бой», вернее, на его имитацию и на нынешнем аэрошоу. Сам Патрик шутит, что для него дать разрешение перекрасить звезды в красный цвет было «психологической мини-революцией». Ведь когда он приглашал россиян участвовать в проекте, то специально подчеркнул, что всю жизнь был антикоммунистом, поэтому не хотел бы впутывать сюда никакую политику.

После компьеньского аэрошоу прошло уже два месяца, но Патрик Соваж все еще не перекрасил звезды в белый цвет. Пикардийский праздник настолько всех сдружил, что цвет звезд на броневике напоминает уже не об идеологии, а о самой масштабной на территории Франции российской военной реконструкции.

«Мир сейчас меняется очень быстро, геополитика тоже. В таких условиях нельзя придерживать-

ся прежнего формата мышления, который возвращал бы железный занавес. Я выступаю за Большую Европу вместе с Россией. Новые попытки воздвигнуть железный занавес поддерживаются некоторыми политиками и журналистами, но это не относится к большинству населения, которое видит в России очень важного партнера во всех сферах. А нынешняя история с санкциями вообще совершенно абсурдна. Политика как эти звезды: можно покрасить в один цвет, потом его смыть, по-

Руководитель реконструкции, один из организаторов военного фестиваля «Поле боя» Михаил Афанасьев с сыном Ильей

Бизнесмен и коллекционер военной техники Патрик Соваж

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ного друга. Эту школу в Гренобле специально создали для детей, чьи родители погибли на военной службе в авиации. Имя отца того самого школьного друга хорошо известно: Лео Барбье, пилот эскадрильи «Нормандия – Неман». Альбер-Поль Вальзер проучился с его сыном семь лет, до выпуска в 1952 году, и этой весной вместе со всеми французскими организаторами компьенского аэрошоу побывал в России, в тех местах, которые связаны с полком «Нормандия – Неман».

Для всех, кроме Патрика Соважа, это была первая поездка в Россию. Именно в Россию, а не только в Москву, где они принимали участие в Параде Победы, пройдя в «Бессмертном полку» по Красной площади с фотографиями французских летчиков. Дмитрий Маслов, руководитель проекта с российской стороны, вспоминает: «Для французов мы организовали посещение полевого аэродрома полка «Нормандия – Неман» в деревне Хатенки Калужской области. Они также побывали и в Орловской области, где погибли семь французских летчиков. В частности, там посетили памятник на месте гибели Альберта Литольфа в Орловском полесье, а в деревне Каменке на месте гибели первого командира эскадрильи «Нормандия – Неман», Жана-Луи Тюляна, прошел митинг, на котором присутствовала внучка Тюляна и другие родственники французских пилотов. И на всех этих мероприятиях мы старались показать, насколько для нашей страны было важно присутствие на фронте добровольцев из Франции и что русские все эти десятилетия хранят память о героях, победивших фашизм».

Атташе префектуры французского города Санлис Доминик Даниэль рассказывает про эту поездку очень эмоционально: «Нам повезло, россияне принимали нас так тепло, что мы чувствовали себя как дома. Пока не побываешь в России, она воспринимается далекой и холодной,

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОРГАНИЗАТОРАМИ

Руководитель проекта Дмитрий Маслов с российскими парашютистами

но благодаря нашим новым русским знакомым мы поняли, что такое настоящее русское гостеприимство. В россиянах очень много тепла и душевной открытости, от них получаешь большой позитивный заряд».

Доминик признается, что до того, как было принято решение сделать темой этого года полк «Нормандия – Неман», она знала о нем совсем немного: «К сожалению, во Франции о «Нормандии – Неман» пишут и говорят очень мало. И только в России я в полной мере осознала,

насколько героической является эта страница истории войны. И я рада, что мы разделили с россиянами эти воспоминания, а также те эмоции, которые испытывает ваш народ во время парада на Красной площади. Наши французские парады – это фактически смотр военной техники, которую французы просто разглядывают. В Москве же мы видели, сколько людей вышло на улицы с портретами своих родственников, участвовавших в войне. Это было поразительно!»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Французские и российские организаторы фестиваля

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В ПАМЯТЬ О «НОРМАНДИИ – НЕМАН»

А в начале июня уже российский «десант» на пяти грузовых машинах направился во Францию. Палатки, обмундирование, старые радиации, патефоны, керосиновые лампы – все для того, чтобы максимально воссоздать антураж лагеря времен Второй мировой войны. К российским реконструкторам во Франции присоединились их друзья из разных стран, поэтому, как это и было в реальности, в лагере зазвучала и русская, и французская речь.

В компьеньском небе вычерчивали фигуры высшего пилотажа самолеты 30–50-х годов из коллекции братьев Коллино, а их Яки в этом году стали «звездами» аэрошоу, напоминая о главной теме – «Нормандия – Неман». Один из Яков был приобретен в Египте из тех списанных самолетов, которые когда-то продавались туда Советским Союзом, а другой – перекуплен у испанского коллекционера, купившего его в России во время перестройки.

Братьям Коллино пришлось перевести с русского на французский всю прилагавшуюся к ним документацию, починить и подлатать, зато теперь эти Яки вполне жизнеспособны. «Каждый самолет имеет свою историю, – говорит Фредерик, – и каждый помогает рассказать какую-то другую, более масштабную историю. В этом году такой историей стал легендарный полк «Нормандия – Неман». Французские летчики сами захо-

тели сражаться рядом с русскими, и для меня было очень трогательно видеть, как в России сохраняется память об этом».

Российские реконструкторы во время аэрошоу постарались не только сосредоточиться на тщательном воссоздании деталей, но и показать, насколько обманчиво внешнее спокойствие военного лагеря. Внезапная тревога, и через считанные минуты пилоты уже сражаются в небе с вражескими самолетами. А на земле разворачивалась своя «битва»: имитация боя между немецким взводом и подразделением Красной армии вместе с американскими солдатами.

Правда, «американцы» говорили по-французски, поскольку их изображали местные реконструкторы, да и «фашисты» тоже были французами. Для этого боя Патрик Соваж в дополнение к своим броневикум специально приобрел два «газовых» пулемета, один немецкий, а другой американский. Если не знать, что

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

они не классифицируются как оружие, то визуально создается полное впечатление аутентичной экипировки.

«Немцы» отстреливались вполне убедительно, но «красноармейцы» молниеносно захватили их в плен, не дожидаясь помощи «американцев». Зато французские реконструкторы – «американцы» первыми моментально достали флаг, так что нашим не оставалось ничего другого, как развернуть и свой, красный. Такие «акценты» только порадовали фотографов, которые получили возможность увидеть на компьеньском поле полную «дружбу народов» в стиле Второй мировой войны.

«Красноармейцам» было несложно победить в этом бою, поскольку к нашим реконструкторам присоединились и парашютисты, которые уже успели совершить свои прыжки с четырьмя флагами: Франции, России, полка «Нормандия – Неман» и знаменем Победы. А теперь, переодевшись в форму, они превратились в рядовых Красной армии. Каждый из них в реальной жизни имеет воинское звание и самую высокую парашютную квалификацию. Дмитрий Маслов привез во Францию команду, в составе которой было три мастера спорта международного класса, четыре мастера спорта и два кандидата в мастера спорта.

Вместе с россиянами на компьеньском аэрошоу прыгал с парашютом и Патрик Соваж, который первый свой прыжок совершил еще в 60-х годах. И с тех пор парашютный спорт стал для него таким же увлечением на всю жизнь, как и коллекционирование военной техники. Именно Патрик и предложил пригласить россиян для участия в Compiègne Aéro-Classic – 2016. А после успешного аэрошоу уже подписана договоренность о дальнейшем франко-российском сотрудничестве. Например, в 2018 году будет отмечаться юбилей окончания Первой мировой войны, в которой, как и во Второй мировой, Франция и Россия были союзниками. 🇫🇷

ЕКАТЕРИНА ЧЕСНОКОВА / РИА НОВОСТИ

«КИНО ОБЪЕДИНЯЕТ ЛЮДЕЙ»

БЕСЕДОВАЛА

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

КИНОРЕЖИССЕРА НИКОЛАЯ ЛЕБЕДЕВА МОЖНО БЫЛО БЫ НАЗВАТЬ БАЛОВНЕМ СУДЬБЫ, ЕСЛИ НЕ ЗНАТЬ, ЧТО ЗА КАЖДЫМ ЕГО УСПЕХОМ СТОИТ ИЗМАТЫВАЮЩИЙ ТРУД, БЕССОННЫЕ НОЧИ, СОМНЕНИЯ И РАЗОЧАРОВАНИЯ И ПРОЧИЕ «ТИХИЕ РАДОСТИ» ТВОРЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА. ОН ПЕРЕБРАЛСЯ В МОСКВУ ИЗ КИШИНЕВА В СЕРЕДИНЕ 1990-Х: НИКОМУ ЗДЕСЬ НЕ НУЖНЫЙ, МАЛО КОМУ ИНТЕРЕСНЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ПРОВИНЦИИ НАЧИНАЛ ПРАКТИЧЕСКИ С НУЛЯ. СЕГОДНЯ НИКОЛАЙ ЛЕБЕДЕВ – ОДИН ИЗ САМЫХ ВОСТРЕБОВАННЫХ РОССИЙСКИХ РЕЖИССЕРОВ, ДВАЖДЫ ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ – ЗА ФИЛЬМЫ «ЗВЕЗДА» И «ЛЕГЕНДА №17», – ЧЛЕН СОЮЗА КИНЕМАТОГРАФИСТОВ РФ, АКАДЕМИК РОССИЙСКИХ КИНОАКАДЕМИЙ «НИКА» И «ЗОЛОТОЙ ОРЕЛ». В ЭТОМ ГОДУ ЛЕБЕДЕВ ВОЗГЛАВИЛ ЖЮРИ ХХVII ОТКРЫТОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ «КИНОТАВР», КОТОРЫЙ ТРАДИЦИОННО ПРОХОДИТ В СОЧИ. С ВПЕЧАТЛЕНИЙ ОБ ЭТОМ ФОРУМЕ МЫ И НАЧАЛИ БЕСЕДУ О РОССИЙСКОМ КИНО.

— **М** НЕ БЫЛО ИНТЕРЕСНО СМОТРЕТЬ ПРОГРАММУ, – признается Николай Лебедев. – Хотя не все из того, что было показано, я мог бы назвать «моим» кино, на кото-

рое откликаешься душой. Но я отдаю себе отчет в том, что фильмы «Кинотавра» – это портрет сегодняшнего кинопроцесса, тем они и ценны. Меня, например, порадовала картина «Хороший мальчик» Оксаны Карас. Она заряжена положительной энергией. У нас ведь очень часто ищут некие духовные начала в демонстрации негативного, идя, что называется, «от обратного», а здесь поиск идет в каком-то человеческом направлении. Посмотрим, как этот поиск будет развиваться дальше, но кажется, это хорошая тенденция. Мне понравилась картина Кирилла Серебренникова «Ученик», она сделана мастерски, в ней есть сильная профессиональная энергия. Понравилась актерские работы Константина Хабенского, Сергея Безрукова, Виктории Исаковой, Светланы Брагарник в том же «Ученике»... Были интересные поиски в жанровом направлении авторского кино. «Коллектор», допустим. В кадре один артист, но это не театральный моноспектакль. С экрана бьет энергия кинематографического повествования, которая втягивает в себя, рождает эмоции. Мне приглянулась картина «Разбуди меня». В ней тоже есть поиск, попытка увидеть по-новому жанровую структуру и не отказаться от человеческих эмоций.

Вообще же, кинопроцесс – дело непростое, и все время ждать, что он будет на высшей точке, довольно наивно. Мы всегда по горячим следам недовольны тем, что есть, а когда проходит время, то обнаруживаем: многое осталось в нашей памяти и в истории кино. Есть два вектора развития кино: кино фестивальное и кино для зрителей. Идеально, когда два этих направления проникают друг в друга. Когда кино для зрителей превращается просто в коммерческую поделку, это всегда скучно и ничего не дает ни уму, ни сердцу. Когда же фестивальное кино становится самоигральным, серым, занудным, то и оно перестает быть интересным кому бы то ни было. Даже как лаборатория это не работает, потому что лабораторные опыты должны в конце концов быть неким открытием в широком смысле, да? Ими как минимум должны интересоваться

ся профессионалы. А когда это все только для себя, для трех человек в зале, трудно назвать это хорошим кино. Вот на «Кинотавре» я тоже увидел два этих вектора. И работы тех, кто пытался работать на стыке направлений. У кого-то получилось лучше, у кого-то еще не очень. Что будет дальше – время рассудит.

– Под «фестивальным» вы подразумеваете так называемое авторское кино?

– Я считаю, что термин «авторское кино» искусственно приклеен только к фестивальному кино. Любое хорошее кино – авторское. Гайдай не был фестивальным режиссером, но разве скажешь, что его картины может повторить кто-то другой? Нет конечно. У него очень индивидуальный почерк. У Спилберга, если говорим о Западе, у Хичкока, который долгое время считался заурядным коммерческим режиссером второго ряда, пока критики французской «новой волны» не обратили на него внимания и не изменили отношения кинематографического сообщества к его творчеству.

– Кстати, о критиках. Вы по образованию кинокритик, но в ряде интервью нелестно отзываясь о работе коллег...

– Нелестно? Это вряд ли. Скорее, сдержанно. Тут вообще сложная тема, потому что, к сожалению, я часто сталкиваюсь с тенденциозностью критики и с ее снисходительностью. И мне кажется, это глубокое заблуждение рецензентов, потому что, даже если они пишут о картине неудавшейся, все-таки стоит понимать, что люди, которые приняли участие в ее создании, знают и умеют не меньше, чем сами критики. Я прекрасно понимаю, что писать о фильме несравнимо проще, чем его делать. Вопрос не в усилиях, а еще и в таланте, в способностях, в знаниях – во многом. В целом комплексе вещей. И если критик пишет о фильме с уважением – в любом случае, получилась, по его мнению, картина или нет, – это всегда вызывает ответное уважение и желание прислушаться, по крайней мере, войти в диалог с автором публикации. Но если критика

не будет чувствовать необходимости уважения к фильму, – если только речь не идет об абсолютной очевидной халтуре, – то она сама себя исчерпает. Ведь если критики уничтожат кино, о чем будут писать? Нет, говорить о кино, мне кажется, нужно более бережно.

– Что значит – бережно? Хвалить на каждом шагу? Но дело критика анализировать и ругать, если что, на то он и критик.

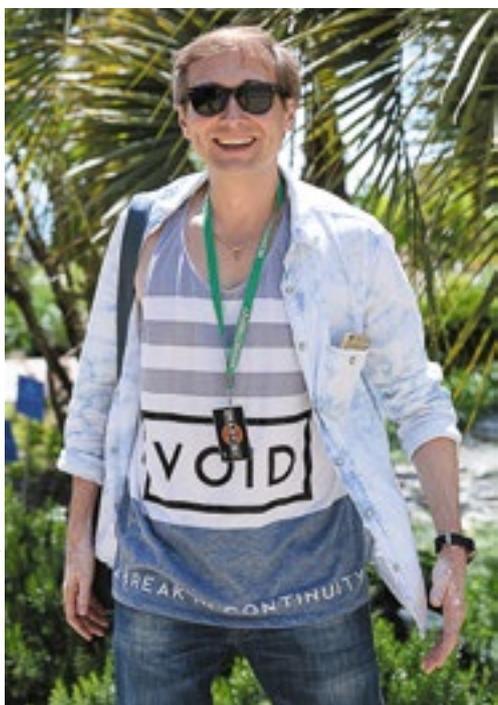
– Анализировать – да. Исследовать – да. Но ругать! Почему? Знаю по себе и своим коллегам: с того момента, как человек, получивший когда-то профессию критика, начинает работать в кино в качестве режиссера, или сценариста, или даже актера, он никогда больше не будет писать разудалых рецензий. Он вдруг обнаруживает, что съемка фильма – очень сложный труд. И его результат может быть неудовлетворительным. Но одно дело, когда рецензент ради красного словца просто поливает все это грязью, а другое – когда пытаются разобраться в том, что именно не получилось, почему, какие уроки можно из этого извлечь.

Любой кинематографист очень болезненно воспринимает свои неудачи. В том числе и потому, что это всегда публично. Я знаю отдельных представителей киноцеха, которые, может быть, поверхностно относятся к своему труду, но все равно это гораздо более серьезно, чем отношение некоторых критиков к своей работе. Они, например, могут прийти на фильм к середине, посмотреть несколько сцен и уйти. Они не стремятся понять, как это сделано. Иногда они объясняют: «Мне не нужно есть целиком яйцо, чтобы понять, что оно испорчено». Не ешьте. Но это не означает, что вы можете публично сечь человека, с чьей работой даже не удосужились вдумчиво ознакомиться. Я не говорю про похвалу, про то, что нужно кривить душой. Вовсе нет! Но я глубоко убежден, что категоричность, которая вообще присуща нашему обществу, ни к чему хорошему не приводит, и в кинокритике тоже. Ничего, кроме раздражения, это не вызывает не только у кинематографистов, но и у зрителей, которые просто перестали читать рецензии. И вот к чему это все привело: люди перестали смотреть хорошее кино. Потому что они не доверяют критикам. И сейчас в кинотеатры идут только на блокбастеры.

– Но неужели только критики виноваты? Может быть, просто жизнь тяжелая у людей, потому они и хотят от нее отвлечься?

– Это понятно, но в развлекательном кино тоже масса градаций. Я-то, вообще, считаю, что любое кино должно быть развлекательным. Развлекая – поучай, это ценная формулировка. Ты приходишь в кинотеатр вовсе не для того, чтобы слушать скучную лекцию про то, как мы плохо живем, правда? В конце концов об этом можно поговорить на кухне или прочесть какую-нибудь газетную статью.

Кстати говоря, есть такое странное отношение к кино как к некой социальной сфере искусств. И сложилось оно как раз благодаря критикам. Но ведь искусство не ограничивается социальностью! Тот же Дега писал сюжеты из жизни французской бедноты, но при этом писал и прекрасных танцовщиц. Не могу сказать, что первая часть его творчества мне интересней и дороже, чем вторая. Микеланджело тоже ножками по земле ходил, прожил несладкую жизнь. Но много ли социальных вещей мы найдем в его шедеврах?

Николай Лебедев на XXVII Открытом российском кинофестивале «Кинотавр» в Сочи

Нет! У искусства другое предназначение в принципе. И сводить функцию кино только к вскрытию социальных язв, на мой взгляд, довольно недалновидно и даже примитивно. В конце концов кино – не газета. Даже те картины, которые в свое время привлекали социальностью и актуальностью момента, сегодня трогают вовсе не этим. Даже «Броненосец «Потемкин» сегодня не про социальный протест и восстание. Это прежде всего триумф киноформы, яростный язык, энергия, которая бьет с экрана, а вовсе не революционный лозунг, который извлекается из истории мятежного броненосца. Во всяком случае, мне так кажется.

Подозреваю, что многие, прежде всего критики, забыли, что кино – это все-таки искусство. Читаешь иную рецензию, видишь, что автор обращает внимание только на социальный подтекст. Или даже – на социальный текст. Рецензент не понимает, как, какими средствами сделано кино, не видит, как оно смонтировано, за рамками его интереса остается пластика, мизансцены, то есть то, с чем мы работаем, что на самом-то деле составляет основу нашего труда и результат творчества.

В любом случае, мне кажется, у нас не будет нормального кино, пока не будет нормального кинопроцесса. Пока зрители не начнут ходить в кинотеатры не на отдельные фильмы-события, о которых все уши прожужжали с телеэкрана или раструбили с помощью мощной рекламной кампании, а раз в неделю, ладно, два раза в месяц. Но не реже. Тогда возникает интерес к киноискусству, начинаешь что-то представлять, выбирать, что больше нравится, что меньше. И уже не ждешь от каждого фильма, чтобы он стал самым-самым выдающимся. Так не бывает. Только время расставляет все по своим местам. И вдруг оказывается, что картина, которую смотрели в детстве и которая вроде бы ничего собой не представляла, стала одной из важных вех нашей личной жизни.

– *Хочу поспорить по поводу походов в кинотеатры. Это нереально. Кинотеатр стал коммерческим учреждением, и далеко не все могут позволить себе туда пойти.*

– Вы имеете в виду финансовые возможности?

– *Конечно. А также телевидение, Интернет, которые перетягивают одеяло на себя. Ведь есть же это?*

– Это, безусловно, есть, но мы должны понимать: одно дело – репродукция в журнале, например, Сикстинской мадонны, и совершенно другое – оригинал Рафаэля. В Интернете мы можем посмотреть фильм и получить какое-то представление о нем. Но увидеть оригинальное его качество, прочувствовать силу и эмоции можно только в кинозале. Во всяком случае, я уже не раз сталкивался с тем, что фильм на маленьком экране компьютера не производил никакого впечатления, а на большом ощущалась мощь картины, энергия, которая от нее идет. А от этого менялись и смыслы, и воздействие картины.

Понятно, что мы живем в очень специфическое время. У нас еще наложилось одно на другое: кризис в стране, и кризис в кино, и кризис в экономике, плюс развитие новых технологий... Это же все вместе сошло.

Скажем, в Америке поступательно справлялись с проблемами кино. Сначала возникло телевидение, и кинематографисты в 50–60-е годы прошлого века решали, как выживать в новых условиях... Потом возникло видео,

Олег
Меньшиков
и Николай
Лебедев
на съемочной
площадке
фильма
«Легенда
№17»

домашние просмотры, и киноиндустрия тоже решала эту проблему. Сейчас возник Интернет. Как кинематограф может с ним конкурировать, тоже решается на самом деле. Ведь, если не ошибаюсь, в Америке существует закон, по которому человек, скачивающий нелегально видеоконтент, обязан уплатить большой штраф. 5 тысяч долларов, кажется, за фильм.

У нас этого нет. Если я сделал табуретку, никто не посмеет ее забрать просто так. Надо купить. Иначе злоумышленника посадят в тюрьму. А если я сделал фильм, вроде как можно взять да и скачать его бесплатно. А фильм стоит очень много, и кино погибает из-за того, что средства, вложенные в производство, не возвращаются. Люди смотрят картины, но не платят за это. И еще есть тенденция, я наблюдаю за ней, но не знаю, как она будет развиваться: у зрителей почему-то появилось ощущение, что они вроде как делают одолжение, что смотрят кино. Мол, скачаю из Интернета, а потом еще выскажусь насчет того, что вы там наснимали. Это, конечно, иждивенческая позиция.

– *Все так плохо?*

– Нет конечно! У нас кино переживает не лучшие времена, но с другой стороны, и не худшие. Слава богу, стали появляться кинотеатры, ширятся киносети. Зрители стали идти в кино – это пока еще не массовое явление, но все-таки начало процесса. Понятно, не каждый фильм вызывает общий восторг. Всегда кому-то что-то нравится, кому-то что-то нет. Это нормально. Фильм не обязан всем нравиться. Иногда зритель не готов к его восприятию. Такое тоже может быть.

– *Нуждается ли зритель в воспитании?*

– Думаю, да. Но не так, как мы иногда это понимаем. Когда зрителю начинают внушать с экрана какие-то максимы, формулы поведения, то это ничего, кроме раздражения, не вызывает. Я не хочу, чтобы меня поучали в лоб. Мне хочется совершенно другого. У нас всех масса своих проблем. Ты приходишь в кино и вдруг узнаешь, что суще-

ЕКАТЕРИНА ЧЕШКОВА / РИА НОВОСТИ

Председатель
жюри основ-
ного конкурса
режиссер
Николай
Лебедев
на церемонии
закрытия
XXVII кино-
фестиваля
«Кинотавр»

этого лишены. Но если мы вернем зрителю ощущение, что, приходя в кинотеатр, он становится частью огромного организма, частью общества, может быть, снова наполнятся кинозалы? Я видел, как это происходит в Америке, где уж развлечений полно всяких. А в кинотеатры люди ходят. И не только на супермегаблокбастеры. На таких фильмах, кстати говоря, была самая невнимательная, равнодушная аудитория, хотя зал был полный. А вот на других картинах, где я был, допустим, на фильме «21 грамм» с Шоном Пенном в главной роли, был тоже полный зал. Боже, как люди воспринимали эту картину, поразительно! Уже на выходе начинали ее обсуждать, говорили о сюжете, о том, как снято, об актерах... Кино когда-то объединило людей. И объединяет сейчас. Фильмы, снятые на другом конце света, были способны донести эмо-

стует другой мир, который тебя манит и влечет. И ради этого стоит жить. Или узнаешь что-то новое для себя, неожиданное о мире, который тебя окружает. И это опять же помогает тебе жить. Но уж точно я никогда не шел в кинотеатр, чтобы мне объяснили: все плохо, будет еще хуже и надо повеситься.

– Я не говорю о воспитательной функции, я имею в виду воспитание взыскательного и умного зрителя, который будет смотреть кино...

– Но это у нас уже было. Была система проката, очень подробно выстроенная. За счет этого кинематограф функционировал. И зрители шли в кино. И я помню, что были школьные абонементы. В девять утра приезжали дети в кинотеатр и смотрели фильмы. Иногда картины казались им не очень интересными, и дети пытались улизнуть из зала, а их не выпускали. А иногда было очень интересно. И с детской поры мы приучались к тому, чтобы смотреть разное кино.

Я опасуюсь давать какие-то советы. Чем старше становлюсь, тем более осторожно это делаю. Потому что на самом деле никто не знает, что правильно, а что нет. И убежденность в том, что твоя идея самая-самая верная, свидетельствует не столько о твоей правоте, сколько о глупости. Я не знаю, как сегодня вернуть зрителя в кинозалы. Но знаю, что точно не палками и точно не тоскливым кино, которое невозможно смотреть.

Вот на недавнем Московском кинофестивале люди ломались в залы. Ломались! Даже на ночные сеансы. Видимо, фестивали дают возможность ощутить себя частью большого мира. Ведь кино помимо прочего выполняет еще и эту функцию. Вспомните, когда мы раньше шли в кинотеатр, то понимали, что, выйдя из кинозала, обсудим фильм с соседями, с друзьями, с родными, которые тоже смотрели это кино. Возвращались к этой теме через месяц, два, три где-то и с кем-то. Мы цитировали киногероев, многие высказывания, звучавшие с экрана, входили в нашу жизнь как кодовый язык, как универсальное средство выражения мыслей и состояний. Мы оказывались частью огромного процесса – не только кинопроцесса. Это было такое общее течение жизни социума. Сегодня мы

цию в самые отдаленные уголки планеты, и зрители понимали – мы все похожи друг на друга, у нас общие печали и общие радости, общие стремления к счастью, общее желание любви и понимания. В Америке сумели сохранить вот это чувство единения, которое нам дарит экран. У нас, к сожалению, его разрушили. Если мы сможем это вернуть, вернется интерес к нашему кино. И вообще к кино. И вот когда вернется культура посещения кинотеатров, думаю, и в обществе что-нибудь изменится. Но как это сделать, я не знаю. Я делаю свое дело, пытаюсь снимать кино. Иногда получается лучше, иногда хуже, но всегда очень стараешься, хочешь, чтобы у людей, находящихся в зале, фильм вызвал душевный отклик, может, в следующий раз они снова придут в кинотеатр.

– Что у современного российского кино появилось по сравнению с советским и чего не хватает?

– По сравнению с советским появилась возможность экспериментировать в жанрах, в арthouse, стало больше свободы. Не хватает, мне кажется, зрителя и не хватает внутренней ответственности перед зрителем. Не хватает профессионализма и умения четко, внятно, образно рассказать захватывающую историю, о ком бы или о чем бы она ни повествовала.

Я застал, совсем немного, эти художественные советы, было очень сложно проходить через них, иногда действительно корежили картины, иногда даже судьбы кинематографистов ломались. Но вот эти редакционные и художественные советы, несмотря на свои недостатки, все-таки обладали одним заслуживающим внимания качеством: в процессе обсуждений вырабатывались некоторые решения, позволявшие отточить фильм, не допустить прилизанности или невнятности. Члены этих худсоветов – режиссеры, сценаристы, редакторы – в большинстве своем были профессионалами. И авторы фильмов были вынуждены заботиться о том, чтобы быть хотя бы элементарно понятными. Не угождать публике, не расшаркиваться перед ней, но быть понятными в том, как они представляют историю, как общаются со зрителем, какой посыл они передают. Вот этого современному российскому кинематографу сегодня как раз и не хватает. ❧

A dirt road winds through a rural landscape. On the left, there is a wooden building with a corrugated metal roof, partially obscured by tall grass and white flowers. In the background, another wooden house is visible. The road curves to the right, leading into a dense forest of tall trees. The sky is overcast and grey.

ЛЮДИ И МЕДВЕЖАТА

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

РАЗНЫЕ БЫВАЮТ СЕМЬИ. БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ, ДРУЖНЫЕ И НЕ ОЧЕНЬ. В ЭТОМ СМЫСЛЕ СЕМЬЯ ПАЖЕТНОВЫХ ПО-СВОЕМУ УНИКАЛЬНА: ОНА И БОЛЬШАЯ, И ДРУЖНАЯ, НО ГЛАВНОЕ – УЖЕ ТРИ ПОКОЛЕНИЯ ЭТОЙ СЕМЬИ ЗАНИМАЮТСЯ ОДНИМ ДЕЛОМ – ИЗУЧЕНИЕМ ЭКОЛОГИИ И ПОВЕДЕНИЯ МЕДВЕДЕЙ. ОПЫТ У НИХ НАКОПЛЕН КОЛОССАЛЬНЫЙ. ОСНОВУ ЕГО ЗАЛОЖИЛ ВАЛЕНТИН СЕРГЕЕВИЧ ПАЖЕТНОВ – ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРАЛЬНОГО ЛЕСНОГО ЗАПОВЕДНИКА В ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ. СЕЙЧАС ВМЕСТЕ С НИМ ТРАДИЦИЮ ПРОДОЛЖАЮТ ЕГО СЫН И ВНУК – СЕРГЕЙ И ВАСИЛИЙ, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ХОРОШО ОТЛАЖЕННЫМ ДЕЛОМ – СПАСЕНИЕМ МЕДВЕЖАТ-СИРОТ И ПОДГОТОВКОЙ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИХ НА ВОЛЮ, В ДИКУЮ ПРИРОДУ.

ДИНАСТИЯ НЕ СКЛАДЫВАЕТСЯ СРАЗУ. ВАЛЕНТИН Сергеевич, недавно отметивший свое 80-летие, уже мальчишкой знал, что главное его желание – жить на природе, в лесу. Есть люди, наделенные особым даром тонко чувствовать и любить дикую природу во всем богатстве и причудливых взаимосвязях первозданной Жизни.

ВАЛЕНТИН СЕРГЕЕВИЧ

Родился Валентин Сергеевич в небольшом промышленном городке Каменске-Шахтинском в Ростовской области, где нетронутая природа сохранилась лишь в припойменных лесах Северского Донца да в небольших сосновых колках, насаженных по степи еще во времена Петра I. Там он и пропадал во время летних каникул. Кабаны, косули, птицы, змеи, ящерицы – все это необъяснимо и властно влекло и занимало его. И он решил, что, когда вырастет, станет охотником. Отец знал о пристрастиях сына, но, когда тот окончил школу-семилетку, все-таки устроил его работать на завод, чтоб «не болтался» попусту. Тут, казалось бы, и конец увлечениям юного натуралиста. Но характер того уже

сложился – так что и работу на заводе он использовал для приобретения нужных навыков: научился мастерски работать с топором, делая опоки (формы для литья), сварку освоил, срубы в ремстройцехе рубил. В лесу человек должен все уметь делать сам – вот он и осваивал специальность за специальностью. Потом армия: разобрался в автомобиле досконально, получил права. В общем, специалист-универсал. После армии вернулся домой, женился и очень скоро вместе с женой Светланой уехал в Красноярский край. Давняя мечта его сбылась – он стал охотником. Сибирская тайга потрясла его.

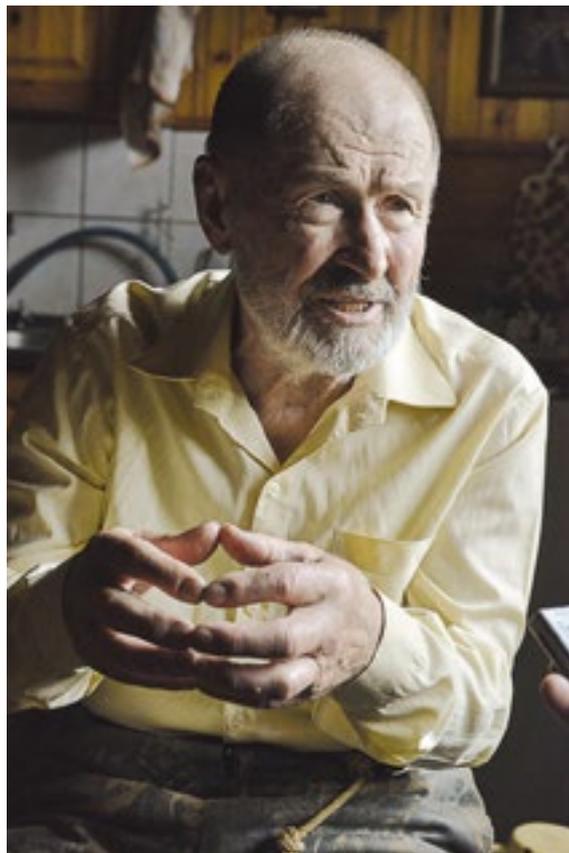
– Это спокойная, глубокая, неброская сама по себе, но с особой таинственностью и торжеством среда. И взаимодействовать с ней нужно очень-очень аккуратно, она требует предельного уважения, иначе там просто не выжить.

Несколько лет, проведенных в Сибири, стали для Валентина Сергеевича настоящей школой: как и все охотники, он большую часть времени жил в лесу.

– Может быть, об этом и не нужно, и совестно даже рассказывать, но в тайге я забывал, что у меня есть семья, ребенок... Скажем, сына своего, Сергея, я в первый раз увидел, когда он родился, а в следующий раз – когда ему исполнилось уже два месяца, – вспоминает Валентин Сергеевич.

Но работа охотника-промысловика дело специфическое, в ней не хватало глубокого изучения и познания природы, так что семья решила вернуться домой и найти работу в одном из заповедников. Но, как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Лишь окончив экстерном среднюю школу,

Патриарх рода –
Валентин
Сергеевич
Пажетнов

Деревня
Бубоницы
затерялась
в глухих
тверских лесах

поработав директором совхоза и поступив во Всесоюзный сельскохозяйственный институт заочного образования, подобрал Валентин Сергеевич с женою место, где им хотелось бы жить и работать, – Центральный лесной заповедник в Тверской области. Здесь-то и свела его судьба с Леонидом Викторовичем Крушинским – тогда членом-корреспондентом Академии наук СССР, лауреатом Ленинской премии, ведущим специалистом по поведению животных.

– Крушинский меня спросил: можете в лесу жить? Могу, – вспоминает Валентин Сергеевич. – Он говорит: есть интересная работа, но вы должны пройти стажировку у нас в университете на кафедре высшей нервной деятельности. У Крушинского как раз готов был проект: проследить формирование поведения медвежат в семье до того момента, когда они обретают самостоятельность, могут выжить без опеки матери. А как это сделать? По сути, я должен был подменить им мать, жить в лесу, сначала подкарм-

Медвежата оставили игру и принялись за кашу

ливать их, как это мать делает (медведица кормит потомство с момента рождения в декабре–январе до июля, когда они сами переходят на естественные корма. – Прим. авт.), а потом просто водить их и наблюдать, как они приспосабливаются к естественной среде, как живут, чем питаются, где отдыхают, какие у них отношения с другими животными. Это было задумано как многолетний эксперимент.

Мы нашли берлогу, где была медведица с медвежатами, я поставил палатку неподалеку, стал ждать. 28 марта медведица вышла из берлоги. Довольно быстро почуяла меня и пошла в атаку. Два раза делала пугающие такие броски, но я отреагировал правильно: остался на месте, заговорил громким голосом – и она ушла. Я тогда не знал еще, что если спугнуть медведицу на берлоге, то она медвежат броса-

Своеобразный герб биостанции «Чистый лес»

Искупаться
в лесном
озере – огромное
наслаждение

ет, уходит и больше не возвращается. Я вернулся в палатку и стал ждать. Ночью она не пришла. Ну, если ночью не пришла, то днем точно не придет. Я залез в берлогу и забрал медвежат в палатку. Вместе с ними спал там три дня. Я должен был с ними в берлоге побыть как бы. А на четвертый день вышел из палатки им молоко подогреть, смотрю – они все за мной. То есть у них сложился уже образ меня как матери. Так и началась для меня лесная жизнь. Светлана Иванова мне собирала рюкзак, и я уходил в лес на 36 дней. Мы договаривались с женой, что через 12 дней встретимся там-то и там-то. В условленном месте в условленное время мы встречались, она мне отдавала полный рюкзак, а пустой забирала – я ведь с медвежатами был. И снова мы с ними уходили в лес. Я наблюдал, что они едят, как осваивают территорию, становятся самостоятельными. Потом я уже знал наиболее кормные места и водил их к берегам речек, озер, где много для них вкусной растительности. Поз-

же – уже на ягодники, на овсы, на желуди, где они могли нажировать достаточно жира, чтобы благополучно перезимовать. И, в общем, выяснилось, что к концу лета они уже самостоятельны. Я как суррогатная мать им больше не нужен. В общем, эта весенне-летняя работа с медвежатами два с половиной года продолжалась, результатом ее стала книга «Мои друзья – медведи». Потом уже появилась монография «Бурый медведь».

– **А вам удалось полюбить медведей?**

– Нет. Я не имею права их любить. У медведя своя жизнь, у человека своя. Надо понимать его как особую составляющую леса, как нашего русского зверя, который олицетворяет силу, здоровье, ум, потому что он умный... Мне он очень интересен сам по себе как вид, который так и остается глубоко загадочным, хотя я про медведя знаю очень-очень много. Но что-то есть еще такое, в самой основе, в стержне медвежьем, во что никак не проникнуть. В общем, мы со Светланой Ивановой проработали в Цент-

ральном лесном заповеднике семнадцать лет, и из них двенадцать – это была очень интенсивная работа, связанная с экологией медведей и с медвежатами. Когда мы всё это прошли, то возник новый интерес. Заповедник – это все-таки особо охраняемая территория, искусственный изолят. А как ведут себя медведи в естественных условиях, в антропогенном ландшафте, где есть присутствие человека, рубки леса, охота? Стали подыскивать место и вот – нашли эту деревню под Торопцем. И в 1985 году переехали сюда. Тогда здесь еще два дома жилых оставалось. Я отремонтировал заброшенную избу, печку переложил, мы перезимовали. А в 1990 году сюда же из заповедника переехали дети. И здесь уже началась работа Сергея по реабилитации медвежат-сирот, к которой в 1996 году присоединился Международный фонд защиты животных (IFAW). Сейчас здесь – биологическая станция Центрального лесного заповедника «Чистый лес».

СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ

Сергею Пажетнову – 55. Окончил тот же институт, что и отец, работает в том же Центральном лесном заповеднике старшим научным сотрудником, возглавляет программу по реабилитации медвежат-сирот, проводит вместе с женой Катей летнюю экологическую школу для детей, которая называется «Медвежата». С ним мы хотели говорить о спасении медвежат, но после разговора с Валентином Сергеевичем образовалось у нас столько вопросов, что невольно разговор перешел собственно на медведей. В чем своеобразие медведя? Насколько он опасен для человека? И почему самка бросает медвежат, если ее потревожить в берлоге?

– Ну, – вздохнул он, – давайте по порядку. Встречи с человеком медведь избегает. У него плохое зрение, но зато отличное обоняние и слух. Человека он слышит метров за триста. Медведь очень боится человека. Запаха его боится, белого плоского лица. У нас фронтальная ориентация лица, такого нет у других животных. То есть человек в лесу – это совершенно особое очень страшное существо. У него запах, которого боятся все дикие звери. Человек разговаривает. Сама по себе членораздельная речь очень отпугивает. Вот мы на этом играем. Когда с медвежатами работаем, мы не разговариваем, они человеческого голоса не слышат и поэтому, когда их выпускают и они слышат где-то человеческие голоса, убегают. Это один из факторов, который позволяет медвежатам выживать.

Тем не менее медведь может человека атаковать, но если человек не побежал, он уйдет. Ну а если побежал, у него срабатывает другой механизм – на добывание. Нужно оставаться на месте, громко, с силой заговорить – и тогда медведь уйдет обязательно. А вообще, есть четыре ситуации, в которых медведь может быть опасным. Первая – если у медведя есть

Сергей Валентинович Пажетнов – руководитель программы по реабилитации медвежат-сирот

добыча. Он ее защищает. Как такой ситуации избежать? Где у медведя добыча, обязательно собираются птицы – воробьи, сороки, вороны как сережки висят на деревьях. Идешь, смотришь – вон там точно у медведя что-то лежит, и медведь там. Туда ходить нельзя!

Вторая ситуация – когда человек входит в пространство между медведицей и медвежатами. Такие случаи бывают, особенно в июне, когда медвежата уже далеко могут отбегать от матери. Она может ударить человека.

Третья ситуация, это когда у медведей свадьбы, а человек попадает между самцом и самкой. Особенно если медведица еще не готова к спариванию, а медведь ее домогается. Он очень возбужден. И если человек попадает между ними – дело может обернуться плохо. Особенно в горах это опасно, где одними тропами ходят и люди, и звери.

Ну, и четвертая ситуация, это когда медведь строит берлогу. В это время у него очень высокая тревожность: то есть для

него берлога – она вроде бы и нужна, и страшно тут оставаться, потому что ты куда потом не денешься. Мы занимались изучением берложного поведения медведей: медведь в берлогу залезает всегда задом, пятится задом наперед, как бы давая понять, что он из берлоги вышел и куда-то ушел. Чтобы человек, наткнувшись на такой след, так подумал. Это страх, который сидит в медведе с каменного века: охота на берлоге всегда была самым легким способом добыть медведя. После 2012 года, когда была запрещена легальная охота на берлоге на медведя – причем запрещена специальным указом президента страны, – случаев попадания к нам медвежат, осиротевших из-за такой охоты, стало гораздо меньше. Хотя, конечно, браконьерства никто не отменял.

У медведя самая сложная архитектура головного мозга из всех хищных млекопитающих. Отсюда – и высокая возбудимость, переходящая иногда в ярость, и любопытство, и самые разнообразные формы комфортного поведения. Вы слышали, может быть, что медведь «играет» на расщепленном дереве: зацепит когтями отщеп дерева и отпустит – «Д-р-р! Д-р-р!». Долго может так слушать. Причем у него лицевых мышц нет, внешне он остается совершенно бесстрастным. Это очень комично...

– А что все-таки составляет основу его рациона?

– Медведь – необычный хищник, потому что основу рациона составляет все же растительность. Основным белковым кормом в июне–июле являются муравьи, личинки и куколки земляных муравьев. Медведи активно раскапывают муравейники. И очень долгое время они «сидят» на муравьях, как раз когда у них идет активное размножение. Часть муравейников потом восстанавливается, и, значит, опять он эту территорию использует. А так в основном, конечно, жировочные кор-

ма – овес посевной, у нас здесь есть небольшое поле. Нужно несколько дней, чтобы он вьелся как следует в овес, но зато потом он на овсах набирает до 300 граммов в день. Желудь, если урожай. Нет такого зверя в лесу, чтобы не ел желуди. Мы школьников привлекали к сбору желудей, чтобы подкормить своих медвежат для зимы. Сейчас ягода начинается – черника, малина, брусника, рябина. В пищу

медведь использует до 150 видов растений.

Как правило, охотятся крупные медведи-самцы. Не медведица с медвежатами. Допустим, в Норвегии, где кормовая база растительности беднее, чем в средней полосе России, медведь охотится на овец. Там это основная проблема. Раньше, когда у нас здесь народу и, соответственно, скота было больше, тоже встречались такие медведи – скотин-

Медвежата вскарабкиваются на дерево в считанные секунды

ники. Обычно «обслуживали» сразу несколько деревень. Ну, их отстреливали, конечно. Потому что как только медведь один раз удачно поохотился на какое-то животное – на корову, телят, лося, кабана, – он будет при первой же возможности повторять такой опыт. Особенность хищнического поведения медведя заключается в том, что он упорно преследует выбранную жертву. Ну, скажем, лося. Лось может несколько дней ходить, встречаться с другими лосями – и все равно медведь его по запаху вытропит и добудет.

– *А сколько вообще медведей сейчас?*

– Численность популяции стабильная: где-то один медведь на тысячу гектаров. Тверская область большая, поэтому мы считаем, что здесь – немногим более 2 тысяч. То же – в Костромской, Вологодской, да и вообще в центральной части Европейской России. Хватает везде сейчас медведей.

– *И какова вероятность встречи человека с медведем при такой численности?*

– Ну, как сказать? Человек и медведь существуют как бы в параллельных мирах. По крайней мере, раньше так было. Но раньше медведя на расстоянии удерживал страх: в любом случае при встрече с медведем в его сторону стреляли. Пугали. Ведь он знает, что выстрел – это смерть. А сейчас мы постоянно сталкиваемся с тем, что в лес попадают некомпетентные люди. Туристы. Увидят медведя – пряник ему кинут и еще радуются: «На обратном пути еще раз медведя посмотрим». А он уже ждет подачки. Не дали ему пряник – он за рюкзак. Рюкзак не отдаешь – значит, за человека. Вот вам и беда. Это отсутствие культурного отношения к дикой природе, скажем так. Если человек пришел в лес, то он должен иметь ясное представление о том, что он пришел в гости. Он не хозяин там. А когда ты пришел в гости, то к хозяину – лесу – нужно относиться с уважением: не насорить, не напакостить, не навязывать ему свои «цивилизованные» стереотипы поведения.

Это Майк – самый общительный и самый «проблемный» медвежонок

– Ну да. «Мишка добрый, мишка косопалый» – это же иллюзия? – Разумеется. Медведь кажется медлительным. Он действительно неспешно все делает. Но зверь необыкновенно быстрый, необыкновенно пластичный, как мешок с ртутью. Он совершенно свободно задней ногой может почесать себе затылок. Причем большой медведь. При весе в 300 кило-

граммов он может свободно залезть на дерево, на самую вершину, без всяких сучков. Да, это красивый, сильный и умный зверь, но относиться к нему надо с опаской. Вот что надо человеку понять. Но переубедить в чем-то человека труднее, чем зверя научить. Это я вам совершенно точно по опыту работы с медвежатами говорю...

Волонтер Юра варит медвежью кашу

ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Вечером мы отправились к вольеру, где живут медвежата, которых готовятся выпустить в живую природу. Прошел дождик, вокруг оглушительно звенели комары. Впереди с коромыслом, на котором висели два ведра с кашей, бодро шагал Василий – сын Сергея, за ним – сам Сергей, потом Андрей Семашко с фотоаппаратом и последним – я. У вольера Сергей сделал мне знак: дальше не ходить. И так слишком много для малышей впечатлений: новый человек, новый запах, лицо, не закрытое накомарником... Открыли калитку и молча вошли. Внезапно послышался громкий треск – это двое медвежат, размером, как мне показалось, с хорошего фокстерьера, стремительно вскарабкались на дерево. Остальные, играя, возлились на земле.

– Надо же, как в чехарду играют, – прошептал Андрей. Сергей взглянул на него изумленно и, выпучив глаза, приложил палец к губам. Василий молча вывалил кашу на землю.

Медвежата бросили игру и стали есть. Только один, черненький, с любопытством рассматривал людей. Сергей тонким прутиком легонько ударил его по морде: мол, нечего глазеть, иди к своим. На этом вся процедура закончилась. В полном молчании мы повернули назад. И, только вернувшись в деревню, позволили себе новые распросы.

– *Что я сделал не так?* – спросил Андрей.

– Заговорил, – сказал Василий. – Им сейчас по полгода – возраст, когда формируется страх перед человеком. Это главная реакция, которая позволит им потом выжить в дикой природе. Поэтому мы стараемся никого не допускать к ним, они знают только меня и отца. Да и то – только по запаху. Медвежат, которые пробыли у людей хотя бы неделю, мы к себе не берем. Они очень быстро привыкают к человеку. А главная наша задача – чтобы такого привыкания не возникло. Потому что иначе медведь полюбому будет выходить к людям. Вот у

Собираемся
кормить
медвежат

нас в отдельной клетке сидит медведица Маша. Привезли ее с Алтая. Там с ней какой-то фотограф работал, пока она медвежонок была. А потом она выросла, и он решил избавиться от нее. Привязал к дереву в лесу. Там ее и нашли. Она, можно сказать, безнадежно испорчена и под программу реабилитации не подпадает. Мы согласились ее поддержать у себя, пока будут оформляться документы для отправки ее в Румынию, где создается медвежий парк. Все-таки там условия получше будут, чем в зоопарке.

– *А как вообще медвежата попадают к вам?*

– Почти всегда в этом виноват человек. Типичный случай: прогуливается человек по лесу с собакой и спугивает медведицу из берлоги, а медвежонок остается. К нам первый такой медвежонок поступил 22 декабря. Только-только родившийся. Когда его люди подобрали, он уже был околелым. Но медведи очень крепкие зверушки. Он отошел, оклемался, но оказалось, что у него пневмония. Здесь выявить ее невозможно – у нас нет УЗИ, нет рентгена. В общем, этот медвежонок к нам попал в хорошем состоянии, в месячном возрасте уже. Нашли его в Вышневолоцком районе. Опять такой же случай – медведицу спугнул человек с собакой.

– *Это тот черненький?*

– Да, который Майк. Самый дошлый, самый наглый и любопытный. С ним надо будет поработать еще, чтобы он все-таки подпал под реабилитацию нормально. Потому что он общительный. Может, придется его у себя на зимовку оставить, ведь после зимы медведи дичают. Такого можно будет спокойно выпускать.

– *А в каком возрасте вы их выпускаете? Сколько им лет?*

– Не лет, а месяцев. Сейчас конец июня, а уже в июле, когда им будет месяцев по семь, спокойно можно выпускать. В дикой природе медведица обычно проводит с медвежатами

две зимы. Весной, после выхода, когда у медведей начинается гон, семья распадается: но тогда медвежатам уже около полутора лет. А наши, которые растут без матери, способны сами и жиру на зимовку набрать, и берлогу себе устроить...

Потом у нас появились два медвежонка из Псковской области – Зоя и Зося. Там были лесозаготовительные работы, медведица убежала, но лесники вовремя медвежат достали, потому что они пищали, и мы за ними ездили. С этими проблем нет. Маша попала к нам из Карелии. Тоже самочка: опять же, это лесорубы, валка леса. Тильда – это, скорее всего, нелегальная охота на берлоге. Мать убили, медвежонок остался. Это Ленинградская область. Злата и Зёма прибыли к нам из Костромской области. Два медвежонка вышли прямо к деревне, собаки их могли в любое время задавить. Но участковый спас медвежат. Нам пришлось с ними поработать, медвежата были истощены, и мы боялись, что они погибнут. Первые три-четыре дня делали уколы, вводили физраствор и глюкозу, чтобы поддержать организм. Они даже есть не могли. Поэтому с этими медвежатами нам пришлось повозиться. Я вчера смотрел, как они контактируют с основной группой. Наблюдал с десяти метров. Ближе нельзя. Иначе умотают на дерево. Никак они с остальными не сойдутся. Но это, в принципе, не важно. Главное, чтобы они не ушли немечеными. Но тут анестезия нужна, она сразу не действует, нужно две-три минуты, а на дерево они забираются за несколько секунд на 15 метров. Грохнутся с дерева – это тоже не очень удачный вариант. Хотя можно поставить эксперимент. Упадут, так упадут. Если уйдут, то слава богу. Я думаю, без проблем приживутся в природе такие медведи.

– *Когда мы подходили к вольеру, там одна калитка была открыта. Это что – выход в лес?*

– Да, это выход в лес. Он всегда открыт. И в любой момент мед-

Работая с медвежатами, человек должен по возможности стусшеваться

вежата могут уйти. Но лучше довести дело до конца: пометить их – мы такие большие желтые ушные метки им делаем, чтобы было видно, что это не простые медведи, а реабилитируемые.

– *А дальше что? В чем, собственно, смысл вашей работы?*

– Ну, смысл прежде всего гуманистический. Человек сделал этих медвежат сиротами – человек же и должен вернуть их в жизнь, в дикую природу. Конечно, общее количество медведей от этого не изменится, хотя таких медвежат через наши руки прошло уже более двухсот. Но что-то сделать мы можем. Скажем, мы своими питомцами можем заселить какой-то уча-

сток. Мы эту работу сделали в Брянском лесу. Это локальный лесной массив, где-то около 500 тысяч гектаров, в котором медведя не осталось. После войны там 100 медведей регистрировали, потом все меньше, меньше, считали пять-семь, и то под вопросом, а есть ли они там. В 1996 году отец с мамой начали по согласию с администрацией подселять медвежат-сирот в заповедник «Брянский лес». Сейчас там восстановилась популяция. Медведицы с нашими метками с медвежатами ходят. Теперь там где-то около полусотни медведей. Еще научная работа проводится: отслеживание того, что

Брошенный деревенский дом перестроен и теперь выглядит вот так

Четыре поколения семьи Пажетновых: Светлана Ивановна и Валентин Сергеевич, Сергей и Катя, Василий и Ирина и маленький Василий Васильевич

дальше с нашими зверями происходит. Используем для этого либо спутниковые ошейники, либо ушные радиометки. Очень удачно одну медведицу отследили: несколько лет назад осенью на овсах ее засекли с ушной меткой с тремя медвежатами, она перезимовала успешно, весной мы ее видели с теми же медвежатами – уже лынчаками, то есть полторагодовалыми – на клюквенном болоте, а в этом году мы опять ее увидели на болоте, с новым потомством. То есть этой медведице не менее 8 лет уже, если не больше. А так максимально наши медведи проживают в природе – данные отстрела на овсах у нас есть – 7 лет, 6 лет. Но это самцы.

– **А что, охотники и ваших отстреливают? Не жалко вам их?** – Чувство сожаления, конечно, есть. И в то же время есть чувство радости, что этот зверь прожил в лесу дикой жизнью три, четыре, десять лет, что эта медведица, которая могла погибнуть в раннем возрасте, выжила и принесла потомство. Это большая радость. Для всех нас большая радость, когда мы видим плоды своего труда. Тут эмоции через край, руками можно махать, и радоваться, и прыгать. Не на людях, конечно...

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Василий Васильевич – сын Василия, правнук Валентина Сергеевича. На фотографии ему 7 месяцев. Он еще не говорит. Как сложится его судьба? Будет ли он заниматься медведями, как его отец, дед и прадед? Вероятно. Ведь он – Пажетнов. Но что мы оставим ему в наследство? Вот вопрос. Давление «человеческого фактора» на природу возрастает с каждым годом. Человек рвется в лес со всеми своими джипами, квадроциклами, карабинами и приборами ночного видения – и, не думая, берет, берет, берет. И убивает. Сейчас во всей Центральной России не осталось крупных медведей – все повыбиты любителями премиальной охоты. Сергей бывал на совещаниях егерей Тверской области, спрашивал: кто и когда видел крупного медведя у себя в хозяйстве в последний раз? Никто не видел. И здесь напрашивается вопрос: а что происходит, когда мы теряем медведя? Мы теряем сначала медведей, потом волков, потом лис и зайцев, вытапываем грибы и ягоды – и вот уже только собаки бегают по лесу, да дымят мангалы выехавших «на природу» подвыпивших любителей праздного отдыха. Но что теряет при этом человек? – вот, пожалуй, главный вопрос.

В мифопоэтическом восприятии народов мира медведь повсюду – от Западной Европы до Аляски – почитался как тотемический первопредок человека, хозяин леса. Но в нынешней России 73 процента населения проживают в городах и, кажется, совсем не обеспокоены тем, кто в лесу хозяин. Цивилизации дорогих автомобилей, «звездных» конкурсов, блог-культуры, телесериалов, шопинга и ток-шоу медведь не нужен. Он остается лишь престижным трофеем для любителей охоты. Если задуматься, что все это вместе значит, мы, может быть, поймем, что на глубинном уровне речь идет об утрате человеком своей человечности.

Сегодня проект семьи Пажетновых и Международного фонда защиты животных – единственный на всю Россию. Правда, второй такой центр скоро будет открыт на Дальнем Востоке. Наверное, это хорошо. Но так же наверное – мало. Что добавить к этому? Цивилизация потребления не всесильна. Изобретатели, а не приобретатели были и остаются стержнем культуры. В этом смысле маленькому Василию Васильевичу повезло – он родился в семье необыкновенных людей, делающих необыкновенное дело. 📌

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРОРЫВ И ТУПИК

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ВСЯКИЙ, КТО СМОТРЕЛ ФИЛЬМ ЭЛЕМА КЛИМОВА «АГОНИЯ», ЛЕГКО ВСПОМНИТ ЭТОТ ЭПИЗОД. ГРИГОРИЙ РАСПУТИН РАССКАЗЫВАЕТ ИМПЕРАТРИЦЕ АЛЕКСАНДРЕ ФЕДОРОВНЕ ВЕЩИЙ СОН ПРО СТАДО БЕГУЩИХ БАРАНОВ. ТА ИСТОЛКОВЫВАЕТ ВИДЕНИЕ ПО-СВОЕМУ, С ТРАКТОВКОЙ ГОСУДАРЫНИ СОГЛАСЕН И НИКОЛАЙ II. КАК СЛЕДСТВИЕ – НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА ЛЕТНЕГО НАСТУПЛЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ В 1916 ГОДУ ПЕРЕНОСИТСЯ С ВИЛЬНЫ НА БАРАНОВИЧИ.

КИНО – ОНО И ЕСТЬ кино. Даром что наряду с цирком – «важнейшее из искусств», как говаривал вождь мирового пролетариата. Он не случайно доносил эту мысль до наркома просвещения Анатолия Луначарского еще в 1922 году. Не об искусстве как таковом думал Ильич – о громадной пропагандистской силе, присущей синематографу. Вот чего он точно не предполагал, так это то, что спустя лет восемьдесят кино в современной России превратится, за редкими исключениями, в «чистый цирк». Но в 1974 году, когда «Агония» была закончена, к серьезному кино в СССР

относились более чем серьезно. В том числе единственный заказчик – Госкино, то бишь Государственный комитет по кинематографии. Он же – и официальный цензор. Похоже, одна из главных пиар-задач, поставленных перед создателями – режиссером Климовым, сценаристами Семеном Лунгиным и Ильей Нусиновым, – полная дискредитация в глазах советского зрителя царской власти и ее последнего носителя, Николая Александровича. Отсюда и «фейк» про сон Распутина и стадо баранов. Хорошо хоть, не стали использовать гулявшую в армии байку про причину изменения плана наступления. Окопники шутили, что в Барановичах-де продолжает работать на редкость шикарный «веселый дом», вот генералы туда и рвутся, соскучившись.

ОШИБКА ГЕНЕРАЛА

На самом деле сны Распутина и генеральская грусть ни при чем. А «при чем» – генерал от инфантерии Алексей Эверт, командующий армиями Западного фронта. Судя по послужному списку, Алексей Ермолаевич свое дело знал. Два ордена Святого Георгия, 3-й и 4-й степени, Георгиевское оружие... Правда, последняя боевая награда, третий Георгий, дарована была в октябре 1915-го. Более – ничего. Подвергать сомнению заслуги участника трех войн некорректно. Тем более что один из сослуживцев дал ему такую характеристику: «Как ближайший начальник и человек он был прекраснейший, скромный и благородный». Посему – одни факты. В 1882 году Эверт окончил Николаевскую академию Генштаба и вплоть до 1908-го служил в штабах, включая два краткосрочных опыта командования батальоном и полком. Далее – трехлетний период командования корпусом в мирное время. И снова кабинет. На сей раз – в Иркутском военном округе. А в августе 1914-го – сразу командарм. Эти подробности генеральской карьеры нужны для того, чтобы максимально объективно оценить одно-единственное решение Эверта, сыгравшее существенную роль в дальнейшей судьбе огромной державы и ее армии. Да-да, все тот же вечный спор о роли личности в истории, затеянный графом Львом Николаевичем.

Окончание. Начало см.:
«Русский мир.ru» №6 за 2016 год.

Итак – штабной. И в хорошем, и в дурном смысле слова. Многие отмечали склонность Эверта к оборонительной работе и неуверенность при наступательных действиях, осторожность, граничащую с пассивностью. Поразному сложилась судьба царских генералов после 1917 года. Кто-то воевал на «белой» стороне, кто-то – на «красной». Некоторые эмигрировали сразу после Октября, выжившие в боях против РККА – в 20-е. Были и такие, кто попал в жернова «красного террора» или под руку разномастным бандитам, как начальник Эверта в русско-японскую войну печально известный генерал Алексей Куропаткин. Алексей же Ермолаевич после недолгого пребывания в питерской ЧК переехал в Верею, где развил пчел. Вплоть до естественной смерти в 1926 году. В апреле–июне 1916 года Эверт был особенно верен себе. Он, наряду с командующим Северо-Западным фронтом Куропаткиным, на совещаниях в Ставке был категорически против любого наступления. А когда планы наступления были таки одобрены, всячески саботировал их выполнение. Наконец, когда от Верховного главнокомандующего, потерявшего терпение, пришло повеление наступать, именно Эверт принял самостоятельное решение о смене направления главного удара. Вместо удара на

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

северо-запад на пару с Северо-Западным фронтом по сходящимся направлениям он распорядился прорывать германский фронт на юго-западе его фронта, под Барановичами. Что подвигло генерала на принятие экстренного и одновременно странного решения? Странного в первую голову потому, что за многие недели подготовки к наступлению войска фронта были готовы к прорыву не хуже, чем южные соседи у Брусилова. Вот только севернее, под Молодечно, где закаленные Сморгонью и Вилейкой солдаты горели желанием добраться до «ерманца». Там были сконцентрированы силы, в два раза превышающие немецкую группировку. Пляцдармы подготовлены, позиции пристреляны, резервы подтянуты... Объяснить решение Эверта можно только иррациональными соображениями. В марте его войска провели крайне неудачную наступательную операцию на виленском направлении, получив-

Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925), генерал от инфантерии, член Государственного совета

шую название «Нарочское сражение», по озеру Нарочь. И похоже, Эверта мучила ментальная травма. Он попросту боялся наступать там, где уже чуть не свернул себе шею. Умом понимая, что удар на Барановичи, неподготовленный и спонтанный, скорее всего, принесет неудачу, тешил себя надеждой, что если вдруг успех будет, то удастся соединить усилия с везунчиком Брусиловым и ворваться в русскую Польшу через Брест-Литовск. Подобной надежды в отношении северного коллеги – еще более осторожного и сомневающегося во всем Куропаткина – Эверт не испытывал. Хорошо помнил сопки Маньчжурии, да и поведение бывшего начальника на совещаниях в Ставке не оставляло вопросов. Алексей Ермолаевич придумывал для себя всяческие объяснения, почему все-таки Барановичи. Крупнейший железнодорожный узел в Западной Белоруссии, прямая дорога на Варшаву, оборону держат не только германские, но и австрийские части... Кроме того, Эверт терзал Ставку заявлениями, напоминающими банальный шантаж. Ежели не позволите изменить диспозицию – снимаю с себя всю ответственность за результат, заявлял генерал начальнику штаба Ставки Михаилу Алексеву.

НАПРАСНАЯ КРОВЬ

Наступление на Барановичи началось 2 июля 1916 года. После артподготовки вперед пошли корпуса 4-й армии генерала от инфантерии Александра Рагозы. Того самого, что совместно с Эвертом делил горечь поражения в битве у Нарочи. Штаб Рагозы додумался до того, чтобы в передовую линию выставить Полесскую (Польскую) стрелковую бригаду, личный состав которой особого доверия не внушал. За что Рагоза и поплатился. Вернее, заплатили жизнью и ранами русские солдаты, пошедшие в бой. Несколько десятков поляков перебежали на сторону противника, и тот получил оперативные разведданные по 8-километровой линии предстоящего прорыва.

Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал от инфантерии А.Е. Эверт (на переднем плане) на позиции

Любопытная логика преследовала штабы Эверта и Рагозы. Рассуждали так: после артподготовки, когда в бой пойдет пехота, немецкие батареи затеют артиллерийскую дуэль с нашими пушками. Таким образом, пехотные волны спокойно докатятся до вражеских окопов и огневых точек, ну а дальше – «пуля – дура, штык – молодец». Оказалось, что австро-германские пушкари и не подумали вступить в обмен любезностями с русскими артиллеристами. Они открыли огонь по наступающей пехоте, и огненный вал следовал за ней. Отсюда и колоссальные потери, которые понесли пехотные и гренадерские дивизии в Барановичской битве.

«Исключительно большие потери противника, видимо, главная причина временного затишья; при таких условиях возобновление массовых атак было безнадежно. По сведениям от пленных, для пополнения сил одного лишь 9-го корпуса прибыли из России 22 маршевые роты, так как все резервы в тылу фронта были израсходованы», – писал в посвященном Барановичской операции выпуске Германского государственного архива его сотрудник герр Фогель. И он полностью прав. Неподготовленное наступление Западного фронта захлебнулось в крови. Потери 4-й армии Рагозы составили 80 тысяч человек, из них до 30 тысяч убитыми. Потери противника – 25 тысяч, из них убитыми – 8 тысяч. Немцы уверяют, что, по их подсчетам, австрийские и германские части под Барановичами потеряли не более 13 тысяч убитыми, ранеными и пленными.

Все это – следствие боев, продолжавшихся с перерывами с 3 по 16 июля. Причем последние три дня противник не только оборонялся, но и энергично контратаковал. Всякий интерес к наступлению собственных войск Эверт, похоже, потерял уже 9 июля. Из-за плохой видимости очередной штурм полевых укреплений австрийцев и германцев был отменен, перенесен и вновь – уже окончательно – отменен 14 июля. Условной причиной послужило отсутствие необходи-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Артиллеристы у орудия на огневой позиции

мого количества снарядов для артподготовки. Кстати, о недостатке снарядов, особенно для тяжелой артиллерии, на который бесконечно ссылался Эверт. Если читать германский вариант описания боев, то складывается совершенно иное впечатление. Наши 280-миллиметровые пушки молотили будь здоров! Вот только часто – в пустоту, так как провести полноценную разведку строившихся месяцами укреплений толком в штабе ЗФ не удосужились. Еще одна причина поражения Эверта и Рагозы в том, что в 4-й армии собрали кучу народа – 9 корпусов. Им попросту не хватало места для боевого развертывания. В итоге пока одни части гибли в лобовых атаках от огня артиллерии и пулеметов на берегах труднопроходимых речек и в дюнах, другие ждали очереди, чтобы идти в такую же лобовую атаку по телам прежде погибших. Неудивительно, что хоть и прогнущаяся, кое-где продавленная до третьей линии оборона врага, состоящая из 85 тысяч солдат, сумела выдержать натиск 340-тысячной 4-й армии.

Генерал от инфантерии А.Ф. Рагоза с офицерами штаба 25-го армейского корпуса. 1915 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОСЛЕ ЛУЦКОГО ПРОРЫВА

А что в эти дни происходило на Юго-Западном фронте, у Брусилова? Откровенно говоря, ничего бодрящего. Уставшие от непрерывных боев и потерь войска наткнулись на плотную стену германо-австрийской обороны, готовой к тому же к собственному наступлению. Перебросив все, что можно (и даже что нельзя), на реку Стоход, отделявшую Луцк от Ковеля, к Бродам, что прикрывают Львов с востока, к Коломые в предгорьях Карпат, противник 16 июня 1916 года перешел к активным действиям. Уверенность в своих силах была такова, что в германском Генштабе полностью разделили позицию его начальника, на полном серьезе заявившего: «Нет оснований опасаться русского прорыва на Вольни и Буковине... если только каждый на своем месте будет выполнять свои обязанности». Таким образом, генерал фон Фалькенхайн дал понять, что ресурсов для нивелирования русского наступления достаточно. Вполне обоснованное заявление. Из Франции, Италии и Македонии было перебросено более 400 тысяч штыков и сабель. Позже, в ходе августовского русского наступления, даже две пехотные дивизии турок подтянули из-под греческих Салоник.

Из документов Германского государственного архива следует нечто другое: на фронте очень опасались, что ресурса-то как раз и не хватит, если русские предпримут еще одно крупное наступление. Но Брусилов дал

приказ своим армиям остановиться и приступить к большой перегруппировке сил. Продолжала движение к венгерской границе только 9-я армия Платона Лечицкого, и 19 июня ее части поднялись на Яблонецкий перевал. Этот приказ Алексея Алексеевича имеет двойное толкование. С одной стороны, сил для продолжения наступления у его армий, особенно 8-й, калединской, почти не осталось. Более того, в ходе короткого контрнаступления немцам удалось отодвинуть части Каледина назад к Луцку. С другой – трехнедельная остановка позволила противнику не только укрепиться резервами, но и создать новые оборонительные рубежи по реке Стоход и южнее – подо Львовом, а главное – вернуть войскам утерянный боевой дух. Бежавших до недавнего времени австрийцев «размыли» боеспособными германскими частями, и те вышли из состояния паники.

В свою очередь, все валить на Брусилова тоже несправедливо. Он, потеряв инициативу, все ждал решений Ставки и по поводу подкреплений, и в связи с откладывающимся наступлением армий генерала Эверта. Но ни того, ни другого все не было. Едва на Юго-Западном фронте узнали о долгожданном наступлении Западного фронта на Барановичи, как тут же восстановили былую активность. Началось движение в сторону Ковеля. Две русские армии прорвали германский фронт на отдельных участках и форсировали Стоход в его нижнем, южном течении. Если взглянуть на карту, то эту речку сразу и не найдешь, нужно укрупнять масштаб до предела. Ее длина – всего 188 километров, ширина главного рукава – где 100 метров, а где и 10. Но название ей дали с умыслом. Стоход – сто ходов. Бесчисленные рукава, старицы, островки. По берегам – заболоченные луга, после сильного дождя превращающиеся в многокилометровые болота. В некоторых местах ши-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

рина Стохода вместе с рукавами и топями – до 4 километров. Локальный успех требовал дополнительных сил. Их не было, вновь нужна была двухнедельная пауза. Брусилов энергично просил резервов и ясности. Ясность пришла 9 июля, когда Ставка с огромным опозданием приняла решение: направление главного удара теперь будет в полосу наступления армий Юго-Западного фронта. Видимо, в отрицательном потенциале Эверта сомнений уже не было. Вместе с решением образовались и резервы. Те самые, которых так не хватило для продолжения наступления в середине июня. Брусилову среди прочего был передан и Особый отряд генерала от кавалерии Владимира Безобразова. То есть почти вся русская гвардия, восстановленная после кошмарных потерь осени 1914-го. Конечно, 16 гвардейских пехотных и стрелковых полков сравнение с полками довоенного образца проигрывали. Были выбиты кадровые офицеры и унтеры, рядовой состав, согласно высоким

Генерал
А.А. Брусилов
на станции
Ровно. Октябрь
1915 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Платон
Алексеевич
Лечицкий
[1856–1923],
генерал
от инфантерии

гвардейским требованиям, собирали по всей стране «с бору по сосенке». Но все-таки вернулись в строй, излечившись, раненые и контуженные. За месяцы подготовки в тылу удалось вдохнуть в роты прежний боевой дух, обучить новобранцев по высшей мерке, придать полкам гвардейский вид. Помимо пехоты в Особый отряд вошел и Гвардейский конный корпус. Надо заметить, что гвардейская кавалерия, как, впрочем, и армейская, пострадала в первые два года войны существенно меньше. И посему гвардейская кавалерия сохранила былую мощь. Впрочем, как показали последующие события, продемонстрировать ее так и не удалось.

Почти до конца июля штаб Брусилова выдумывал планы очередного наступления. Эверт в Белоруссии притих окончательно. На севере вдоль Северной Двины Куропаткин и не собирался шуметь. Полагаться следовало только на себя. 1 июля началась крупная заварушка во Франции. Друзья по Антанте двинулись наконец в обещанное масштабное наступление. Вскоре многомесячное сражение получило название «Битва на Сомме». В ходе этого, одного из крупнейших сражений на берегах реки Соммы в провинции Пикардия число погибших, раненых, пропавших без вести с трех сторон – британской, французской и германской – превысило 1 миллион человек. Немцам стало заметно тяжелее, и в расчетах учитывалось, что здесь, на Волыни, они будут драться тем, что есть под рукой. Потерявшие добрую половину армии в ходе июньского прорыва австрийцы тоже будут драться. Но только до той минуты, пока будут драться немцы. Все это следовало принимать во внимание штабным и самому Брусилову, на котором теперь лежала ответственность не только за успех летней кампании, но и за глобальный результат. Поступи правильно – и конец войне вполне мог бы наступить осенью 1916 года...

ПРОКЛЯТИЕ КОВЕЛЯ

Сказать, что Ставка и начальник ее штаба Алексеев бросили Брусилова на произвол судьбы, никак нельзя. Один Особый отряд чего стоил – 100 тысяч отборных солдат и офицеров. Беда оказалась в другом. Так уж было заведено, что главкомы фронтов имели обширные полномочия. И не то чтобы не подчинялись Ставке и Главковерху в лице императора Николая II, но вполне были способны продавить любое свое оперативное решение. Ставка, что называется, советовала, давала рекомендации, но к ним могли и не прислушаться. Так было в июне с главкозапом Эвертом, так случилось и в июле с главнокомандующим Брусиловым. Алексей Алексеевич и вправду был человеком незаурядным, настойчивым, энергичным. А еще – везунчиком и баловнем судьбы. Но даже такому баловню и одновременно гению войны, как Наполеон Бонапарт, удача порой изменяла. Брусилов же не обладал тем стратегическим даром полководца, что имелся у первого французского императора. И потому уповать на упорство, граничащее с упрямством, осененное улыбкой Фортуны, ему стоило бы реже, чем триумфатору Аустерлица. Но все случилось наоборот.

Алексеев из Могилева советовал Брусилову забыть про опоясанный Стоходом Ковель и взять круче к югу – на Львов. Там – одни австрийцы, которые послабее, на венгерских перевалах хороши дела у генерала Лечицкого... Дай бог, и вышибем из войны Австро-Венгрию. А уж немца добьем после. Но Брусилов не слушал и не слышал. Он, глубоко уверенный, что его армии смогут одолеть германо-австрийские войска под Ковелем, стремился только туда. Ковель – Брест – Варшава! Мечта! Победа! Когда-то в недрах русского Генерального штаба жила известная доктрина: первым надо бить самого сильного противника. И второе – бить лучшими силами. Но времена изменились,

Русские войска в захваченном городе. Юго-Западный фронт. Весна 1916 года

появились пулеметы, аэропланы и боевые газы. И доктрина, мягко говоря, устарела. Брусилов, не учившийся в академиях и полагавшийся, скорее, на собственную интуицию, этого, похоже, не заметил. И был принят план.

Три русские армии – 8-я, 3-я и Особая (Особый гвардейский отряд) – идут на Ковель! Гвардия – в лоб!!!

О подвигах русских гвардейских рот, гибнувших от огня, тонувших в болотистых рукавах Стохода, виснувших на рядах колючей проволоки, написано довольно много. В том числе участниками этих страшных боев под Ковелем, у деревень Корытница, Свинюхи, Райместо, в Квадратном лесу. Но самые ценные строки оставили нам, как ни покажется удивительным, наши враги – немцы. Генерал-квартирмейстер войск гвардии Борис Геруа, буквально

Борис Владимирович Геруа (1876–1942), генерал-майор

в день наступления переведенный на эту должность с должности командира лейб-гвардии Измайловского полка, собрал мнения германских солдат и офицеров о «Ковельской мясорубке» в книге «Воспоминания о моей жизни». Вот одно из них: «Русская гвардия показала, что она действительно является отборной частью. Бои были ожесточенные, наши потери огромны. Русские держались до конца и бесстрашно умирали, не уступая ни шагу». И еще: «Вскоре после полудня против 2-й роты появились густые цепи русских. Они надвигались последовательными волнами. Огневая наша завеса обрушивается на атакующего, производя страшные опустошения. Но на место каждого павшего вставало пять новых бойцов. Со стоическим спокойствием, ближе и ближе, надвигались русские стрелковые цепи... Первые волны отбиты огнем. Но снова, с удивительной выдержкой, идут свежие волны – до 15 стрелковых цепей, одна за другой... Наконец, 2-я рота охвачена с фланга и тыла и взята под пулеметный огонь...»

Очень точно охарактеризовал происшедшее под Ковелем в конце августа – начале сентября 1916 года военный историк-эмигрант Антон Керсновский: «Победы июня в Луцком прорыве, – пишет он, – были утоплены в крови июля–октября под Ковелем. Были перебиты 750 тысяч офицеров и солдат – как раз самых лучших. Превосходный личный состав юго-западных армий был выбит полностью. Болота (реки) Стохода поглотили восстановленные с таким трудом полки гвардии, с которыми лег и остальной цвет императорской пехоты. Заменить их было нечем. Враг содрогнулся от полученного страшного удара, ему дали время оправиться, а затем стали наносить удары в самые крепкие его места, вместо того чтобы бить в самые слабые».

В начале сентября стало ясно, что силы кончились. Локаль-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ный успех 9-й армии генерала Лечицкого в предгорьях Карпат общего настроения изменить не мог. А самые прозорливые понимали, что этот успех, приведший к вступлению Румынии в войну на стороне Антанты, не столько облегчил этим общее положение, сколько усугубил. Уж больно слаб в военном отношении был новый союзник, а русский фронт растянулся еще на сотни километров, до устья Дуная.

Керсновский, вынужденный создавать свое главное детище – 4-томное исследование «История Русской армии», что называется, на коленках, нередко грешил статистическими неточностями. Оно понятно: не было под рукой исчерпывающего исторического материала. Но Антон Антонович почти всегда точен в оценках и выводах. Что касается результатов и потерь русского наступления летом–осенью 1916 года, впоследствии названного Брусиловским прорывом, то они таковы. Войска Юго-Западного фронта нанесли противнику сильное тактическое поражение, отогнав немцев и австрийцев от Волыни, Буковины и частично Галиции, вернув значительную территорию юго-западной России, захваченную врагом в 1915 году. Глубина продвижения составила от 80 до 120 километров. Косвенно это сражение повлияло на ситуацию на австро-итальянском фронте. Империя Габсбургов не сумела добить итальянцев в 1916 году. Безусловно, сказались успехи русского оружия и на положении дел на Западном фронте. Стратегическая инициатива после битвы на Сомме перешла к французам и англичанам.

В чем минусы? Наступление не привело к тем результатам, ради которых выбыли из строя сотни тысяч русских солдат и офицеров, ради которых были потрачены колоссальные военные запасы. По нашим оценкам, основанным прежде всего на мемуарах самого генерала Брусилова, Австрия и Герма-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ния потеряли 1,5 миллиона человек, русские – 500 тысяч. Германские источники дают иную статистику: потери стран Центральной оси – 764 тысячи, России – около 800 тысяч. Стремление стран-участниц любой войны преуменьшить собственные потери и преувеличить потери врага – нормальное явление. Стало быть, истину надо искать где-то посередине.

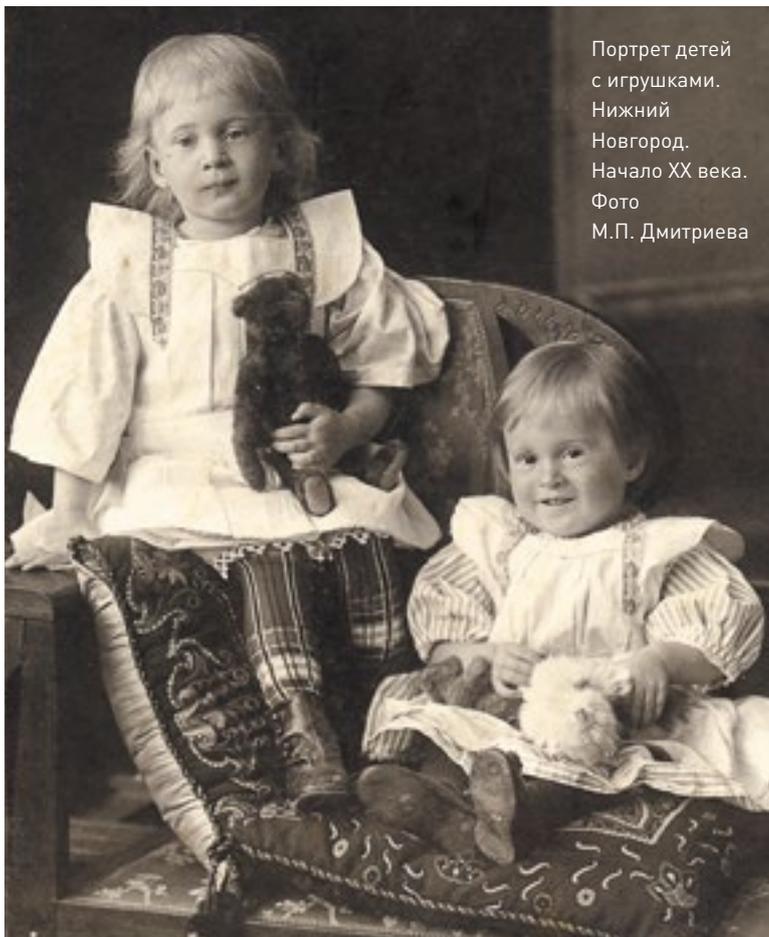
Но главное, как ни цинично это звучит, не в количестве убиенных душ. И не в количестве освобожденных квадратных километров. Главное несчастье в том, что возвратившая было веру в свои силы армия получила мощный отрицательный заряд. Солдаты и офицеры были готовы к победе, но их к этой победе не привели. Особенно это сказало в войсках Северо-Западного и Западного фронтов. Возвращение к позиционной войне без видимого большого успеха привело к апатии, злости, усталости в передовых частях. Неудивительно, что уже осенью 1916 года стали накапливаться сведения о всяческих формах разложения армии: от дезертирства до братания на позициях. Отсутствие большой победы, ради которой пролилось столько крови, привело в итоге русского солдата к популистскому и пораженческому лозунгу

Г.А. Шах.
Портрет генерала от кавалерии А.А. Брусилова. 1915–1916 годы

«Долой войну!». Войну, в которой Россия была бы среди победителей.

Кто виноват? Разумеется, не один генерал Брусилов, явно переоценивший собственный полководческий талант. В спорте есть такая поговорка: матч выигрывают игроки, а проигрывает тренер. «Коллективным тренером» Русской армии был высший генералитет. Кидать камни в Главковерха Николая II в этом случае не совсем правомерно. Он никогда не позиционировал себя военачальником в буквальном смысле слова. Но его кадровая политика в 1916 году, мягко говоря, оставляла желать лучшего. Вспомним тех же Куропаткина с Эвертом, хорошего стратега, но слишком компромиссного Алексеева, генерала Безобразова, не сумевшего убедить Брусилова в необходимости остановить наступление под Ковелем, чтобы спасти цвет русского воинства. «Коней на переправе не меняют» – это не про генералов. О том, что осенью 1916 года Россия оценила успехи Юго-Западного фронта вовсе не так пафосно и одномерно, как это делалось позже, свидетельствует простой факт. Брусилов ждал, что за прорыв он будет награжден орденом Святого Георгия 2-й степени. Как чуть ранее Николай Юденич за победы на Кавказском фронте. Но этого не случилось. В Георгиевской думе по этому поводу возникла нервная дискуссия, с минимальным преимуществом победила «партия награждения». Но государь указ не утвердил.

28–29 декабря 1916 года в Могилеве, в Ставке Верховного главнокомандующего, прошло совещание, посвященное планам на будущую военную кампанию. На следующий день был убит Григорий Распутин. Но усилия князя Феликса Юсупова со товарищи оказались тщетными. Сны про стада баранов снились уже нескольким генералам, лидерам Государственной думы и даже некоторым членам императорской фамилии. ❶

Портрет детей
с игрушками.
Нижний
Новгород.
Начало XX века.
Фото
М.П. Дмитриева

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

В купеческих семьях, согласно демографическим данным из ревизских сказок, женщины рожали обычно с 16–17 и до 45–46 лет. Но до взрослого возраста доживало в среднем лишь от трех до семи детей на семью.

Однако во второй половине XIX века детская смертность снизилась из-за улучшения медицинских и гигиенических условий, так что многие богатые купеческие семьи были весьма многодетными.

Например, Наталия Михайловна Андреева, дочь коммерции советника, московского городского головы в 1861–1863 годах, владельца торгового дома по продаже кожаной обуви М.Л. Королева, была многодетной матерью. Она вышла замуж, когда ей было всего 16 лет. По воспоминаниям родственников, юная красавица приехала после свадьбы в дом мужа с куколкой в руках и потом еще играла с ней в саду.

Первый сын родился, когда Андреевой было 17 лет, следом на свет появились еще четыре сына и семь дочерей. Последнего ребенка она родила в 42 года. Из двенадцати детей она самостоятельно выкормила грудью восемь старших, а для четверых младших была приглашена кормилица. Двое старших детей скончались маленькими от крупа, остальные дожили до взрослого возраста.

КРУГ ЖИЗНИ

От рождения до учения

АВТОР

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА*

КАК ВЕЛИ СЕБЯ КУПЦЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ? КАК ВОСПИТЫВАЛИ МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ? КАКИЕ КНИГИ И ИГРУШКИ ПОКУПАЛИ ДЕТЯМ? ПОПРОБУЕМ ОТВЕТИТЬ НА ЭТИ ВОПРОСЫ, ЧИТАЯ ДОШЕДШИЕ ДО НАШИХ ДНЕЙ ВОСПОМИНАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИЗВЕСТНЫХ МОСКОВСКИХ КУПЕЧЕСКИХ ДИНАСТИЙ.

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЛО собой купечество накануне 1860-х годов? Очевидно, что по сравнению с дворянством оно было забито и принижено. Однако после эпохи Великих реформ, буквально в течение одного поколения, в купеческой среде произошли серьезные перемены, которые к концу XIX века породили целую когорту меценатов, людей широкой эрудиции, наделенных обостренным гражданским чувством. Внутри внушительной по размерам купеческой социальной группы существовал свой бытовой уклад и свое мировоззрение.

Наталия Михайловна Андреева,
урожденная Королева

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Няня и кормилица с детьми.
1870-е годы. Фото из семьи
Сабашниковых

От постели метавшегося в жару ребенка глубокой ночью отец Алексей Александрович Бахрушин поехал к Габричевскому. После настоятельных просьб отчаявшегося отца тот был разбужен прислугой, но заявил, что очень устал, лег спать и никуда не поедет. Бахрушин не уходил, умолял спасти его сына, тогда Габричевский спросил: «Кто вы?» и, услышав фамилию, неожиданно ответил, что поедет к больному. Габричевский ввел мальчику вакцину и спас его от смерти, одновременно доказав эффективность нового способа лечения дифтерии. Позже он объяснил Бахрушину, что согласился ехать ночью к умирающему мальчику только потому, что несколькими годами ранее отец Алексея Александровича дал ему денег на исследование, когда все остальные московские богачи, к которым он обращался, отказали.

А в предыдущие десятилетия способы лечения и лекарства были самыми примитивными. Антибиотиков еще не было, ведь они стали применяться только с 1940-х годов.

Алексей Михайлович Ремизов писал, что еще ребенком в первой половине 1880-х годов болел скарлатиной, осложнившейся водянкой. Доктор сказал, что надежды на излечение нет. По народному обычаю ослабшего ребенка посадили в теплую ванну с трухой, неожиданно это привело его в сознание, и он сказал, что хочет селедки. Дали селедки или нет, Ремизов не помнил, «но только с этого дня наступило выздоровление». Лет с двух-трех детей лечили «природными» средствами. От запоров – касторовым маслом, которое заедали малиновым вареньем, чтобы заглушить неприятный привкус касторки (пилюль тогда не было, масло было только в виде жидкости. – Прим. авт.). Для укрепления организма детей пичкали рыбьим жиром, который, как пишет знаменитый коллекционер, коммерсант Петр Иванович Шукин, чье детство пришлось на 1850–1860-е годы, запивали мятной водой.

Уникальным и легендарным был случай Агриппины Александровны Абрикосовой, дочери владельца табачной фабрики и жены кондитерского фабриканта. С 16 до 45 лет она родила 22 ребенка (!), из которых семнадцать дожили до взрослого возраста, а пять умерли в детстве.

Примерно до года детей кормили грудью матери или нанятые кормилицы. Писатель, племянник банкира Найденова, выходец из купеческой среды Алексей Михайлович Ремизов (см.: «Русский мир.ru» №7 за 2012 год, статья «В сопровождении утренней звезды». – Прим. ред.) сообщает, что кормилицаняня, крестьянка из калужской деревни, кормила его до девяти месяцев. Родившаяся в богатой купеческой семье и ставшая в 1907 году первой женщиной-профессором этнографии Вера Харузина вспоминает в мемуарах, что к ней взяли кормилицу, которая выкармливала ее грудью один год и три месяца. О кормилице Харузина писала с большим теплом: это была «простая женщина, отдавшая часть своей сердечной любви чужому ребенку».

Но высокая детская смертность оставалась главной проблемой до начала применения прививок: массовая иммунизация детей началась в мире в 1930–1940-е годы, а окончательно была принята в большинстве стран лишь с 1950-х годов.

Кормилица с внуком Анны Тимофеевны Карповой, урожденной Морозовой, в усадьбе Валуево

«Буся болен скарлатиной», фото Александра Дмитриевича Четверикова (семейное прозвище Буся) в постели в детской спальне в усадьбе Четвериковых в Тимофеевке. 1890-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

**АНЕМИЧНЫЕ ПАЛОЧКИ
И КОСОПУЗЫЕ НУЛИ**

Купеческие мемуары дают удивительную для современных людей информацию о том, что детей довольно рано начинали учить грамоте – чаще с 5 лет, иногда, если ребенок был одарен и талантлив, даже с 3–4 и довольно редко – только с 7 лет. При этом у многих мемуаристов совершенно отчетливо звучит мысль, что старшее поколение предпринимателей, состоявшее по большей части из людей без хорошего образования, интуитивно чувствовало необходимость содействовать наилучшему обучению детей. Более того, в купеческой среде наблюдались и совершенно выдающиеся случаи, когда образование, соединяясь с природной одаренностью, порождало в одной семье целую когорту выдающихся личностей. Хрестоматийным примером здесь является семейство чаеоторговцев Боткиных, второе поколение которых дало русской культуре публициста Василия Петровича Боткина, выдающегося врача-клинициста Сергея Петровича Боткина и историка искусств и мецената Михаила Петровича Боткина.

В купеческих многодетных семьях наличие денег позволяло давать детям хорошее воспитание и образование. Матери много занимались детьми, и в воспоминаниях и дневниках нередко подчеркивается важная роль именно матерей, читавших детям книги и учивших писать под диктовку. Наряду с этим детям нанимали нянь, кормилиц, а с 7–8 лет гувернанток – русских и иностранок.

Вероятно, немалую роль играли и многодетность в семьях – младшие дети невольно тянулись за старшими, которые уже учились. К примеру, уже упоминавшийся Алексей Ремизов вспоминал: «В пять лет я начал учиться читать и писать. Моим учителем «начатков» был известный московский педагог-законоучитель дьякон Покровской, а в обиходе «Грузинской» церкви (название было дано, потому

Дети
Найденовых
с учителем.
1891 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

что там находилась икона Божией Матери Грузинской. – Прим. авт.) на Воронцовом поле Василий Егорыч Кудрявцев. Жил он недалеко и мы с братом к нему ходили».

Мальчик рос толковым и тянулся за старшими братьями, уже учившимися в гимназии. Ремизов пишет о легкости усвоения начальной грамоты: «Азбуке и складывать слова я незаметно для себя «шутём» научился у моих старших братьев, и у меня осталось чувство, что не было такого времени, когда бы я не умел читать. Но писать я еще не умел. <...> Писать я выучился легко и писал с удовольствием и особенно меня прельщало писать «поминанья» – а скоро я одолел и эту церковнославянскую премудрость нашего древнего «полуустава».

С большим юмором Ремизов вспоминал об экзамене в подготовительный класс гимназии, когда у него от волнения и недостаточной сноровки строчка поехала вниз: «О свободном искусстве каллиграфии я стал

знать со вступительного экзамена в гимназию – с первой написанной под диктовку строчки «коровы и лошади едят траву» или, как у меня написано, – «каровы и лошади идят траву». Причем, несмотря на линейки, хвост строчки, начиная с «ди» (лошади), спустился на линейку, и вся строчка изобразила лошадь; голова же со строчки с рогатым «к» (коровы) имела подобие – коровье. Мне только что исполнилось семь лет, снисходя к моему возрасту меня приняли в подготовительный класс».

А вот в семье Харузиных младшие дети, Вера и Коля, научились читать в возрасте 3 и 4 лет – то есть в 1869 году. Вера Харузина вспоминала: «Мне было всего три года, когда тетя осуществила свою заветную мысль – во что бы то ни стало выучить нас читать». Харузина рассказывает историю, как горничная Таня ушла на богомолье, а когда вернулась, то принесла с собой истрепанную книжонку, в которой недоставало нескольких страниц. Горничная показала книжку тете детей, и оказалось, что это был букварь. В этой находке тетя увидела «указание свыше» и объяснила детям, что она будет теперь учить их азбуке. Тетя немного сомневалась, можно ли заинтересовать трехлетнюю девочку и четырехлетнего мальчика чтением, но потом решила и объяснила детям, что они будут учиться читать, чтобы порадовать маму

Дети Александра
Александровича
Найденова
(старший –
гимназист).
1889 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дети Дмитрия
Ивановича
Четверикова
в комнате
для классных
занятий.
Усадьба
Тимофеевка
Московской
губернии.
Середина
1890-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

в день ее именин, 22 июля. Поскольку трехлетнего ребенка не настраивали на сложность задачи, он не воспринимал начальные уроки слишком трагически: «Я не помню, чтобы нам показались трудными буквы. Труднее было мне понять склады; я помню, даже раз заплакала над ними или, скорее, от упрёка тети в бестолковости. Но вот, в один прекрасный день, вдруг проявился механизм складывания, и с тех пор все пошло и легко и гладко. В день маминых именин мы действительно сделали ей сюрприз». Когда Верочке было 6 лет, была нанята гувернантка-немка, приехавшая в Москву из Прибалтики Анна Мартыновна, которая стала систематически заниматься с детьми начальной грамотой, ручным трудом, обучала хорошим манерам. Мода на гувернанток-немок захватила и семью текстильных фабрикантов Четвериковых. Когда Сергею Четверикову было 6 лет (1850-е годы), в дом была взята гувернантка из прибалтийских немок, которую звали Эмма Медардовна Блум. Ее имя часть прислуги не выговаривала и называла «Эммой Алебардовой». Эта гувернантка прожила в семье Четвериковых свыше сорока лет, выучив два поколения.

Юрий Бахрушин начал учиться дома в возрасте 7 лет (1903 год). Его мать – единственная из шести дочерей суконного fabri-

канта Носова, окончившая 2-ю московскую женскую гимназию, куда поступила в девятилетнем возрасте, – была эрудированным человеком. Девочкой-подростком в 1880-е годы «в свободное время она поглощала невероятное количество книг, перемешивала Лессинга с Вернером и Гете с Марлитт, занималась живописью, расписывая чашки и отдавая дань обязательному тогда для представительниц ее пола рукоделию». В 18 лет, еще не выйдя замуж, в письме к гимназической подруге она размышляла: «Очень хорошо заниматься своими ребятами, но все-таки,

Семья
Бахрушиных:
Алексей
Александрович
и Вера
Васильевна
с детьми Юрой
и Кирией

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

занимаясь ими, не нужно опускать себя даже ради их же. Когда они малы, то ничего, конечно, не понимают, но когда подрастут и увидят, что маменька их ничего не знает и не умеет себя держать, то не очень-то им будет приятно».

Вначале Вера Васильевна Бахрушина сама обучала старшего сына, Юру, грамоте, позже были наняты учителя. «С самых ранних лет я помню мать во время прогулок на даче, во время просмотра книг с картинками или во время смотрения на улицу постоянно стремящейся в занимательной форме сообщить мне какие-либо знания. Позднее она первая начала учить меня писать и читать. Под ее руководством я начал мучиться над букварями Толстого и стал чертить свои первые анемичные палочки и косопузые нолики, получая выговоры за жирные кляксы. Она же начала будить во мне интерес к музыке и рисованию», – с нежностью писал Юрий Бахрушин, вспоминая педагогические опыты матери.

Придавая большое значение образованию сына, Вера Васильевна отмечала в дневнике: «Начал учиться. Три раза учительница русского и арифметики, один раз священник, два раза – учитель чистописания». В том же возрасте мальчик начал изучать иностранные языки, в том числе французский с преподавательницей – сначала с молодой бельгийкой, затем с французской гувернанткой, мадемуазель Марсель Пекё.

В семье Бахрушиных поощрялось увлечение представителей младшего поколения наукой и техникой. Например, дед Александр Алексеевич подарил внуку Юрочке электрический токарный станок.

О том же сообщает Вера Харузина: «Дорогие по тому времени игры-занятия дарила нам мама-крестная, Ольга Михайловна, и я помню некоторые из них. Особенно пленял нас «Маленький столяр» и имевшийся в коробке маленький молоточек, которым можно было работать».

ПРИНЦИПЫ ВОСПИТАНИЯ

Принципы воспитания в купеческих семьях были направлены на приучение к трудовой жизни, выносливость, укрепление характера. Начиная с 1870-х годов многие представительницы купеческой среды, уже получившие хорошее образование в школах или дома, интересовались вопросами правильного воспитания детей.

Юрий Бахрушин писал: «Моим первым учителем была мать. Моя мать была человеком незаурядным, в особенности в той среде, из которой она происходила. Дочь крупного суконного фабриканта, она рано лишилась матери и скоро силою обстоятельств принуждена была стать руководительницей младших трех сестер, так как две старших вышли замуж. Приходя из гимназии, она сменяла гимназический передник на фартук хозяйки, вместо пера и карандаша брала ключи и вела довольно сложное хозяйство. Все это отложило на нее на всю жизнь особый отпечаток. Серьезное отношение к жизни, излишняя, подчеркнутая и чисто внешняя холодность, абсолютно не являвшаяся чертой ее характера, сугубая сдержанность, стремление к максимальному самообразованию и жизнь чужими интересами – свойства, не покидавшие ее до самой смерти».

Владелица обувной фирмы Наталия Михайловна Андреева стремилась приучить детей к самообслуживанию, ручному труду. Летом на даче в Петровском парке каждому ребенку выделялась грядка для посадки цветов или овощей. До смерти мужа, который скончался в 1877 году, в доме Андреевых было 20 человек прислуги. Оставшись вдовой в 50 лет с десятью детьми – причем старшему было под 30, младшим 9, 10 и 12, – Андреева, чтобы сократить расходы, уволила гувернанток и служанок и возложила обязанность воспитания младших на старших детей. Старшие дочери помогали матери в бизнесе, ведя всю бухгалтерию. Предпринимательские доходы

Гимназистки в классе женской Алферовской гимназии (здесь учились дочери многих московских предпринимателей). Март 1901 года

Ученицы подготовительного класса женской гимназии Арсеньевой в Москве на Пречистенке. 1900-е годы

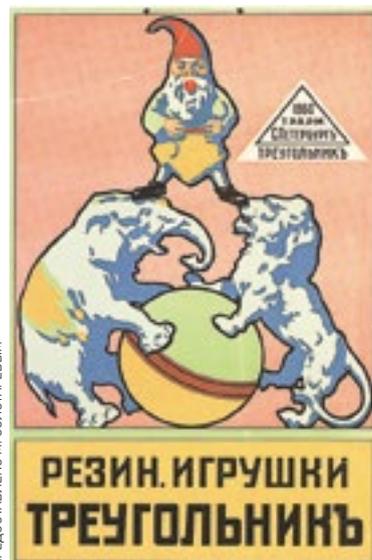

давались семье с большим трудом, потому она не выделила сыну Василию его долю после смерти отца, а сказала, что оплатила ему обучение в университете и пусть теперь он сам зарабатывает.

Конечно, имелись семьи, где были просчеты в воспитании и росли лентяи, доставлявшие родителям, их избаловавшим, большие огорчения. Но в целом воспитание было направлено на сохранение семейных капиталов. Мальчиков готовили к работе в семейной фирме, а девочек – к семейной жизни. Однако и многих девочек обучали счету, ведению бухгалтерии, а в богатых семьях и иностранным языкам, чтобы могли помогать мужу или отцу в коммерции. Если в семье не было сыновей или они – по болезни или неспособности – испытывали равнодушие к бизнесу, то отец готовил в преемницы оборотистую дочь.

КНИЖКИ И ИГРУШКИ

При нынешнем изобилии детских игр и игрушек довольно трудно представить, как выглядели детские игрушки 150–200 лет назад. Иногда их можно представить по описаниям, в других случаях письменные свидетельства донесли до нас только причудливые названия. Детские книги более доступны, поскольку их экземпляры сохранились в крупнейших библиотеках и музеях. С пристрастием профессионального коллекционера довольно подробно написал о своих игрушках коллекционер, создатель одного из художественных

Рекламный плакат резиновых игрушек петербургской фабрики «Треугольник». 1900-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Детская комната в доме Анны Тимофеевны Карповой, урожденной Морозовой, на Большой Ордынке, 41

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Выставочная витрина с игрушками, изготовленными мастерами кустарных промыслов. Фото начала 1900-х годов

музеев Москвы, носившего его имя, Петр Иванович Щукин: «Из автоматических игрушек к числу излюбленных принадлежали: заяц, играющий на барабанах, и Фомич-обжора, глотающий один кусок за другим. На Кузнецком мосту в окне одного магазина долго можно было видеть играющий автоматический оркестр из кукол-обезьян, в костюмах XVIII столетия. Покупались нам также деревянные раскрашенные солдаты, кухонная жестяная посуда, стадо, птичий двор, складные картинки, миниатюрные колониальные или кондитерские лавки, картонный театр и т.д. Вообще игрушки отличались простотой и дешевизной. Уже потом открылся на Кузнецком мосту магазин Триака с дорогими и изящными игрушками».

Среди книг своего детства, оказавших наибольшее влияние на формирование художественного вкуса и читательских предпочтений, Щукин выделил богато иллюстрированные издания – «Сказку об Иване-царевиче и Сером волке» (сочинение В. Жуковского с рисунками Н. Анненкова, издание Вольфа), «Робинзона Крузо» и «Стёпку-растрёпку», «Новый Завет» на французском языке (издание 1840-х годов), издание сказок Шарля Перро, басни Крылова, «Историю Наполеона», иллюстрированную историю Суворова. У детей Харузиных в числе любимых игрушек были зайцы.

Например, у Веры был зайчик на подставке, и при нажимании подставка издавала пищущий звук. Мать подарила Коле и Вере зайчиков, оклеенных настоящим заячьим пухом, и еще одного зайца-барабанщика, бьющего в барабан при движении. Но с детства отличавшаяся рассудительностью Вера находила эту игрушку глупой, говоря, что «нельзя же барабанить постоянно, даже когда об этом никто не просит». Изучение мемуаров показывает, что во второй половине XIX – начале XX века было не принято баловать детей и дарить им много игрушек. Вера Харузина вспо-

Дочь Ивана Викуловича Морозова Оля с куклой в руках в усадьбе Одинцово-Архангельское. 1890-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

минала: «Игрушек у нас было мало, но мы о них... не особенно скучали. Анна Мартьяновна (гувернантка. – Прим. авт.) умела прекрасно вырезать из бумаги человечков, мальчиков и девочек, домики и елки. Дети больше любили творческие игры: «Настоящую же радость и переворот в наших занятиях произвела подаренная коробочка с красками. Раскрашивать картинку стало нашим любимым удовольствием. Тетя собирала для нас объявления «Нивы», вырезала из них картинки и давала их нам в награду за хорошее учение».

Даже очень богатые купеческие семьи жили по принципу «копеечка рубль бережет». Однако обращение к дневникам и воспоминаниям показывает, что на воспитании и образовании детей во многих семьях не экономили. В результате «забитость», изолированность и неграмотность купечества сменились прорывом к культурной жизни, а затем лидерством в этой сфере. Уже в конце XIX века современники отмечали, что «музыка, живопись, театр, просвещение, изобретения и техника – все теперь движется купеческим почином».

Окончание следует.

* Автор – доктор исторических наук.

КАЖЕТСЯ, ДУША ВО МНЕ СОЗРЕЛА...

АВТОР

ИРИНА ЛУКЪЯНОВА

ТЕКСТ ПЕСНИ «ВЕТЕР ЛИ СТАРОЕ ИМЯ
РАЗВЕЯЛ» – ВОТ, КАЖЕТСЯ, ВСЕ, ЧТО ДАЖЕ
УМНЫЕ И ГРАМОТНЫЕ ЧИТАТЕЛИ ПОМНЯТ
ОБ АДЕЛИНЕ АДАЛИС; ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ
ВСПОМНЯТ ЕЩЕ РОМАН С БРЮСОВЫМ.
СЛИШКОМ МАЛО ДЛЯ ЖИЗНИ, ВМЕСТИВШЕЙ
В СЕБЯ СТОЛЬКО СОБЫТИЙ, ЛИЦ, ИМЕН,
ГОРОДОВ, СТОЛЬКО ЛЮБВИ, ГОРЯ И ТРУДА.

ПРЕДОСТАВЛЕНО ЛИТЕРАТУРНЫМ МУЗЕЕМ

О НА ОСИРОТЕЛА В 5 ЛЕТ: отец, служивший инженером на большом петербургском заводе, в революцию 1905 года был арестован и отправлен в Сибирь, но по дороге умер от пневмонии. Мать, балерина Мариинского театра (имя ее неизвестно. – Прим. авт.), наложила на себя руки, как рассказала журналу «Русский мир.ru» внучка Адалис, художница Екатерина Московская. 5-летнюю Аделину Алексеевну Висковатую взяли на воспитание родственники матери – из семьи того самого Ефрона, который издавал знаменитую энциклопедию. Девочка позже взяла отчество и фамилию приемного отца – и стала Аделиной Ефимовной Ефрон. В детстве Аделина много болела, потребовался переезд из Петербурга в более мягкий климат, и она уехала в Одессу, где жила с двумя тетками. Училась в одной гимназии с будущей писательницей и лучшей подругой Зинаидой Шишовой (вероятно, в женской гимназии Кандыбы. – Прим. авт.). Одноклассницы дразнили Аделину энциклопедией Брокгауза и Ефрона: познания у нее в самом деле были энциклопедические. Она интересовалась и наукой, и эзотерикой – зачитывалась Блаватской и Рерихом. Екатерина Московская рассказывает, что бабушка была хорошо знакома и с восточной медициной, и со знахарством. Лет в 12–13 она прочла брюсовского «Огненного ангела» и навсегда влюбилась и в автора, и в колдовской мир его романа; сам Брюсов сливался в ее представлении с его героем, рыцарем Рупрехтом.

ПРЕДОСТАВЛЕНО ЛИТЕРАТУРНЫМ МУЗЕЕМ

ШКОЛА «ЗЕЛЕННОЙ ЛАМПЫ»

Осенью 1917 года в Одесском университете собрался кружок молодых поэтов «Зеленая лампа». Сначала они выступали с чтением стихов в университетской аудитории, затем стали устраивать «интимные вечера», или «интимники», в зале Консерватории. Самыми известными литераторами из членов кружка стали трое друзей – Багрицкий, Катаев и Олеша. Среди кружковцев выделялись и талантом, и необычной внешностью две молодые красавицы – Зиночка Шишова и Аделина Ефрон, теперь Аделина Адалис. Петр Ершов, который часто исполнял роль конферансье на вечерах «Зеленой лампы», вспоминал, что она поражала всех своим ориентализмом: «Внешне – экзотика, египетский профиль, длинные острые ногти цвета черной крови». Кружковцы жадно учились поэзии. Читали классиков, декламировали друг другу свои стихи и нещадно их критиковали. Об обычаях этого кружка его члены вспоминали так: «Мы были волчата. Мы не баловали друг друга похвалами... Мы были безжалостны к себе и другим», «ругали друг друга за каждую слабую (по нашим тогдашним понятиям) строку... Писали друг на друга пародии...» (Зинаида Шишова).

«...Мы шлялись табуном, крича стихи или издеваясь друг за другом. Здоровые, полуголодные ребята, мы были злы, веселы и раздражительны. <...> Нас томил голод, зависть к богатым, хитрые планы пожрать и пошуметь на счет презираемых жертв – богатых студентов и наивных или полусумасшедших старух» (Адалис). «Зеленая лампа» стала для участников кружка настоящей школой литературного мастерства. Адалис уже тогда выступала, по словам Юрия Олеша, «с тем, что представлялось ей подражанием древней поэзии, а на самом деле просто с превосходными стихами, отмеченными необыкновенной, даже неожиданной для начинающего поэта точностью слова». Одна из первых ее публикаций, подписанная «А-сь», состоялась в одесском «Южном огоньке» №12 в августе 1918 года – стихи из цикла «Афродита-Адалис»:

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛПОТАРЕВЫМ

Участники литературного объединения «Зеленая лампа». Сидят слева направо: А.Е. Адалис, С.И. Кессельман, Г.А. Шенгели, А. Соколовский, З.К. Шишова, Ю. Шенгели. Стоят слева направо: С.С. Олесевич, Э.Г. Багрицкий, Н. Соколик. Вырезано изображение А. Кипренского. Одесса. 1919 год

Одесса.
1910-е годы

*Короткое письмо зарею раб принес,
И дали позади несмело улыбались...
«Привет любви твоей,
веселая Адалис!
Уже грядущий день алеет
в росах роз»...*

В самом выборе темы, в выборе поэтических средств очевидна ориентация Адалис на старших символистов. Как, впрочем, и у многих ее товарищей по кружку. Когда в Одессе утвердилась советская власть, некоторые кружковцы покинули город, а то и страну, но многие взялись сотрудничать с большевиками: писать агитационные частушки, делать устные газеты в одесском РОСТА. Адалис в 1920 году стала одним из организаторов «Коллектива поэтов». В новом поэтическом кружке появились новые лица, в том числе Илья Ильф, который тогда писал необычные стихи. Художник Евгений Окс вспоминал, что Адалис была первой любовью Ильфа: «...Сирена имела зеленые глаза и пепельно-голубые волосы. <...> Пока что она поражала непонятым высказыванием своих мыслей вслух. Это создавало положения до крайности рискованные и, мягко говоря, бестактные. <...> Общепринятое как бы отвергалось заранее. Одному нашему знакомому она говорила: «Вы красивый и толстый». Такое сочетание эпитетов ей безумно нравилось». Окс пишет, что Сирена «жила в маленькой комнате-коробочке», где были только кровать, столик и колченогий стул. Дома сидели в пальто, потому что было холодно, и много курили. Адалис говорила об Ильфе: «Иля – это мое создание».

Компания юных поэтов призывала жить в постоянной пикировке; они подшучивали друг над другом, иногда неумеренно: «Вели себя как передравшиеся щенки», – писала Шишова. Их молодость вместила в себя революцию, войну, голод, нужду, военный коммунизм – и была пропитана поэзией. И потом – из будущего, которое в 1919 году казалось прекрасным, прекрасной им казалась уже эта голодная юность.

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИЦА

В 1920 году Зина Шишова, уезжая в продотряд, оставила поэтическое послание друзьям. Аделине Адалис там адресованы строки, которые нашла и опубликовала сотрудник Одесского литературного музея Алена Яворская: «... Или со стрелой Эроса // Ты, всех женщин впереди, // Розу нежную Пафоса // Возрастившая в груди; // Знаменитая певунья // И – за правду не сердись – // Ослепительная лгунья // Аделина Адалис».

В 1920-х бывшие зеленоламповцы начали покидать Одессу. Адалис уехала в Москву одной из первых. Сначала бытие в столице было голодным и бесприютным. Аделина постепенно втягивалась в литературную жизнь города: есть свидетельства о том, как она появлялась в кафе «Домино», где размещался Московский союз поэтов; Алена Яворская рассказывает, что 7 декабря 1920-го Адалис приняла участие в устном конкурсе, организованном Всероссийским союзом поэтов в Политехническом музее; через три дня ее объявили победителем.

Стихи Адалис 1920-х годов – удивительно взрослые, строгие, афористичные:

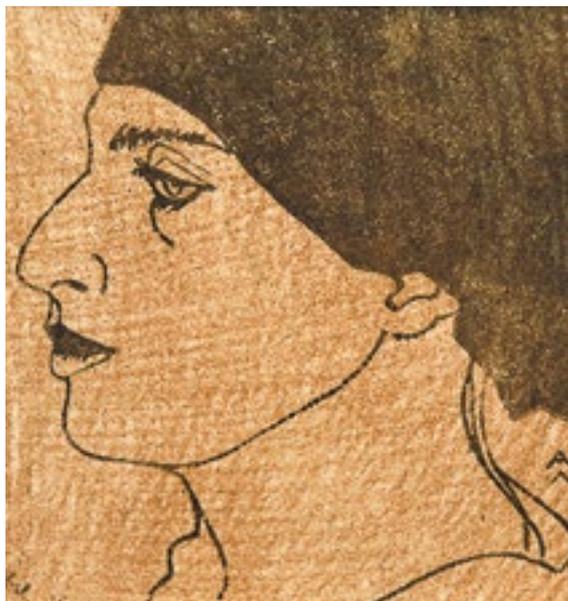
*А к липам серый свет прилип,
И липы привыкают к маю,
Смотрю на легкость этих лип
И ничего не понимаю.*

*Быть может, теплый ветер –
месть;*

*Быть может, ясный свет –
изгнание;*

*Быть может, наша жизнь и есть
Посмертное существование.*

В столице она встретила Валерия Брюсова, в которого была давно влюблена. Ее роман со стареющим поэтом скоро оказался в центре внимания всей литературной Москвы. Екатерина Московская в посвященной бабушке главе книги «Повесть о жизни с Алешей Паустовским» пишет, что Адель, «чтобы доказать свою любовь, ежевечерне под окнами дома №30 по Первой Мещанской улице, принадлежащего с 1910 года великому

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Н. Костенко.
Портрет
Аделины Адалис.
1920-е годы

поэту и его супруге, расставляла полотняную раскладушку на тротуаре, откуда ее громко снимала молодая советская милиция, пока Брюсов не вмешался в эту ситуацию и пропал – на старости лет».

«Хочу и я, как дар во храм, // За боль, что мир зовет любовью – // Влить в строфы, сохранить векам // Вот эту тень над левой бровью». Это Брюсов об Адалис. О ней же – «Египетский профиль», где упоминаются «мемфисские глаза». О ней – целый сборник «Дали» (по догадке Рема Щербакова, в названии сборника зашифровано домашнее имя Аделины – Даль. – Прим. авт.).

Валерий
Яковлевич
Брюсов.
Начало
1920-х годов

Восток, переводы, эзотерика, мистика, наука – им было о чем поговорить, старому колдуну и его молодой ученице. Они вместе написали «Идиллию в духе Теокрита»; поэтесса Ольга Мочалова пишет в мемуарах, что на публичном чтении «Идиллии» Брюсов аплодировал Аделине.

Портрет молодой Аделины оставила и Марина Цветаева, которую Адалис однажды пришла звать на поэтический вечер: «У Адалис же лицо было светлое, рассмотрела белым днем в ее светлейшей светелке во Дворце Искусств <...>. Чудесный лоб, чудесные глаза, весь верх из света. И стихи хорошие, совсем не брюсовские, скорее мандельштамовские, явно – петербургские». Пожалуй, в самом деле, стихи ее петербургские – своей сдержанностью, лаконичностью, чеканностью, тщательностью отделки. Все это в сочетании с ее юношеским интересом к Востоку позволило Адалис стать одним из лучших переводчиков восточной поэзии.

Весной 1921 года Брюсов открыл Высший литературно-художественный институт. Адалис стала его студенткой, затем начала преподавать в институте. «Через запятую перечислим ее московскую карьеру: заведовала литературной секцией подотдела ОХОбра, преподавала в Литературно-художественном институте, руководила Первой государственной профессионально-технической школой поэтики», – пишет Алена Яворская.

Страсть Брюсова стала остывать – «любовь пошла на убыль», как написала Адалис. «Брюсов устроил ей, бездомной, комнату во Дворце искусств (Поварская ул., 52), – вспоминала Ольга Мочалова. – Он приезжал к своей подруге, когда хотел, привозил плитку шоколада. Она голодала. Некий художник, живший по соседству, был невольным слушателем их бесед. Он рассказывал, что Брюсов держался как заурядный мужчина, которому прискучила любовь

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ница, а Адалис была трогательно-благородна в этом столкновении». Она забеременела от Брюсова, родила ребенка, но ребенок умер. Цветаева в марте 1921-го в письме, где сообщает об этом Волошину, называет Брюсова «гадом». Потеря ребенка была для 20-летней Адалис большим ударом. Екатерина Московская пишет: «Аделина «замучила» своим вниманием, заботой, привязанностью моего отца, ребенка живущего, своевольного, желающего свободы, самостоятельности. И так и не понял он, давно уже схоронив мать, дожив до седин, ее дикого страха пройти вторично то жуткое, пережитое в 21-м году, одно за другим: дитя потерять и уважение к любимому, а потом и его самого похоронить».

9 октября 1924 года Брюсов умер. Аделине кто-то сказал, что покойник еще некоторое время слышит звуки, и она читала над гробом поэта стихи. Ее собственные стихи о смерти возлюбленного исполнены запредельного отчаяния.

*И человек пустился в тишину.
Однажды днем стол и кровать
отчалили.*

*Он ухватился взглядом за жену,
Но вся жена разбрызгалась.
В отчаяньи*

*Он выбросил последние слова,
Сухой балласт – «картофель...
книги... летом...»*

*Они всплеснули, тонкий день
слов.*

И человек кончается на этом...

Обрывать цитату трудно, стихотворение тянется мучительной нитью к финалу – недоуменной пустоте, сиротскому зиянию, – найдите, прочтите.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Афиша вечера во Дворце искусств (Большой зал Консерватории) на Большой Никитской. Москва. 1920-е годы. Среди участников – Аделина Адалис

ВОСТОЧНАЯ ТЕМА

«Когда Брюсов умер, Адалис была совершенно уверена всю свою жизнь, что отравлен; она попыталась покончить с собой, но кто-то ее спас, откачал. Как после всего ей было жить, подняться на ноги, дышать?» – пишет Екатерина Московская.

Возможно, нестерпимое горе гнало ее из Москвы. Летом 1925 года она уехала в командировку от «Нашей газеты» в Среднюю Азию. Здесь она встретила своего будущего мужа, географа и писателя Ивана Сергеева. В 1927 году они вместе издали авантюрно-фантастический роман «Абджед, хевез, хютти...» об экспедиции, которая нашла на Памире затерянную цивилизацию. История о двух советских командированных, которым загадочный купец советует отправиться к таинственному озеру Искандер-Куль, чтобы найти «тали» – счастье, – с увлечением читается и сегодня.

В 1928 году у Сергеева и Адалис родился сын Владимир,

будущий поэт-песенник. Затем в семье появилась дочь; ее рождение оказалось связано с мучительной семейной драмой. «Аделина, родив дочь от мужа, об измене которого она узнала перед родами, отказалась даже взглянуть на нее. Приказала вынести ее к отцу, с которым порвала. И эта ее дочь, удивительно внешне на нее похожая, так и жила с отцом и мачехами, чужими людьми», – пишет Московская. Аделина рвала с людьми сразу навсегда и умела оставаться непреклонной, как скала. А могла плакать над стихами. «Экзальтированная», «неуравновешенная» – чуть не самые постоянные эпитеты в рассказах о ней.

С 1926 по 1931 год очерки, репортажи и заметки Адалис из Бухары, Самарканда, Ташкента, Ашхабада печатались в «Новом мире», «Красной ниве», «Наших достижениях», «Правде в степи». Появляются и первые восточные стихи – уже не о насквозь литературном Востоке, а о Востоке реальном. И романтическая экзотика уступает место поэтической конкретике. Восточные очерки и стихи Адалис жестки и приземленны. Никакой пышности и экзальтации: подчеркнута прозаичность ее эпитеты, строг и упорядочен синтаксис, спокойна пунктуация. Стихи живописны, но не восторженны, они вбирают восточный колорит, но не эксплуатируют его. И новый, советский Восток в ее стихах оказывается органически связан со старым Востоком, вырастает из него – не привычные советские штампы, а сложная картина настоящей жизни.

Из «командировочных» стихов Адалис сложился ее сборник 1934 года «Власть». Мандельштам приветствовал появление этой книжечки «сестрински нежных и матерински гордых, товарищески открытых и в то же время деловитых, служебных, озабоченных, командировочно спешных стихов» и писал о них: «Прелесть стихов Адалис – почти осязаемая, почти

Усадьба графа Соллогуба на Поварской, где в 1920-е годы помещался Высший литературно-художественный институт. Фото 1910-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

зрительная – в том, что на них видно, как действительность, только проектируемая, только задуманная, только начертанная, только начерченная, набегает, наплывает на действительность уже материальную».

В 1930-х Адалис захвачена поэзией строительства, созидания, радостного преображения мира. И отпечаток времени ложится на ее стихи все более властно: и в жизнь, и в строки вторгается все больше официоза, хотя и пропущенного через себя. Поэтому невозможно сегодня читать поэму «Кирову» или поэму «Был я гостем в день рожденья сына...», где Адалис рисует портреты тех, кто для нее воплощает идею революции, – от Салтыкова-Щедрина до Сталина. То же самое и в переводах из национальных поэтов. Душа уходит из стихов. К концу 1930-х ее поэтический голос глухнет, перевод становится внутренней эмиграцией для многих поэтов. Для Адалис, конечно, перевод – не вымученный выход, а естественное продолжение ее интереса к Востоку, к его поэзии, поиск формального совершенства. В попытках воссоздать особенности восточного стиха Адалис достигает замечательной виртуозности: «И невежды порочили имя твое // И безумцы пророчили горе твое, // И надежды измучили сердце твое...» Это из ее перевода стихотворения Самеда Вургунга «Азербайджан». Адалис переводит средневековых таджикско-персидских поэтов: Рудаки, Хосрова, Худжанди, Джами; азербайджанского – Физули, афганского – Хаттака... Переводит современников – фактически создавая для русского читателя современную таджикскую и азербайджанскую поэзию.

Переводчики получают социальный заказ на переводы с языков народов СССР. История этих переводов – это история и ювелирной работы над шедеврами, и халтуры, и мистификаций – так, иногда сначала создавали по-русски «перевод», а потом переводили на язык «оригинала».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОТОВАРЕВЫМ

Обложка книги
А.Е. Адалис
«Кирову».
Лирическая
поэма».
1935 год

Это редко становилось достоянием гласности; Адалис была чуть ли не единственной, кто пытался добиться справедливости. Переводчик Михаил Синельников излагает такую историю: Мирзо Турсун-заде в конце 1940-х годов был командирован в Индию и по возвращении пожаловался Адалис, что от него ждуг справиться с обилием впечатлений. «И Адалис, никогда не бывавшая в Индии, задав несколько вопросов о маршруте и достопримечательностях, сочинила знаменитые «Индийские баллады». Турсун-заде получил за эти стихи Сталинскую премию, которой не счит нужным делиться с Адалис. Та попыталась предъявить права на текст и часть премии, продемонстрировала Александру Фадееву черновика и требовала, чтобы Турсун-заде показал оригиналы (рассказывают даже, что лауреат срочно заболел, а выздоровев, предъявил стихи, слабо переведенные на таджикский). История эта ничем хорошим для Адалис не кончилась: решено даже было заново «переперевести» «Индийскую балладу» с таджикского на русский.

С середины 1930-х Адалис часто бывала в Баку, в который искренне влюбилась. Этому городу посвящены и ее переводы азербайджанских поэтов, и собственные стихи, где, к примеру, предметом высокой поэзии неожиданно становится совершенно прозаическая нефть.

ГОЛУБОЕ ЯБЛОЧКО НА ЧЕРНОМ БЛЮДЕЧКЕ

Как пишет Софья Каганович, с первых дней войны Аделина Адалис «выступает с чтением стихов в госпиталях и на переднем крае, выпускает брошюру для солдат «Защита Родины – высший закон жизни», работает в Баку в 7-м отделе армии. К полученному в 1939 году ордену «Знак Почета» прибавляются медали «За оборону Кавказа», «За победу над Германией».

Сначала она уехала в эвакуацию в Алма-Ату вместе с сыном-подростком, потом кто-то из друзей позвал ее в Баку. Об этом городе она с тревогой думала в 1942-м, когда ему угрожала оккупация: «Ты тайным голосом мне под защиту отдан // Не почему-нибудь еще, а по любви!» Когда она перебиралась из Алма-Аты в Баку, ее горячо любимый и чрезмерно опекаемый сын Володя сбежал на фронт. Она искала его и пыталась вернуть, но не смогла; история его бегства и его войны рассказана им в автобиографической повести «Непредсказуемый Берестов».

Адалис стала корреспондентом газеты Кавказского фронта, получила воинское звание, рассказывает ее внучка. Не раз ездила на фронт. Встречалась с партизанами; их рассказы легли в основу сюжета поэмы «...И несколько гранат» – неровной, не очень удачной, но местами пронзительно жуткой.

Сын вернулся с войны. Но материнско-сыновей идилии не получилось. Екатерина Москвоская пишет: «Ему нужно куда-то оторваться, а мать волнуется, чувствует опасность, не отпускает... Тогда он сажает ее на шкаф, маленькую, легкую, на высокий шкаф, хамит и убегает. Ее захлестывали приступы ужаса, постоянного страха за сына <...> он несется на свидание по тротуару, а она на такси едет вдоль тротуара. И справиться с собой она не может, это тяжелая болезнь, надлом от утраты, от отсутствия кротости – болезнь. И вместо помощи со всех сторон: сумасшедшая, ненормальная, припадочная».

После войны ее собственный голос слышен только в послевоен-

ной поэме «Прогулка в ноябре», которую она не включала в позднейшие сборники, и в цикле антиколониальных стихов «Восточный океан», опубликованном в 1949 году. И до, и после, до самого 1960 года, она публиковала только переводы, почти три десятилетия промолчав как лирик. Десятилетия эти были полны упорной переводческой работы. Работа эта позволяла ей хорошо зарабатывать; кроме того, как рассказывает ее внучка, «в ней нуждались и с ней дружили азиатские коллеги богатого и хлебного Востока, потому кроме гонораров везли дыни зимой, коньяки, орехи, конфеты и вина с ходженских и бакинских базаров, жарили барашков». Сама она в быту была беспомощна – не умела не то что готовить, даже разогреть еду, потому иногда сидела за работой голодная; могла, заработавшись, мерзнуть и забыть одеться теплее, могла позвонить родным на рассвете с вопросом, как варить пельмени из пачки: заливать холодной водой или кидать в нее?

В том, что касается литературы, она была жестка и принципиальна – еще с юности, с «Зеленой лампы», где хорошим тоном было не щадить собратьев. Литературовед Вячеслав Огрызко недавно опубликовал протокол обсуждения поэмы Константина Симонова «Ледовое побоище», где Адалис сравнивает ее с лубком времен Первой мировой. Евгений Евтушенко свидетельствует, что в 1958 году на собрании московских писателей, где голосовали за исключение Пастернака из Союза писателей, Адалис была единственной воздержавшейся. И не просто воздержалась, а потребовала занести это в протокол; по тем временам – невероятное мужество.

...«Оттепель» словно бы дала ей силы для нового творческого взлета. В 1960-х выходит несколько ее поэтических книжек – «Новый век», «Города», «До начала», «Январь – сентябрь». Здесь звучит новый голос Адалис: в нем меньше пафоса и больше лирических размышлений о мире, о человеке, о себе. Вместо политотделов и строек в ее поэзии появляются

ПРЕДОСТАВЛЕНО ЛИТЕРАТУРНЫМ МУЗЕЕМ

ся новые понятия эпохи – атом и космос. Ее занимает уже не пафос социалистического строительства, а судьба мира, который стал таким маленьким и уязвимым. В одном из ее стихотворений фольклорное яблочко, катящееся по блюдечку, оборачивается вдруг земным шаром: «И голубое яблочко опять // На черном, черном блюдечке вертится».

В ее стихах появляются трогательные ноты: она пишет о запахе календулы, о старушках, которые «хорошо одеваются и приходят на интересную лекцию», и «кажутся себе девчонками, не достигшими необходимых шестнадцати лет», и слушают лекции «о радиозвездах, и о звездах сверхновых, и о звездах взрывающихся»... Она и сама была такой девочкой-старушкой – то озорной, то перепуганной взрывающимися звездами. По рассказу ее внучки, бабушка могла позвонить ночью и сказать: выйди из дома, найди пустырь, где нет ни домов, ни деревьев, и оставайся там два часа; летит метеорит, или все уничтожит и будет катастрофа, или пролетит мимо и обойдется... Ей очень нравилась проза братьев Стругацких. Но

Аделина Адалис.
1947 год

позвонить и сказать «я такая-то, очень люблю вашу прозу» Адалис не могла: слишком скучно. Тогда она стала звонить им и, меняя голоса (это она очень хорошо умела, могла даже чревовещать. – Прим. авт.), говорила со Стругацкими от имени их персонажей, заставляя их недоумевать, кто же их так мастерски разыгрывает. Потом из этого получилась долгая дружба. В последние годы ее окружали ученики, студенты, коллеги. «Вокруг нее был вечный шалман студентов и новых писателей, дверь не закрывалась на Старосадском, постоянные споры, шум, чтения с утра до утра», – свидетельствует ее внучка.

В ее поздней лирике, иногда избыточно декларативной, попадают строки замечательной простоты – той самой, к которой приходят только к концу жизни: «Кто хочет – тот бессмертен, // А кто не хочет – нет». А в одном из стихотворений цикла «Восьмистишия» высказана странная догадка, что человек рождается без души, что душу он в себе вырабатывает всю жизнь: «Смертными на свет мы рождены, // Чтобы зарабатывать бессмертье!»

Умерла она в 1969 году от инсульта. Врачом скорой, приехавшей к ней, оказался внук Сталина. Он случайно обмолвился об этом, и Адалис категорически отказалась принимать от него помощь. Пока ехала другая бригада, она попросила сына почитать ей Брюсова – из последней книги, и тихо-тихо слушала. Когда вторая бригада приехала, оказалось, что Адалис уже умерла.

Смерти она не боялась и говорила о ней просто – как о части жизни. За несколько лет до смерти написала восьмистишие, обманчивое в своей строгой простоте: кажется жалобой на мимолетность жизни, а оборачивается надеждой на вечность.

*Жизнь полуиссыкаяшая моя
Рано оказалась у предела...
Плод пережитого бытия –
Кажется, душа во мне созрела?
Летним этим вечером опять
Тайно я по странствиям тоскую...
Самое бы время начинать
Жизнь одушевленную, вторую!* ♣

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ШАФРАНОВЫЙ БРАТ ВЕРСАЛЯ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

РУНДАЛЬСКИЙ ДВОРЕЦ – ТВОРЕНИЕ ВЕЛИКОГО РУССКОГО АРХИТЕКТОРА ИТАЛЬЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ БАРТОЛОМЕО ФРАНЧЕСКО РАСТРЕЛЛИ – ОТМЕТИЛ СВОЙ 280-Й ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ. ЗАМОК УДИВИТЕЛЬНОЙ КРАСОТЫ БЫЛ ВОЗВЕДЕН В КУРЛЯНДИИ В 1736 ГОДУ ПО ЗАКАЗУ ГЕРЦОГА ЭРНСТА ИОГАННА БИРОНА – ЗНАМЕНИТОГО ФАВОРИТА ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ.

В МАЕ ПО РОССИЙСКИМ телеканалам прошел показ английского сериала по роману Льва Толстого «Война и мир», многие сцены из которого были сняты в интерьерах Рундальского замка. Британские кинематографисты выбрали для экрани-

зации бывшую летнюю резиденцию Бирона из-за сходства замка с Эрмитажем и Екатерининским дворцом. Как-никак все они созданы Растрелли. В британской прессе Рундальский замок, окрашенный в желто-оранжевый цвет, называли «шафрановым Версалем»...

ЖЕМЧУЖИНА РАСТРЕЛЛИ

Но когда в 1735 году Варфоломей Варфоломеевич – а в России Растрелли называли именно так – по приглашению Бирона впервые прибыл в Курляндию, в маленький поселок Руэнтале, что в 88 километрах от Риги, то никаким Версалем здесь и не пахло. Наверняка итальянец был очень удивлен, не понимая, зачем всеильному фавориту понадобилось забираться в такую глухомань. Но это было единственное имение в округе, которое можно было купить, поскольку зажиточные курляндские дворяне в те времена вообще не хотели продавать свои земли. В Руэнтале уполномоченный Бирона оказался опекуном детей умершего хозяина здешнего имения, бла-

годаря чему оно вскоре и было продано любимцу российской императрицы. По счастливой случайности неподалеку сохранились развалины старинного замка, откуда строители Рундальского замка заимствовали строительные материалы для будущего шедевра Растрелли. Возводить замок начали 24 мая 1736 года. Около тысячи мастеровых Императорской канцелярии от строений и крепостных рабочих – плотники, каменщики, столяры – работали здесь не покладая рук. Обходились они хозяевам стройки в сущие гроши, да еще чарка водки и боченок сельди сверху. Отделочные материалы доставлялись из Санкт-Петербурга. Столичная строительная канцелярия направила в Руэнтале известного столярного мастера и резчика по дереву А. Камаева, художников И. Мизинова, И. Пилугина, И. Евдокимова. Лепной декор

стен и потолков создавала бригада Петра Ефремова. Роспись многих плафонов для потолков тоже делали мастера из города на Неве. С Тульских металлургических заводов привезли литые украшения для фасадов. Петербургские кровельщики покрыли крышу листами луженой жести, которая сверкала на солнце как серебро, что было новинкой в этих краях. Расписанные кобальтом изразцовые печи складывали мастера Невского кирпичного завода под руководством Ивана Ушакова.

Через четыре года это место уже было не узнать. Замок, о котором грезил герцог Курляндский, начал приобретать свои очертания. Но в октябре 1740 года скончалась покровительница курляндского фаворита – императрица Анна Иоанновна. Менее чем через месяц прямо в своем дворце в Петербурге регент

Одно из самых красивых помещений Рундальского дворца – Золотой зал герцога Курляндского, отделан искусственным мрамором и позолоченной стюковой лепниной. Именно здесь британские кинематографисты снимали светские приемы и бал у Анны Павловны Шерер

Российской империи Эрнст Иоганн Бирон был арестован, обвинен в стремлении завладеть российским престолом и приговорен к смертной казни. Казнь заменили ссылкой. В Петербург через 22 года Бирона вернул Петр III, но только при Екатерине II он был восстановлен на герцогском престоле в Курляндии. Все эти годы его замок находился под охраной солдат, по возвращении герцога из ссылки работы по внутренней отделке были завершены...

После Эрнста Иоганна Бирона в Курляндии правил его сын Петр. Во время нашествия Наполеона в замке пять месяцев квартировал французский корпус, а позже здесь оборудовали лазарет. В этих стенах содержали и попавших в плен раненых русских офицеров.

В 1795 году, после присоединения Курляндии к Российской империи, новым хозяином Рундальского дворца стал граф Валериан Зубов, а затем его брат, фаворит Екатерины II – Платон Зубов. После его смерти вдова Зубова, Текла Игнатьевна, вышла замуж за графа Андрея Шувалова, у них родились двое сыновей. До 1920 года Шуваловы и были владельцами дворца в Рундале.

Во время Первой мировой войны в замке размещался госпиталь и комендатура немецкой армии, позже часть помещений передали под школу. Вторая мировая война пощадила чудесное творение Растрелли, он не пострадал от бомбежек. А вот затем дворцу пришлось выдержать немало испытаний. В послевоенные годы несколько помещений было переоборудовано под зернохранилище. Мешки с овсом и пшеницей складывали прямо на паркетном полу в парадном Золотом зале и в танцевальном Белом, в бывшей спальне герцога стояли громоздкие металлические весы. А рядом, в бывшей герцогской столовой, разместили зерносушилку. Остальные пригодные к жизни помещения были отданы школе-интернату.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

НОВАЯ ЖИЗНЬ

В парадной столовой Эрнста Иоганна Бирона школьники любили играть в баскетбол. Особым шиком считалось попасть мячом в лепное украшение под потолком. Но в XVIII веке лепка была надежной, она выдерживала все. А вот сердце директора Рундальского музея Иманта Ланцманиса каждый раз при этом обрывалось. И он вновь и вновь очень мягко, но настойчиво просил ребят больше так не делать...

Впервые он попал на работу в Рундале в 1964 году, еще будучи студентом четвертого курса латвийской Академии художеств. И уже тогда Имант поразился необычному контрасту: плохо одетые и едва обутые подростки носились по замку – среди вычурных герцогских интерьеров, расписных стен и потолков... Впрочем, расписных стен оставалось уже немного, к тому времени почти все они были замаскированы масляной краской... Сам дворец получил статус филиала Бауского городского краеведческого музея, оставаясь одновременно детским интернатом. Не было ни программы, ни денег, чтобы начать реконструкцию шедевра великого зодчего.

Но дирекции музея все же удалось преодолеть суровые реалии советского бытия. В 1965 году вышло постановление Совмина Латвии о необходимости реставрации Рундальского дворца. Началась работа. Поначалу она проходила в основном в библиотеках и архивах. Параллельно сотрудники начали собирать по союзным музеям и комиссионным магазинам вещи для дворца. Помогли коллеги из Риги, Москвы и Ленинграда. В частных коллекциях приобретались старинная мебель, картины, предметы прикладного искусства, текстиль. Многие экспонаты были основательно потрепаны временем и людьми. Пришлось в 1969 году при Рундальском дворце открыть свою реставрационную мастерскую. В 1972 году в Рундале были приглашены ведущие реставраторы Союза.

По признанию директора Рундальского музея Иманта Ланцманиса, он уже более полувека живет в тени герцога Курляндского. До реставрации даже его рабочий кабинет располагался в бывшем герцогском кабинете для аудиенций, что тоже не давало расслабиться...

Портрет герцога Эрнста Иоганна Бирона (Кристиан Сидов по портрету Луи Каравакка. 30-е годы XVIII века)

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

С 1972 по 1992 год жизнь в залах замка была ключом. Это был период самых активных реставрационных работ. Работники музея подсчитали, что за эти двадцать лет в ремонтные работы было вложено 6 миллионов 700 тысяч советских рублей. Дворец заблестел позолотой и полностью преобразился, обновился фасад, в залах появился чудесный паркет, отремонтировали крышу, восстановили двери и плафоны.

В 1975 году Иманта Ланцманиса назначили директором Рундальского дворца-музея. А в конце 1980-х ему удалось установить дружеские контакты с потомками Эрнста Иоганна Бирона. Первым был адвокат из Западного Берлина – Герхард Вульффиус. Он всю свою жизнь изучал все, что связано с историей рода Биронов. Ланцманис впервые посетил дальнего потомка герцога Бирона в 1987 году и был поражен его коллекцией, которую берлинский адвокат собирал по всему миру.

С того года и вплоть до своей смерти в 1990 году Герхард Вульффиус был большим другом Рундальского замка. За два дня до своей смерти адвокат позвонил Ланцманису и сообщил, что только что написал завещание, по которому он хочет передать латвийскому музею все свои курляндские ценности...

А дальше все было в духе Агаты Кристи. После смерти Вульффиуса его завещание таинственным образом исчезло... И в Рундальском дворце остались только те вещи, которые он успел лично передать в дар, – книжный шкаф из личной библиотеки герцога Курляндского, его кресло, фарфор и книги. Завещание так и не было найдено. Где сейчас находится уникальная коллекция адвоката Вульффиуса, тоже неизвестно...

Мраморный зал, столовая герцога. В недавние времена здесь проходили школьные занятия по физкультуре, но крепкая лепнина все выдержала... Англичане снимали в этом зале званый ужин при свечах, во время которого князь Василий Курагин неожиданно для жениха объявляет о помолвке своей дочери Элен с Пьером Безуховым

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«ОН ИМЕЛ НЕСЧАСТИЕ БЫТЬ НЕМЦЕМ...»

Следующим опекуном дворца стал прямой потомок Эрнста Иоганна Бирона и полный его тезка, который живет в Баварии и носит титул принца Бирона Курляндского. Современный принц – немецкий физик, правда, уже давно на пенсии. Он возглавляет Фонд поддержки Рундальского дворца, в дар которому официальный наследник герцога Курляндского в

2014 году преподнес 11 дубовых книжных шкафов для библиотеки. Шкафы были изготовлены по образцу оригинала – того самого единственного герцогского шкафа, который успел передать скончавшийся немецкий адвокат...

Когда шла подготовка к 300-летию юбилею бывшего владельца Рундальского замка, директор музея дни и ночи проводил за изучением личных архивов герцога Курляндского. Прочи-

Спальня герцогини Доротеи Курляндской

тал множество его писем и документов.

– Когда я изучал переписку герцога, мне он стал гораздо ближе и понятнее как человек. Хотя занятие это было не из легких, почерк у Бирона был таким же, как и его характер, – нервным, заостренным, дерганым. Стиль – повелительным и страстным, – поделился Имант своими наблюдениями.

– Но зачем вам этот давно ушедший в прошлое фаворит российской императрицы? – поинтересовалась я у собеседника. – Мы же знаем и про «бироновщину», и про репрессии, и про подавление инакомыслящих...

– Александр Пушкин как-то сказал про Бирона: «Он имел несчастье быть немцем, на него свалили весь ужас царствования Анны Иоанновны... Впрочем, он имел великий ум и великие таланты». От себя же добавлю, что именно герцогу Курляндскому Латвия обязана двумя самыми ценными архитектурными строениями – Рундальским замком и Елгавским дворцом, – не согласился доктор искусствоведения, собравший колоссальную коллекцию исторических экспонатов и архивных материалов по истории рода Биронов.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

О МЕЦЕНАТАХ И ДРУЗЬЯХ

В 1992 году, когда прекратилось финансирование всех реставрационных работ дворца, судьба уникального Рундальского комплекса вновь оказалась на волоске. Не на что было ремонтировать протекающую крышу, не знали, как спасти парадную лестницу, где взять средства для консервации плафонов... Наверное, надо было походить с протянутой рукой по «новым» русским и латышам.

– Да, я, наверное, поступал не совсем правильно, – вспоминает директор музея. – Кто громко просит, тот хоть что-то получает. А я этого не делал. Не смог!.. Думаю, и герцогу Бирону это было бы неприятно. Впрочем, каюсь, я все же отправил несколько писем ведущим латвийским банкирам с просьбой помочь музею в реставрации фонтана. Ответа не получил ни от одного...

Уникальному творению итальянского зодчего в те непростые годы могло помочь только чудо. И оно случилось.

В 1996 году в Рундале заехал тогда еще мало кому известный рижский бизнесмен Борис Тетерев с супругой, живший в те годы чаще в Москве, чем в Латвии. Он купил билеты и заказал небольшую экскурсию по музею. Дворец был почти пустой, администратор музея, искусствовед Елена Форсте, провела гостей по залам, поведав историю курляндского фаворита российской императрицы. Рассказала и про судьбу дворца, переживающего период кризиса. С грустью оглядев запущенный, но не утративший очарования будуар герцогини Курляндской Доротеи, супружеская пара поинтересовалась у администратора, во что обойдется реставрация этого помещения. Борис Тетерев попросил посчитать еще и стоимость ремонта наружной боковой лестницы замка, которая почти полностью сгнила. Елена обещала все разузнать и позвонить, не приняв всерьез слова посетителей. Но смету она все же составила и отправила. Через несколько дней, к огромному удивлению директора музея,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Туалетный набор герцогини Доротеи. Фарфор, работа немецких мастеров. Три года назад весь комплект был передан в дар музею одним из потомков герцогини

необходимая сумма поступила в их распоряжение. А в скором времени изящный будуар герцогини Доротеи с нишей-альковом и стенами, обтянутыми брошированным шелком с вытканым кружевным орнаментом, уже встречал первых посетителей, которые поднимались в музей по великолепной отремонтированной лестнице.

Тетерев продолжил сотрудничество с Рундале. Оно длится уже двадцать лет. За эти годы здесь благодаря поддержке благотворительного фонда Тетеревых вслед за будуаром получили второе рождение спальня и туалетная комната герцогини, рабочий кабинет и личные апартаменты герцога Курляндского, Большая галерея, соединяющая Золотой

и Белый залы, бильярдный зал, Фарфоровый кабинет, большая библиотека Эрнста Иоганна Бирона... За два последних десятилетия было отреставрировано и воссоздано более 50 помещений и интерьеров. В 2007 году Рундальский дворец был включен в Список культурного наследия Европы. А в 2014 году, когда Рига была избрана культурной столицей Европы, директор музея объявил о завершении реставрации Рундальского замка.

За свой труд по сохранению «шафранового Версаля» Имант Ланцманис был отмечен высшей наградой Франции – орденом Почетного легиона. В латвийских СМИ его теперь так и называют – командором Рундальского дворца.

Директор музея приветствует главных меценатов Рундальского ансамбля – Бориса и Инару Тетеревых (слева) и принца Эрнста Иоганна Бирона Курляндского с супругой Элизабет

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Первоначально Белый зал был задуман как дворцовая церковь, но во время второго строительного периода он превратился в танцевальный зал. Стюковые рельефные панно на стенах зала символизируют разные занятия, а также времена года и четыре элемента мироздания

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

МУЖЧИНА В ПАПАХЕ

Когда в начале 2000-х годов в помещениях музея начались реставрационные работы, Имант вместе с супругой Евой (художником-реставратором, увы, несколько лет назад ее не стало) то и дело прибегали посмотреть, что нового открылось под грубой краской, снятой со стен или потолков. В некоторых дворцовых залах художественные росписи на стенах многократно закрашивались. Когда специалисты слой за слоем очистили стены в главном рабочем кабинете герцога, то взору сотрудников музея открылась хорошо сохранившаяся настенная роспись. Как вспоминает Имант, они с Евой чуть не затанцевали от восторга.

– У нас сохранились давние связи с питерскими коллегами из Русского музея, и эти контакты продолжают приносить пользу, – рассказал Ландманис. – Сейчас мы ведем активную переписку с Эрмитажем, с русскими искусствоведами и частными коллекционерами, так как хотели бы издать каталог портретов XVIII века. Есть еще одна давняя мечта... Я уже лет сорок призываю коллег взяться всем вместе за издание новой монографии, посвященной творчеству Растрелли. Я предлагал коллегам поделиться имеющимися материалами и работками по

дворцам работы итальянского зодчего. И затем издать прекрасно иллюстрированное издание, возможно, даже в нескольких томах. У нас есть его эскизы и планы дворцов в Рундале и Елгаве. Сохранились его архивы, переписка, разные записки и донесения в Петербург. Надеюсь, нам удастся воплотить эти задумки в жизнь.

Директор музея поделился планами и по воссозданию в восточной части комплекса большой теплицы, которая когда-то

здесь была устроена по настоянию Теклы Шуваловой. Она выращивала экзотические цветы и растения. Сохранился инвентарный список растений шуваловской оранжереи, и музею удалось собрать почти все. Они должны стать прекрасным дополнением к знаменитой коллекции роз, которые уже долгие годы выращивают в Рундальском парке, занимающем территорию в 70 гектаров...

Мы заходим в комнату с портретами известных курляндцев. На видном месте – портрет первого курляндского губернатора, графа Петра Алексеевича Палена. Да-да, того самого, вошедшего в историю Российской империи как цареубийца, участник заговора против Павла I. Пален был похоронен в 1826 году в небольшом поселке по дороге в Ригу. Согласно его завещанию, опальный граф был погребен не в склепе, а на глубине 8 футов под ним, чтобы его прах никто и никогда не тревожил. На месте захоронения нет ни герба, ни надписи. Сохранились лишь записи в церковных книгах.

– А вот что у нас еще есть из последних находок. – Директор музея показывает на бюст бравого офицера с лихо закрученными усами и в папаче. – Это последний владелец Рундальского дворца – граф Андрей Петрович Шувалов, знаменитый русский

Мужчина в папаче. Он же – Андрей Петрович Шувалов. Бюст работы его жены Веры Шуваловой

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

генерал, участник русско-японской, Первой мировой войн и Белого движения. В отличие от Бирона наследников у Шуваловых не было, сам он умер в 1928 году в Монте-Карло. Когда мы работали над этим помещением, посвященным роду Шуваловых, мы пытались воссоздать здесь все так, как это могло быть в их эпоху. И единственное, чего здесь долго не хватало, – не было ни одного достойного портрета или приличной фотографии доблестного генерала. Выручил, как это часто бывает, случай...

Год назад директор Рундале приехал к коллегам в Рижский художественный музей, чтобы подобрать в фондах восемь копий античных скульптур для украшения библиотеки герцога Бирона. Это было вскоре после пожара в Рижском замке, в связи с чем все картины и экспонаты были упакованы и подготовлены к перевозке в другое место. Имант, довольный только что найденными скульптурами, уже шел к выходу, когда ему на глаза попался ярлычок, выглядывающий из одной упаковки. Наклонившись, хранитель Рундальского дворца поднял пленку, укрывающую большой бюст, и прочитал надпись на ярлычке: «Вера Шувалова. Мужчина в

В знаменитом розарии Рундальского парка собрана богатейшая коллекция роз

папахе». И больше ничего! Но Имант Ланцманис прекрасно знал, что Вера, супруга генерала Шувалова, увлекалась скульптурой. А уж кто такой «мужчина в папахе» – для него было ясно с первой же секунды, как только он снял упаковочную пленку с бюста!

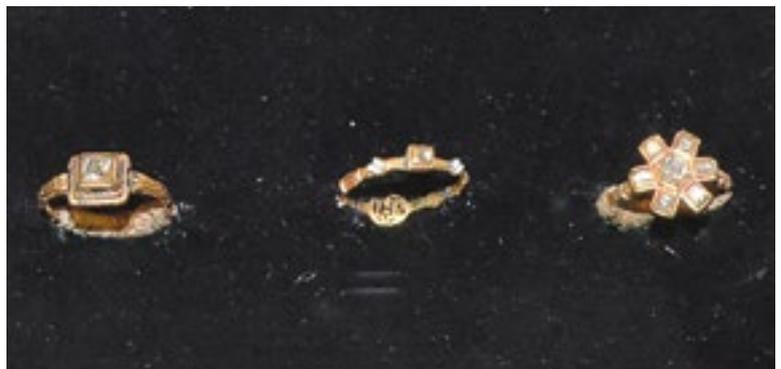
Имант и сейчас смеется от удовольствия, рассказывая эту историю. И пусть мужской бюст передан его музею лишь на временное хранение, но он по праву занял центральное место в шуваловской экспозиции. Мы прощаемся с боевым генералом, проходим через комнату братьев Зубовых, чьи изображения висят справа и слева от парадного портрета Екатерины II, и попадаем в огромный Белый зал, богато украшенный ангелами, амурами, райскими птицами и цветами.

ОТ ГОТИКИ ДО МОДЕРНА

У входа в Белый зал привлекает внимание портрет милой девчушки с цветами в руках. Это – дочь рижского бургомистра Анна Хайдвинкеле. Она осталась в истории как девочка, вручившая букетик цветов российской императрице Екатерине II во время краткого монаршего визита в латвийскую столицу в 1764 году..

Обойдя еще несколько помещений, через Большую расписную галерею мы попадаем в открытый три года назад небольшой Музей европейского декоративно-прикладного искусства. Здесь 15 залов с художественными экспонатами, по которым можно изучать развитие декоративно-прикладного искусства, от готики, рококо и до стиля модерн. Это – тоже давняя задумка Иманта Ланцманиса, кото-

Три золотых колечка, принадлежавших прусской принцессе Софии, были обнаружены в прошлом году в грудe мусора. Спустя триста лет после их исчезновения...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

рый семнадцать лет преподавал студентам Академии художеств историю стилей. Теперь у них есть возможность увидеть чудные образцы искусства разных исторических эпох, собранные сотрудниками музея в разных странах. Но и в Латвии не обошлось без сенсационных находок. И одна из них – три золотых женских колечка – гордость коллекции Рундальского музея. Их появление здесь – это настоящий исторический детектив, корни которого уходят в 1609 год.

В том году герцог Вильгельм Курляндский посватался к прусской принцессе Софии, вручив ей золотое колечко с бриллиантом. София вышла за него замуж, через год в Берлине родила герцогу наследника, но умерла при родах. Ей было всего 28 лет... Ее останки были привезены в Курляндию только в 1643 году и помещены в один гроб с мужем в Елгавском склепе. В 1705 году саркофаг был ограблен шведскими солдатами. В архиве есть протокол, составленный самим Петром I, который руководил осадой замка. Обнаружив разоренные саркофаги, российский император вызвал шведского коменданта и велел ему предоставить описание всего, что было в склепе. В той

петровской описи упоминался лишь передник прусской принцессы, никаких украшений указано не было!

И вот прошло 310 лет... В конце прошлого года сотрудники Рундальского музейного комплекса проводили реставрацию Елгавского саркофага. В таких случаях обычно все содержимое ящиков,

Опочивальня герцога Бирона. В английском сериале «Война и мир» – спальня Пьера Безухова

Книжный шкаф герцога Бирона – образец курляндского рококо

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

включая камешки под ними, песок, остатки грунта, тщательно сметается в мешочек, который оставляется рядом с гробом. И на этот раз все хотели сделать точно так же. Но по какому-то недоразумению мешок привезли в Рундальский музей и передали реставраторам, чтобы те потом сами уложили его в склеп. Содержимым заинтересовалась девушка-реставратор, изучающая текстиль Средних веков. В надежде найти хоть какой-то обрывок ткани она перебрала пинцетом все камешки. И вдруг... зацепила золотое колечко! Она тут же позвонила директору. Имант примчался в мастерскую и... глазам своим не поверил. Это было кольцо принцессы Софии! Воодушевленный уникальной находкой, директор музея попросил сотрудницу еще раз тщательно осмотреть все, что было привезено из Елгавского склепа. На следующий день опять звонок – девушка нашла второе золотое колечко, того же периода. Еще через два дня в самом последнем комочке с древним мусором было обнаружено третье и самое ценное колечко Софии – то самое обручальное, с бриллиантом, которое ей в 1609 году вручил влюбленный герцог Вильгельм Курляндский! Сохранилась и монограмма на ободке – W.S., Вильгельм и София...

Наша увлекательная четырехчасовая экскурсия подходит к концу. И вот наконец он – тот самый подлинный книжный шкаф, принадлежавший когда-то Эрнсту Иоганну Бирону и подаренный музеем немецким адвокатом. Он стоит нынче здесь, в музее стилей, как образец рококо. Вернее, по уточнению доктора искусствоведения, как образец того, как курляндские мастера XVIII века представляли себе стиль рококо – тщательно выполненный орнамент, но с легким привкусом местного примитива. Хотя, признаться, волнует не это. А то, что когда-то к дверцам этого шкафа прикасалась рука герцога Бирона, милостиво прощенного Екатериной Великой... ❀

НЕВСКАЯ ЭЛЕГИЯ

АВТОР

**МАРИЯ
БАШМАКОВА**

ФОТО

**АЛЕКСАНДРА
БУРОГО**

В САМОМ СЕРДЦЕ ПЕТЕРБУРГА ЕСТЬ «ГОРОД МЕРТВЫХ». ЗДЕСЬ, КАК ПИСАЛ ИСТОРИК ИСКУССТВА НИКОЛАЙ ВРАНГЕЛЬ, ПОГРЕБЕНА ЦЕЛАЯ ЭПОХА: «ПОЧТИ ВСЕ ПРИДВОРНОЕ ОБЩЕСТВО ЕЛИЗАВЕТЫ, ЕКАТЕРИНЫ И ПАВЛА». ЛАЗАРЕВСКОЕ КЛАДБИЩЕ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ – ГОРОД В ГОРОДЕ. «ДОМ» В ЭТОМ «ГОРОДЕ» МОЖЕТ РАССКАЗАТЬ НЕ ТОЛЬКО О СВОЕМ ХОЗЯИНЕ, НО И О ВРЕМЕНИ, В КОТОРОМ ОН ЖИЛ. ДОРОЖКИ, НАЗВАННЫЕ В ЧЕСТЬ ТЕХ, КТО НАШЕЛ В НЕКРОПОЛЕ ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ, СРАВНИМЫ С УЛИЦАМИ, «ПРОПИСКА» НА КОТОРЫХ ЗАВИСИТ ОТ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА И ДОСТАТКА ВЛАДЕЛЬЦА. КАК И В ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ, НАДГРОБИЯ ЗДЕСЬ ОТРАЖАЮТ МОДЫ УШЕДШИХ ЭПОХ, ВКУСЫ ЗАКАЗЧИКА, ЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЕ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ...

В СЕВЕРНОМ НЕБЕ ГОРЯТ КУПОЛА ТРОИЦКОГО СОБОРА АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ, ИЗ-ЗА ЖЕЛТЫХ СТЕН ОБИТЕЛИ ВЫПЛЯДЫВАЮТ КРОНЫ СТАРЫХ ДЕРЕВЬЕВ. КУПОЛА ЧАСОВЕН-НАДГРОБИЙ ВИДНЫ С ПЛОЩАДИ – ОНИ СТОЯТ У САМОЙ ОГРАДЫ. ОЧЕНЬ ЗРИМАЯ МЕТАФОРА БЫТИЯ: ОТ КРЕСТА НА КУПОЛЕ – К КРЕСТУ НА МОГИЛЕ. ОТ СВЯТЫХ ВОРОТ ЛАВРЫ ВЫМОЩЕННАЯ БУЛЬЖНИКОМ ДОРОЖКА ВЕДЕТ К СТАРЫМ КЛАДБИЩАМ, РАСПОЛОЖЕННЫМ СПРАВА И СЛЕВА. НАМ НАЛЕВО – В НЕКРОПОЛЬ XVIII ВЕКА. ВДОЛЬ РЕЧКИ МОНАСТЫРКИ ПРОТЯНУЛОСЬ ОДНОЭТАЖНОЕ ЗДАНИЕ С НЕВЫСОКИМ КУПОЛОМ – ЛАЗАРЕВСКАЯ УСЫПАЛЬНИЦА, ДАВШАЯ НАЗВАНИЕ КЛАДБИЩУ. ЗАХОРОНЕНИЯ ЗДЕСЬ ПРОДОЛЖАЛИСЬ ДО 1919 ГОДА. А В 1932-М ЛАЗАРЕВСКОЕ КЛАДБИЩЕ ПРЕВРАТИЛОСЬ В МУЗЕЙ – НЕКРОПОЛЬ XVIII ВЕКА.

СКЛЕП С ПРИВИЛЕГИЕЙ

В стенах Александро-Невского монастыря, заложенного в 1710 году (статус лавры обитель получила в 1797 году. – Прим. ред.), Петр I задумал устроить усыпальницу для членов царской семьи, их приближенных и выдающихся людей. Уже в 1713 году на левом берегу реки была освящена деревянная церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, вблизи которой появились первые захоронения. Согласно «Журналу Петра Великого», первым здесь был похоронен в 1714 году московский стряпчий Прокофий Ушаков – личность весьма неоднозначная. Он входил в ближайшее окружение Петра, был его соратником и участником «Всешутейного, Всепьянейшего и Сумасброднейшего Собора». Прокофий Ушаков, Петр Бутурлин, Юрий Шаховской, Кузьма Патрикеев – этих приближенных Петр именовал «шутами». Впрочем, это не должно вводить нас в заблуждение: хоть Ушаков и забавлял Петра Алексеевича остроумными шутками, однако к службе государевой относился серьезно. Неслучайно церемонии погребения Прокофия Афанасьевича в Александро-Невском монастыре возглавлял сам Петр I.

Царь вообще с вниманием относился к подобным вопросам и лично разрабатывал ритуалы похорон своих приближенных и родственников. Когда в 1716 году скончалась любимая сестра Петра – Наталья Алексеевна, ее похороны отложили до возвращения царя из-за границы, так что они состоялись только в 1717 году. После пышной церемонии царевна была похоронена в специально построенной Лазаревской усыпальнице. В начале 1719 года рядом с Натальей Алексеевной был погребен лейб-медик Петра I, первый смотритель Кунсткамеры шотландец Роберт Арескин, могила которого не сохранилась. И хотя Арескин не был православным, перечить царю никто бы не решился...

От Святых ворот лавры дорожка ведет к старым кладбищам. Налево – Некрополь XVIII века

В том же, 1719 году в Петербург из Москвы было привезено тело первого российского генерал-фельдмаршала, героя Северной войны графа Бориса Петровича Шереметева для погребения на Лазаревском кладбище. Кстати, этот случай свидетельствует о том, что Петр серьезно относился к воплощению своей идеи о создании пантеона в Санкт-Петербурге: ведь граф Шереметев, еще при жизни просивший у царя разрешения постричься в монахи, завещал похоронить себя в Киево-Печерской лавре. В Лазаревской же усыпальнице был похоронен в 1719 году и

трехлетний сын Петра I и Екатерины – Петр Петрович. Так постепенно начало формироваться старейшее из сохранившихся в Петербурге до наших дней Лазаревское кладбище. При Петре I захоронения на Лазаревском производились только с его разрешения. После – за плату монастырю. Причем весьма солидную, так что подобные «пожертвования» были важной статьёй монастырского дохода. К примеру, в 1740-е годы место на кладбище обходилось в 50 рублей, а в усыпальницах – 500 рублей. Спустя столетие место в I разряде лаврского кладбища

Приглядитесь: некоторые дорожки вымощены старыми могильными плитами

Одно из первых надгробий с включением скульптурного портрета – работа Якова Земельгака. Надгробие Алексея Попова

ОТ ПЛИТЫ К СКУЛЬПТУРЕ

Первые надгробные знаки на Лазаревском кладбище – это бронзовые таблички-картуши на стенах Благовещенской церкви и плиты с эпитафиями, в которых прославляются заслуги покойных перед Отечеством и сообщается их общественное положение. Плиты украшались гербами усопших, крестами, адамовой головой и другими христианскими символами. Самые древние из сохранившихся – плиты супругов Ржевских. Стольник Иван Ржевский, умерший в 1717 году, и его жена Дарья, скончавшаяся три года спустя, входили в ближний круг Петра I. Кстати, Дарья Гавриловна была «князь-игуменьей» Всеявнейшего собора, но виноградные лозы на ее надгробии вовсе не напоминали о шутовских пирах, а евангельский символ Иисуса Христа. Около Лазаревской усыпальницы трудно не заметить мраморную белую стелу. Это – надгробие над могилой Михаила Васильевича Ломоносова. Первый русский ученый-естествоиспытатель пользовался безусловным уважением даже у современников, так что установленный ему памятник должен был выделяться в общем ряду. Стела, выполненная в Карраре скульптором Франческо Медико по эскизу профессора Якоба Штелина, стала первым архитектурным памятником в некрополе. Она долго высилась среди плит одиноким исполином, притом что ее высота составляет всего 2,5 метра. На современников белизна мрамора и золото отделки производили сильное впечатление. Стела, символизирующая врата в иной мир и одновременно Древо жизни, увенчана саркофагом, а ее силуэт напоминает крест, правда, только если прищуриться. На гранях памятника – текст эпитафии на латыни и русском: «Славному мужу Михаилу Ломоносову... разумом и науками превосходному, знатным украшению Отечеству послужившему». Эпитафия – не единственное послание, которое можно прочесть на надгробии. Язык символов скажет не

стоило 500 рублей, а богатые похороны могли обойтись в 1300 рублей, что равнялось годовому жалованью столичного чиновника не самого низкого ранга. Покупался участок, заключался договор на уход за могилой. Если некому было платить за уход, договор прекращал свое действие, и место могло использоваться под новое захоронение. Памятник или плиту могли и убрать, если никто о них не ходатайствовал. В Некрополе XVIII века есть дорожки, мощенные могильными плитами.

Высокий статус Лазаревского кладбища был определяющим в стремлении аристократов хоронить своих родственников именно здесь. Впрочем, это удавалось не только знати. Вот, к примеру, в Благовещенской усыпальнице есть надгробие Алексея Попова. Этот человек был камердинером Екатерины II, и его надгробие, выполненное в 1781 году Яковом Земельгаком – одна из первых скульптурных композиций некрополя.

А в середине XVIII века на аристократические кладбища пробрались купцы. Правда, лишь самые богатые – Яковлевы, Кусовы... Их захоронения расположены слева от входа в некрополь. Мощный чугунный саркофаг Кусовых ослепляет золотом. Рядом с ним – памятник Савве Яковлеву (урожденному Собакину) – основателю рода

промышленников и предпринимателей. Он занимался рыбной торговлей, держал на откупе питейные сборы, владел полотняной мануфактурой, заводами, в итоге был возведен Петром III в дворянское достоинство. Саксонский посланник фон Гельбиг отмечал, что «памятник Собакину на кладбище Александро-Невского монастыря, из мрамора и бронзы, стоил больших денег, но безвкусен».

Чугунный саркофаг купцов Кусовых поражает пышностью

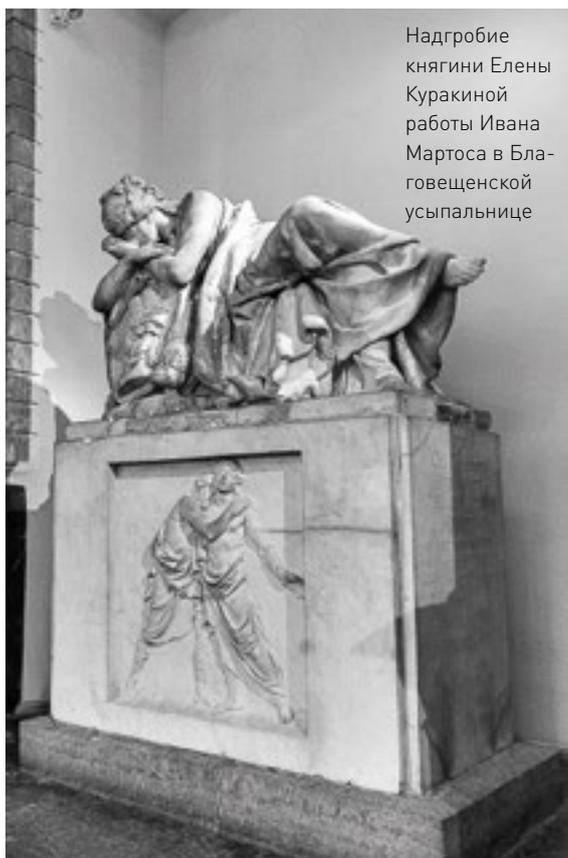
меньше. Аллегорический рельеф читается так: кадуцей со змеями – символ красноречия и проникновения в тайны природы; свиток с циркулем и пером – наука; лира – искусство; лавровый венок – слава. Воздвиг гробницу граф Михаил Воронцов, «славя Отечество с таковым гражданином и горестно соболезнуя о его кончине».

К концу XVIII века стелы, жертвенники, урны, колонны все чаще используются в надгробиях. Кстати, ваз и урн, которые еще со времен античности являются символом смерти, в некрополе великое множество...

Если история первого петербургского архитектурного надгробия не содержит загадок, то вопрос с первым скульптурным могильным памятником не столь ясен. В 1775 году скончалась принцесса Анастасия Гессен-Гомбургская (урожденная княжна Трубецкая). Ее сводный брат Иван Бецкой заказал парижскому скульптору Огюстену Пажу мраморную стелу. Однако позже Бецкой, восхитившись эскизом ваятеля Луи Клода Вассе, заказал ему второе надгробие. Оба памятника – Пажу и Вассе – были привезены в Петербург, но работу Пажу установили в Академии художеств как кенотаф, а в XX веке передали в Эрмитаж. В Благове-

щенской же усыпальнице стояла работа Вассе. Затем он же изготовил надгробие в виде плакательницы для могилы дочери принцессы Гессен-Гомбургской – княгини Екатерины Голицыной. Оба этих надгробия были демонтированы и, видимо, утеряны в 1838 году.

Стела Михаила Ломоносова – первый архитектурный памятник в некрополе

Надгробие княгини Елены Куракиной работы Ивана Мартоса в Благовещенской усыпальнице

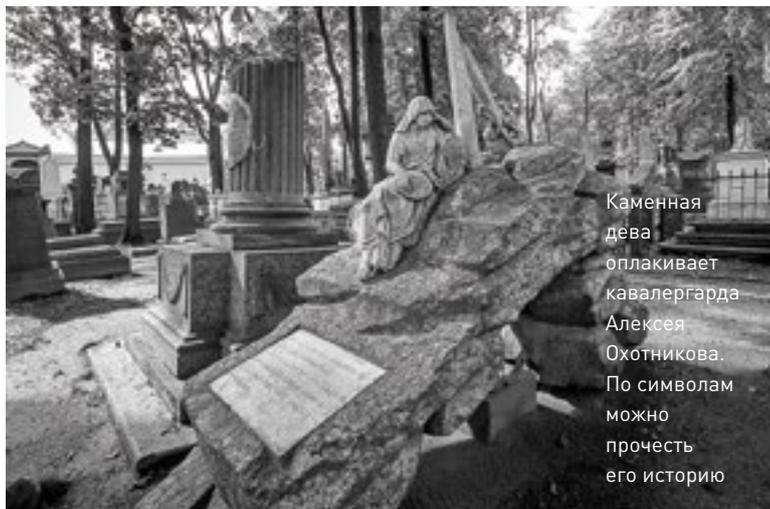
О ЧЕМ МРАМОР ПЛАЧЕТ

«В начале XVIII века Россия отставала от Европы лет на пятьсот в мемориальной пластике и стилистике», – говорит искусствовед Ольга Русинова. Так что авторами большинства надгробных скульптур в это время являлись иностранцы. И только в последней четверти XVIII столетия русские скульпторы, обучавшиеся в европейских школах, начинают пробовать свои силы в создании надгробий.

В русских надгробиях конца XVIII века отразилось мировосприятие человека Просвещения: нет страха перед роком, покорность судьбе иная, нежели безропотное христианское смирение. Коса смерти и черепа – единственные напоминания о конце земного пути в русском некрополе.

По мысли историка искусства Игоря Рязанцева, время в сюжете надгробия существует в нескольких ипостасях. Современность фиксируется в текстах надписей, атрибутах и геральдике, обозначающих социальный статус умершего. Вечность воплощена в аллегорических фигурах. Они, в понимании той поры, пришли из глубокой древности, потому актуальны в настоящем и будущем. Прошлое олицетворяется портретом умершего. Нередко покойный изображен моложе, чем в момент смерти, и отрешен от мира живых: его взгляд устремлен мимо зрителя, а сам портрет расположен позади полных жизни аллегорических фигур.

В начале 1780-х в мемориальном искусстве начинают работать первые русские скульпторы. Один из них – Иван Мартос, которого современники называли «русским Кановой» и уверяли, что мрамор у него плачет. В Благовещенской усыпальнице есть красивейшее надгробие его работы княгини Елены Куракиной (бетонная копия заменила оригинал на исконном месте – возле Лазаревской усыпальницы. – Прим. авт.). Молодая женщина лежит, скрестив

Каменная дева оплакивает кавалергарда Алексея Охотникова. По символам можно прочесть его историю

руки на медальоне с портретом покойной. Куракина умерла в 34 года, а надгробие поставлено ее сыновьями спустя 23 года. Казалось бы, покойную нужно изобразить так, как выглядели люди ее времени. Но на портрете прическа больше напоминает моды, принятые во время изготовления памятника, то есть заказчик захотелось осовременить портрет.

Памятник заводчику Алексею Турчанинову – одно из известнейших творений Мартоса в Некрополе XVIII века. Это экспрессивное надгробие остановит даже утомленного путника. Издалека кажется, что сидящий у бюста покойного Хронос похож на... Достоевского. Но лучше подойти поближе и отогнать оптическую иллюзию. Над крылатым богом времени с раскрытой книгой и черепом возвышается бюст заводчика Турчанинова. Практически вровень с его головой стоит полуобнаженная плакальщица, символизирующая Добродетель. Бронзовые фигуры, как будто возникшие из вечности, обрамляют бюст покойного.

Алексей Турчанинов владел заводами на Урале, был благотворителем и филантропом. Возведен в дворянское достоинство за успешное сопротивление войску Пугачева

Надгробный портал князя Александра Белосельского-Белозерского

КРУЧИНА КАМЕННЫХ ДЕВ

В конце XVIII – начале XIX века сердца и души всецело принадлежали сентиментализму, задавшему моду на чувствительность и томную грусть. На кладбищах стали появляться скульптуры плакальщиц, гениев смерти с затухающим факелом, увядших цветов, засохших деревьев и прочих аллегорий, соответствующих вкусам времени.

Скульпторы брата Агостино и Паоло Трискорни изваяли в Петербурге немало, но в мемориальной пластике их мастерская знаменита именно плакальщицами. И хотя они создали немало каменных дев, единственная подписанная Агостино Трискорни плакальщица – надгробный памятник Марфе Таировой, юной супруге купца Луки Таирова...

История надгробия у старого каштана таинственна и романтична, но символы понят-

ны. Грот, на камнях которого у сломанного дуба, означающего преждевременную смерть, сидит закутанная в плащ женщина, опершись на урну. В аркообразном просвете камня – якорь, знаменующий надежду на вечную жизнь. Кто поставил столь роскошный памятник 25-летнему штаб-ротмистру кавалергардского полка? Алексей Охотников был фаворитом супруги Александра I Елизаветы Алексеевны. Говорят, уйти на тот свет ему помог кинжал, а вовсе не грудная жаба... Такие надгробия называют «памятниками сердца».

На мемориальных рельефах часто изображается рыдающее семейство: вдова, дети и увитый гирляндой портрет мужа. Портретного сходства ждать не стоит, но детали таких композиций обычно соответствуют конкретным обстоятельствам. Так, рядом с вдовой и тремя детьми в рельефе монументального надгробного портала князя Александра Белосельского-Белозерского изображена девушка. Это дочь князя от первого брака Зинаида, впоследствии – знаменитая княгиня Волконская. Нередко реальность передается через символ, как, например, на барельефе памятника подполковнице Мавре Яковлевой, оставившей сиротами семь дочерей: у сломанного дерева с гнездом, в котором пищат семь птенцов, – голубь и мертвая голубка.

ШЕПОТ ЭПИТАФИИ

В надгробиях XIX века переплелись античные символы классицизма и христианства. Самый характерный пример – надгробие 1820-х годов синодского секретаря Ивана Пуколова с сыном. Далеко и ходить не надо – стоит у входа. На цоколе жертвенника – чугунный рельеф: песочные часы с крыльями, отсекаемыми косой смерти – определенный срок человеческой жизни; два скалящихся черепа напоминают о спасении души; летящие над ними бабочки – о бессмертии оной; Уроборос – символ вечности. Надгробие Пуколовых – хрестоматия мемориальной символики и зеркало вкусов эпохи, хотя оно не уникально в художественном смысле. Венчает надгробие сова – олицетворение мрака, смерти. Если присмотреться к улыбающимся черепам, можно заметить: во рту у них блестят монетки, которые оставляют суеверные туристы. Но знаменито это надгробие не только забавными черепами, но и эпитафией, авторство которой приписывают Павлу Сумарокову – племяннику известного поэта и драматурга:

Мимо жертвенника отца и сына Пуколовых пройти сложно, не прочитав эпитафию и не пересчитав аллегории

*Прохожий! Ты идешь, но ляжешь так, как я;
Присядь и отдохни на камне у меня,
Сорви былиночку и вспомни о судьбе;
Я – дома, ты – в гостях; подумай о себе.*

Кончина студента Василия Орлова-Денисова была загадочной – от чрезмерной учебы

Александр Суворов упокоен в Благовещенской усыпальнице

В некрополе можно найти эпитафии, написанные Крыловым, Грибоедовым, Жуковским, Пушкиным. Однако большинство эпитафий анонимно. Надгробные тексты зависели от «сюжета» и клишировались, например оплакивание «бесценной супруги» или «загробная встреча любящих душ». Но здесь можно встретить и курьезные эпитафии. Как на малоприметном надгробии студента Артиллерийского училища Орлова-Денисова, скончавшегося от... чрезмерной учебы: «Здесь погребень Артиллерийского Юнкерского Училища Портупей // Юнкерь Графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ. // Жизнь его прекратилась отъ чрезмерного прильжанія къ наукамъ // и отличного къ службе усердія, благонавіе и дарованія его // общевали верного слугу Государю и полезного сына Отечества. // Родился 3 Марта 1810 // Скончался 18 Генваря 1827 года». Что за напасть случилась с юношей, история умалчивает. Пожалуй, одна из самых лаконичных, строгих и сильных по эмоциональному послы эпитафий начертана на надгробной плите Александра Суворова в Благовещенской усыпальнице: «Здесь лежит Суворов». Авторство приписывают Державину, говорят, Суворов одобрил эпитафию еще при жизни.

Мраморный ангел скорбит
по Екатерине и Вере Кочубей

АНГЕЛЫ И ГОЛГОФА

К середине XIX века крест вновь становится обязательным атрибутом надгробия, на памятниках появляются цитаты из Священного Писания, христианские символы. Входят в моду надгробия в виде «креста на глыбе» (Голгофе), часовенки, неоготические часовни, гроты. Крест на Голгофе – знак победы над смертью и воскресения. В 1860-е подножие креста в виде скалы приобретает силуэт взметнувшейся волны, отдаленно напоминающей постамент «Медного всадника». Название «петровская горка» прижилось в городском фольклоре. Надгробия начинают символизировать веру и покорность судьбе, которые передаются фигурой ко-

ленопреклоненной плакальщицы у креста. Пример тому – памятник сенатору Семену Салагову. Мраморный киот с образом Богородицы тоже выделяется среди гениев у урн. Покоится под ним княгиня Елизавета Салтыкова, урожденная графиня Строганова. Колоритные надгробия-часовенки, заметные даже с улицы, относятся к этому же периоду. В некрополе два таких памятника: первый отмечает семейное место графа Михаила Муравьева. Вторая часовенка стоит на месте погребения петербургских домовладельцев Ратьковых-Рожновых. Иностранные мастера работали как для православных, так и для иноверческих кладбищ. Чужеродность некоторых памятников бросается в глаза. Идущая

К середине XIX века в мемориальный обиход входят христианские символы. Коленопреклоненная женщина перед аналоем на надгробии сенатора Семена Салагова

от этрусских надгробий форма скульптурного изображения покойного в виде спящего человека – типичный сюжет для западноевропейского надгробия XIX века. Подобный памятник перенесен в Некрополь XVIII века с лютеранского кладбища – это надгробие Карла Рейссига. Иногда памятники заказывали за границей. Эти надгробия и сейчас обращают на себя внимание инаковостью культуры. Таков, например, мраморный ангел, привезенный из Флоренции и установленный на надгробии Екатерины и Веры Кочубей. А грандиозный портал, напоминающий горельефы Исаакиевского собора, на фасаде Лазаревской усыпальницы? Это надгробный памятник княгине Анне Белосельской-Белозерской. На композиции в нише Дева Мария принимает душу покойной, за ее спиной – лики Святой Троицы. На переднем плане – коленопреклоненный священник и павший ниц монах. Торжественная скорбь и застывшие слезы, православные часовни и античные саркофаги... Идешь по некрополю – и забываешь, в какой ты стране и какой сейчас год, как будто теряешься во времени. У каждого надгробия – своя история, свой голос, который звучит, пока жив памятник и интерес потомков...

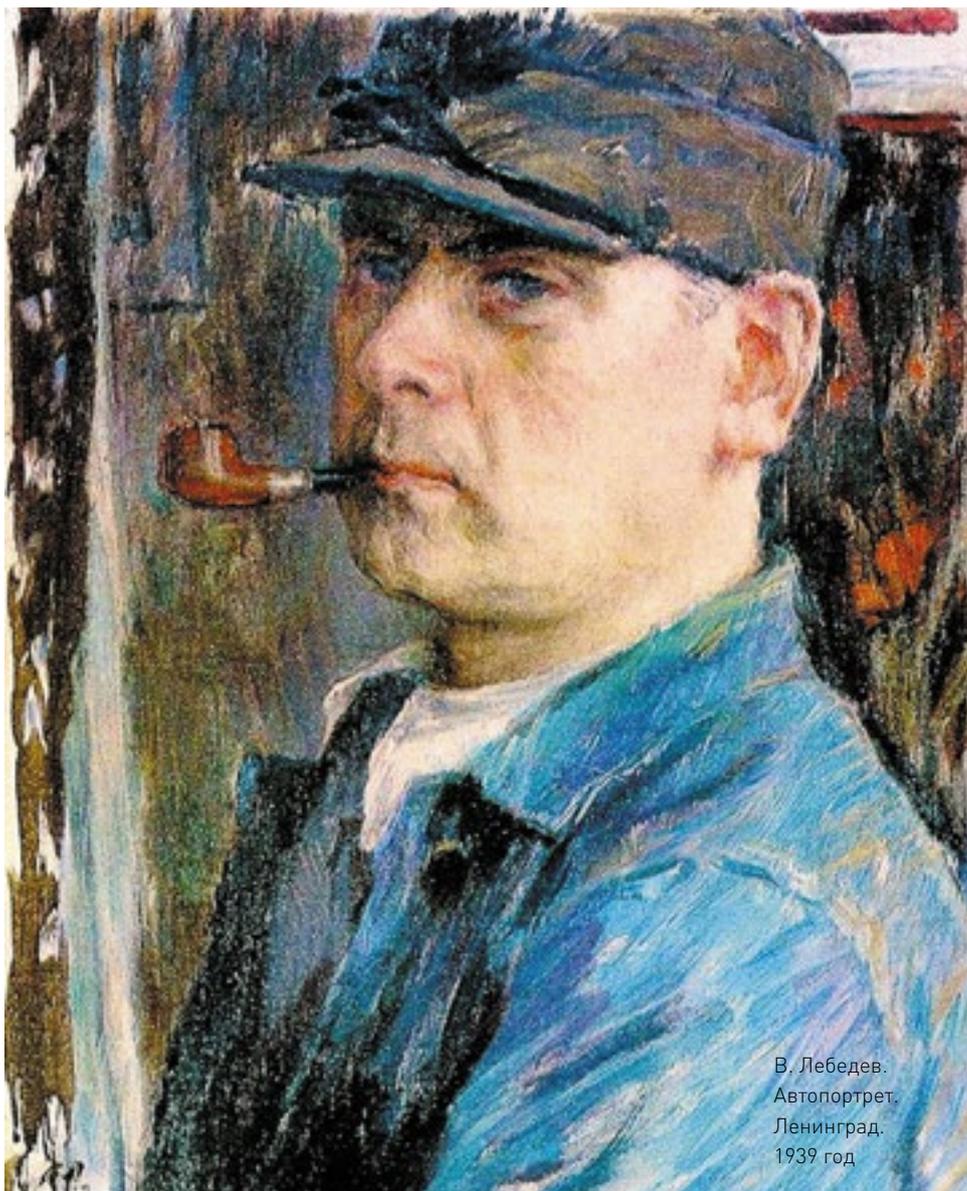

Спящий человек – типичный сюжет для западноевропейского надгробия XIX века. В России таких памятников немного

ВОСПИТАТЕЛЬ «ЛЕБЕДЯТ»

АВТОР
ЗИНАИДА КУРБАТОВА

«СПИРИДОН КУЗЬМИЧ – КОРЕННОЙ МОСКВИЧ, А ЕГО СУПРУГА ДАРЬЯ – ИЗ ДРУГОГО ПОЛУШАРЬЯ». СТАРЫЙ КЛОУН – В ГРИМЕ НЕ ВИДНО, СКОЛЬКО ЕМУ ЛЕТ, НО ЯВНО ЗА ПЯТЬДЕСЯТ. РОДИЛСЯ В ОПИЛКАХ, КАК ГОВОРЯТ В ЦИРКЕ, БЫЛ ЖОНГЛЕРОМ И АКРОБАТОМ, ПОТОМ – КОВЕРНЫМ. В ОДНОМ ИЗ ГАСТРОЛЬНЫХ ТУРОВ ПОЗНАКОМИЛСЯ С ТАНЦОВЩИЦЕЙ-МУЛАТКОЙ, ЖЕНИЛСЯ НА НЕЙ, И ТЕПЕРЬ ОНА – ЕГО АССИСТЕНТКА В МУЗЫКАЛЬНОМ НОМЕРЕ. ЭТО – ЛИТОГРАФИЯ ВЛАДИМИРА ЛЕБЕДЕВА, НЫНЕ ПОЧТИ ЗАБЫТОГО ХУДОЖНИКА. СТИХИ МАРШАКА. СТРАНИЦА ИЗ КНИГИ «ЦИРК».

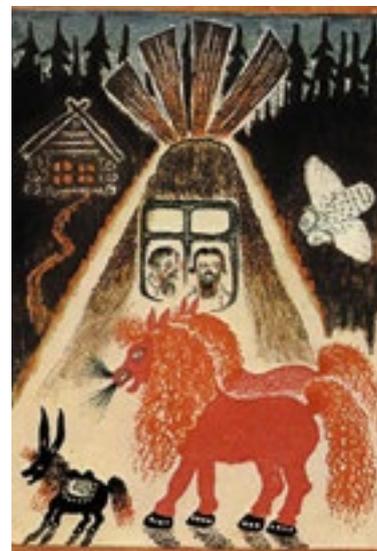

В. Лебедев.
Автопортрет.
Ленинград.
1939 год

ОНА ВЫШЛА В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «РАДУГА» В ЛЕНИНГРАДЕ. ЭТОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВУ МЫ ОБЯЗАНЫ ОЧЕНЬ МНОГИМ. ИМЕННО В НЕМ И СЛОЖИЛСЯ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ТАНДЕМ: ПОЭТ САМУИЛ МАРШАК И ХУДОЖНИК ВЛАДИМИР ЛЕБЕДЕВ. ЭТО ВРЕМЯ БЫЛО ЗВЕЗДНЫМ ДЛЯ «РАДУГИ»: ЗДЕСЬ ВЫШЛИ «ВЧЕРА И СЕГОДНЯ», «МИСТЕР ТВИСТЕР», «СКАЗКА О ГЛУПОМ МЫШОНКЕ», «МОРОЖЕНОЕ», СОЗДАННЫЕ МАРШАКОМ И ЛЕБЕДЕВЫМ.

Книга «Цирк», кстати, особенная. Сначала появились литографии Лебедева, а уж затем Маршак написал к ним стихи. Такого в истории книги, пожалуй, раньше не было. Впрочем, в то время многое делалось впервые. Например, тогда у нас в стране появилась как явление новая детская книга, которую создавали талантливейшие и образованные люди. Она, между прочим, была признана лучшей в мире. Почему-то мы об этом забыли. Мы помним про советский авангард в живописи и архитектуре, про литературу, про первооткрывателей в киноискусстве, а про книги для детей – забываем...

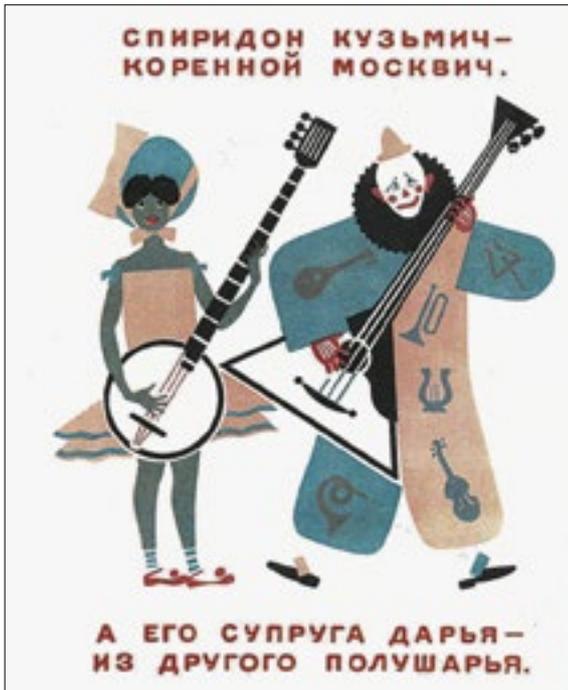
«Радуга» стала предшественницей знаменитого издательства «ДЕТГИЗ», затем – «Детской литературы», существующего и

Ю. Васнецов. Эскизы
к книге «Конек-Горбунок»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В. Лебедев.
Обложка к книге
С. Маршака
«Усатый полосатый».
1930 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ВОСПИТАНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Попробуем вспомнить, какие книги читали дети до революции. Лидия Чарская и Клавдия Лукашевич писали сентиментальные истории для девочек. Особенно были популярны повести Лидии Чарской – ее героини были, как правило, воспитанницами институтов благородных девиц, которые постоянно бледнели, краснели и обливались слезами. Не меньшей популярностью пользовались переводные повести и рассказы про маленькую принцессу Сару Кру, лорда Фаунтлероя и леди Джен. Еще один «хит» того времени – «Розовая библиотека», нравоучительные истории о детишках из богатых семей графини де Сегюр (урожденная Софья Федоровна Ростопчина. – **Прим. авт.**). Самой популярной книгой де Сегюр стали «Сонины проказы». Соня не слушалась родителей: то объедалась теплым свежим хлебом, то ходила босиком по извешке, то прищипывала своего ослика шпорами, изготовленными собственноручно... В конце каждой главы мама Сони произносила нравоучительные монологи. О «Сониных проказах» в «Других берегах» пишет Владимир Набоков, это было одно из щемящих воспоминаний автора о дореволюционной России.

Оформление детских книг практически ничем не отличалось от оформления прочей литературы: переплет мог быть дешевым, а мог быть дорогим – с золотым тиснением, красивым муаровым форзацем, с иллюстрациями, бережно прикрытыми калькой. В основном в книгах публиковались черно-белые литографии, но иногда попадались и цветные – несколько на всю книгу. Так могли оформить, например, собрание сочинений Лермонтова – с характерными для стиля модерн фиалками на обложке. Так могли проиллюстрировать и приключения Ната Пинкерто-

сегодня. Именно в «Радуге» сложились принципы, которые многие десятилетия исповедовали лучшие иллюстраторы детских книг. Именно там появился феномен ленинградской школы книжной графики.

Это было время НЭПа. Тогда в Петрограде существовали и частные, и государственные издательства, из них лишь два занимались только детскими книгами. «Радугой» владел Лев Клячко. До революции он занимался журналистикой, а в 1923 году в «Радуге» начал издавать книги, это были произведения Корнея Чуковского, иллюстрации к которым делались Владимиром Конашевичем, Мстиславом Добужинским – художниками, работавшими в традициях творческого объединения «Мир искусства».

Переломный момент наступил, когда Клячко пригласил к сотрудничеству Владимира Лебедева и доверил ему все художественное оформление. А Лебедев, фактически ставший идеологом издательства, позвал Самуила Маршака, который до того времени для детей ничего не писал. Постепенно Лебедев сформировал

В. Лебедев.
Иллюстрация к книге С. Маршака «Цирк». 1925 год

В. Лебедев.
Иллюстрация к книге С. Маршака «Доска соревнований». 1931 год

в издательстве группу молодых художников, для которых он стал учителем. В Петрограде их называли «лебедятами». «Радуга» просуществовала недолго: просто потому, что закончился НЭП. В 1924 году в Петрограде в Госиздате был создан детский отдел. Художники и литераторы всей дружной компанией перешли работать туда.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

на, и энциклопедию для детей. Мы говорим о среднестатистических книгах. Особая тема – объединение художников «Мир искусства». Мы сейчас не будем вспоминать ни великолепно оформленные Билибиным сказки, ни иллюстрации Добужинского к «Белым ночам», ни «Азбуку» Бенуа.

У нового, советского государства была важная задача – воспитание нового человека. Решение ее возлагалось на пионерскую организацию, на учебные заведения, даже на садики и ясли, которые тогда называли «очагами». Это была эпоха различных экспериментов в школе – они блестяще описаны в книге Вениамина Каверина «Два капитана». Например, в 20-е годы в школах был введен бригадно-лабораторный метод. Школьники делились на бригады, вся бригада готовит домашнее задание, но отвечает на уроке только бригадир. Это должно было развивать чувство коллективизма. В школы постоянно приходили педологи, психологи, вешали перед детьми диаграммы, схемы, дети отвечали на вопросы анкеты.

Нового человека должна была воспитать и принципиально новая книга. Поэтому старую литературу для детей запрещали и изымали из библиотек. Сама Надежда Крупская критиковала буржуазно-мещанский стиль Лидии Чарской. Дошло до того, что начались гонения даже на сказки, за которые отчаянно вступался Корней Чуковский.

Вот такую новую книгу и создавали в «Радуге». Здесь все было новое, даже сами литературные произведения, начиная с сюжетов, лексики, способа обращения к ребенку. Если раньше художники выступали скромными оформителями, то теперь художник стал главным в книге – диктатором, режиссером. Иллюстрация подчиняла себе текст. Важна целостность, образность решения. Иллюстрация занимает почти всю страницу, самого текста часто немного –

В. Лебедев.
Обложка к книге
С. Маршака
«Вчера
и сегодня».
1935 год

всего две-три строчки. Это особенно касается книг для самых маленьких. Детям рисуют новый мир, рассказывают о заводах, машинах, колхозах, о новых предметах в быту. Очень характерна в этом отношении книга Лебедева и Маршака «Вчера и сегодня». Иллюстрации там таковы, что чувствуется материал – стекло, металл, дерево. Старый быт уходит в прошлое, недаром у керосиновой лампы сидят старорежимные интеллигенты.

Лев Клячко не вмешивался в художественный процесс, был открыт всему новому. Говорят, про-

В. Лебедев.
Обложка к книге
С. Маршака
«Багаж».
1962 год

сил поэтов в редакции прочесть стихи. Если они легко запомнились, Клячко давал автору зеленый свет. Но, конечно, идеологом «Радуги» был Владимир Васильевич Лебедев. Он учился в частных студиях и мастерской Рубо, в батальной мастерской Академии художеств. Был блестящим рисовальщиком. Важная веха в его биографии – революционные плакаты, работа в «Окнах РОСТА». Помните известный плакат «Работать надо, винтовка – рядом»? Огромное влияние на Лебедева оказал супрематизм Малевича. Он не любил в этом признаваться, но это очень хорошо заметно прежде всего в плакатах. Все его рабочие и матросы – плоские, они составлены из геометрических фигур. Голова как круг, руки, сжатые в кулаки, – красные круги. Прямоугольник тела, треугольниками брюки клеш. Весомо, грубо, зримо. Только по сравнению с Малевичем – уж простят меня его поклонники – Лебедев прекрасно рисовал и был тонким колористом. Говорили даже о «лебедевской гамме» – тонких сочетаниях сложного розового, серого, охры, шоколадно-коричневого. Лебедев любил жизнь, был невероятно наблюдателен, остроумен. Все взятое у Малевича он перенес в детскую книгу. Плоский эзпман, поедающий мороженое. Плоские бабы в сарафанах несут плоские ведра. Лебедев не считал себя анималистом, но посмотрите на его слонов, обезьянок, лошадей. Владимир Лебедев всю свою жизнь занимался живописью. Его великолепные женские портреты, его гуаши с физкультурницами, наброски обнаженной натуры находятся в главных музеях страны. И все же главным делом его жизни стала детская книга.

Его «лебедята» были под стать учителю. Каждому он объяснял, в чем его сильная сторона, направлял и как редактор давал подходящую книгу для иллюстрирования. У каждого «лебедевка» оказались свои темы и свой узнаваемый почерк.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

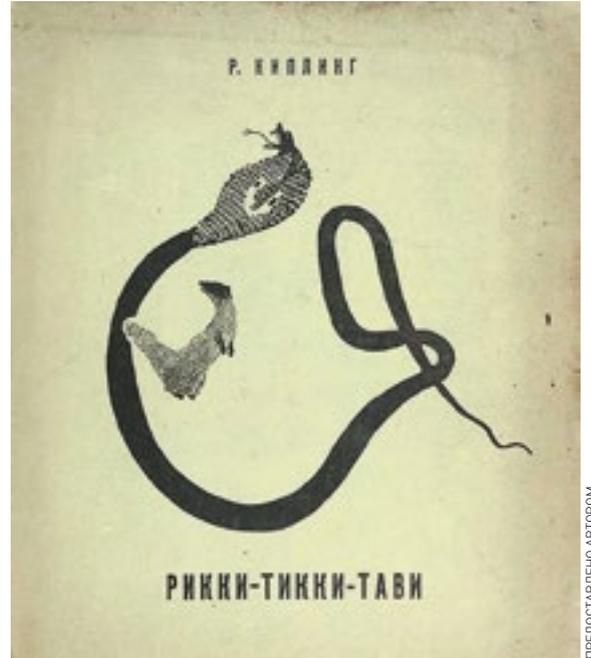

«ЛЕБЕДЯТА»

Валентин Курдов начинал блестяще. Его «Конная Буденного» вышла в 1931-м, Александр Венденский писал стихи уже для готовых акварелей. Говорят, Лебедев поправлял эти рисунки – правда это или нет, неизвестно. Курдов виртуозно работал акварелью и тушью, любил мелкие детали, батальные сцены с множеством участников. Он был страстным охотником, знал зверей и птиц. Это именно он проиллюстрировал «Рикки-Тикки-Тави» – книгу, ставшую бестселлером у детей того времени. Алексей Пахомов рисовал детей, как никто другой. Мальши у него очень характерные, круглоблые, большеглазые. Вырази-

Е. Чарушин,
В. Курдов, Ю. Васнецов
и Н. Костров. Ленинград,
1926 год

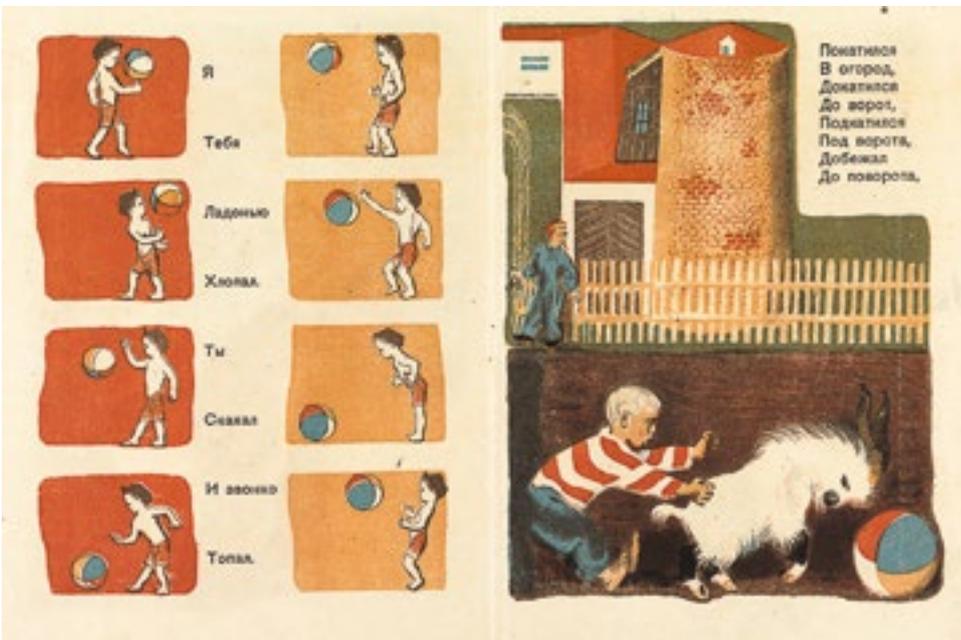
тельны их позы – стоят они пузиком вперед, у них немножко косячатые коротковатые ножки. Крестьянские дети, дети рабочих. Социально близкие. Это сразу узнавалось. У мальчиков прическа полубокс. Сатиновые трусы летом, шаровары зимой. По этим рисункам можно судить о том, как одевались дети той эпохи, в каких кружках занимались. Одна из лучших пахомовских книг – «Мяч» 1934 года. Минимум текста. Яркие картинки. Пахомов сам говорил, что любит крупный план. Ничего лиш-

В. Курдов.
Иллюстрация
к книге
Р. Киплинга
«Рикки-Тикки-Тави».
1933–1934 годы

А. Пахомов.
Иллюстрации
к книге
С. Маршака
«Мяч». 1934 год

него. Мальчик и мяч. К числу безусловных удач можно отнести и пахомовские иллюстрации к рассказу Пантелеева «Часы». Именно Лебедев предложил вятчанину Евгению Чарушину, охотнику и знатоку леса, иллюстрировать книги про зверей. Потом Чарушин стал сам писать рассказы. Чарушинский зверь – это не просто хорошо нарисованное животное, это – образ. Это – личность. Чарушин был классическим анималистом. Он никогда не рисовал людей, а пейзажи в его иллюстрациях играют вспомогательную роль. Впоследствии художником стал и его сын, Никита Чарушин, он тоже иллюстрировал книги про животных в отцовской манере. Отдельная история с Юрием Васнецовым, самым ярким учеником Лебедева, превосходшим учителем, художником-сказочником, создавшим свой волшебный мир, где живут звери, похожие на людей, где огромные темные елки в лесу, где всегда светит солнце – круглое и красное. Васнецов был сыном священника, уроженцем Вятки, человеком исконно русским. Он тяготел ко всему народному, любил народное искусство, ценил провинциальные русские города, собирал подносы и дешевые манекены, которыми были

ИЗ АРХИВА ВАСНЕЦОВЫХ

украшены парикмахерские. Он и мыслил, и изъяснялся своеобразно. Когда осенью 1941-го Ленинград начали бомбить, Васнецов говорил друзьям: «Прилетели огненные жар-птицы»... Мне повезло, я застала еще учеников Лебедева, тех самых «лебедят». Возьму на себя смелость сказать, что дружила с Татьяной Шишмаревой, которую Лебедев в

А. Пахомов. Иллюстрация к книге Л. Пантелеева «Часы»
Книга Е. Чарушина «Охота на медведя». 1933 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Ю. Васнецов и В. Лебедев. 1960-е годы

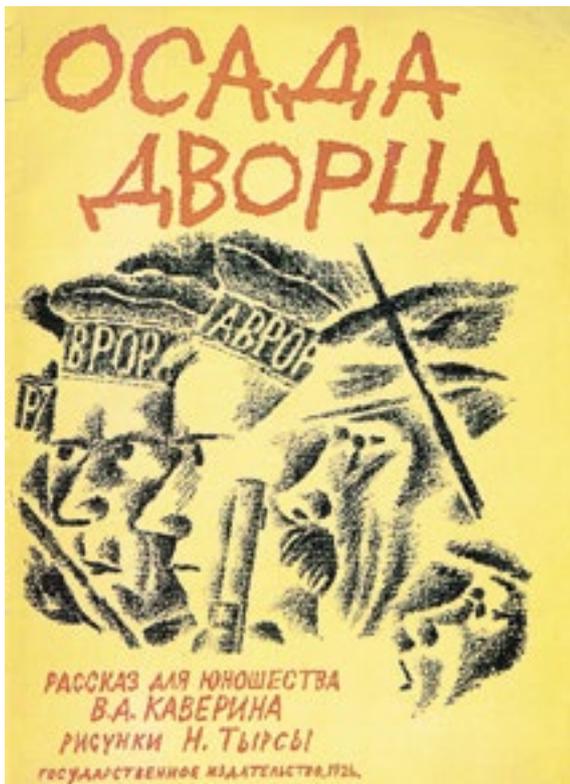
20-е годы привел в детскую литературу. В свое время я перепечатала ее воспоминания о друзьях и о Лебедеве. Она рассказывала, как впервые пришла к Лебедеву показывать свои рисунки. Вероятно, это уже было время «ДЕТИЗа», располагавшегося в двух комнатках на последнем этаже Дома Зингера (ныне Дом книги. – Прим. авт.) на Невском. «И вот появились слухи о том, что в детском отделе Госиздата есть такой замечательный художник Владимир Васильевич Лебедев, который не только дает работу, но и учит ее делать. Про этого художника ходили легенды. Го-

ИЗ АРХИВА ВАСНЕЦОВЫХ

Е. Чарушин, Ю. Васнецов, В. Курдов. Ленинград. Середина 1940-х годов

ворили, что он создал в издательстве удивительную творческую атмосферу, что с молодежью там возятся, учат, подбирают ей работу. Это совсем не то, что частные издательства, где царит вкус хозяина. <...> Лебедев принял меня в единственной комнате издательства, где стояли два больших стола. За одним сидел он сам, а за другим рябой человек в очках – это был Маршак. Владимир Васильевич иллюстрации смотреть не стал, а натурные рисунки посмотрел и предложил принести еще, что я и сделала. Он подобрал мне сказки Соколова-Микитова, которые потом не вышли, так как тогда шла борьба с очеловечиванием животных, а сказки этим грешили» («Наше наследие» №92 за 2009 год, статья «Написала о своих друзьях». Воспоминания Т. Шишмаревой. Сост. З. Курбатова. – Прим. авт.). Работали в издательстве и мастера, которые были не учениками Лебедева, а его коллегами. Это Николай Лапшин и Николай Тырса. Оба они погибли во время блокады Ленинграда. Николай Лапшин еще до революции подружился с Михаилом Ларионовым и Натальей Гончаровой, находился под их влиянием. Работал он и с Малевичем в Государственном институте художественной культуры (ГИНХУК). Был теоретиком искусства, всесторонне образо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Ю. Васнецов.
Иллюстрация
к книге
«Конек-Горбунук»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ванном человеком. Он известен как иллюстратор научно-познавательных книг, некоторые из них вышли в 1930-х годах в США. Там же в 1934-м он получил премию как лучший иллюстратор детской книги. Кстати, этой премии Лебедев очень завидовал.

В детском отделе Госиздата Владимир Лебедев проработал главным художником до 1933 года, когда был создан «ДЕТГИЗ». Здесь издавались и книги, и любимые детворой журналы «Чиж» и «Ёж». Приходили в Дом Зингера получить работу и молодые литераторы – Даниил Хармс, Александр Введенский, Николай Олейников, Николай Заболоцкий, Евгений Шварц, Борис Житков, Леонид Пантелеев. Куда им было еще податься? В начале 30-х годов началась борьба с формализмом, все художественные объединения постепенно закрылись. Остался только Союз художников, декларировавший единственно правильный курс – социалистический реализм. Государственных заказов лишились тогда многие, в первую очередь те, кого клеймили как «формалистов». Вот почему в детскую книгу 30-х годов пришли прекрасные, яркие живописцы, поэты и писа-

Н. Тырса.
Обложка к книге
В. Каверина
«Осада дворца».
1926 год

Н. Лапшин,
Т. Шишмарева,
Г. Шуппе.
Ленинград.
1935 год

тели. «ДЕТГИЗ» оказался нишей, где они могли спрятаться до поры до времени, могли зарабатывать. В ленинградском издательстве царила творческая атмосфера. Талантливые, яркие художники и литераторы показывали друг другу работы, советовались. Вместе ходили в «Нормальную пивную» на канале Грибоедова. Ухаживали за девушками-редакторами. Николай Олейников писал шуточные посвящения... В первый раз издательство громили в 1931 году, это было первое «дело писателей» в стране.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Были арестованы и сосланы Хармс и Введенский. Мне довелось работать в архиве УФСБ на Литейном, 4 и держать в руках «Дело Введенского 1931 года». К нему прилагались детские книги, в которых следователь карандашом подчеркивал фразы, содержащие, по его мнению, крамолу. Увидеть «репрессированные» детские книги – это сильное впечатление.

В 1935 году закрыли журнал «Ёж». Чуть раньше, в 1934-м, в формализме обвинили Юрия Васнецова. В тот момент он как раз работал над литографиями к «Коньку-Горбунку». Дочь Васнецова, Елизавета Юрьевна, рассказывала мне, что Юрий Алексеевич тогда уже сделал предложение своей будущей жене Галине. И однажды ворвался к ней с криком: «Галя, не женимся!» А все потому, что накануне он подвергся так называемой «проработке». Ему даже велели зашлифовать камни, на которых уже были сделаны иллюстрации к «Коньку-Горбунку». От этих иллюстраций, названных формалистическими и вредными, все же кое-что осталось. Мы публикуем литографии, которые были сделаны в том году на тему «Конька-Горбунка». Уже после войны художник сделал четыре варианта рисунков к сказке Ершова. Но очевидно – они серьезно отличались от «репрессированных» иллюстраций 1934 года.

Позже Васнецов много раз подвергался давлению со стороны чиновников от искусства, но все равно сохранил свой стиль. В конце концов от художника отстали, посчитав, что Васнецов – не от мира сего.

Спустя три года после того, как Лебедев ушел из «ДЕТГИЗа», начало раскручиваться новое дело против сотрудников издательства. В 1936 году «Комсомолка» в статье от 15 февраля, оценивая творчество Владимира Лебедева, безапелляционно заявляла: «Мазня вместо рисунков. Формалистическим выкрутасам не место в детской книге». «О художниках-пачкунах» – это уже заголовок статьи в «Правде» от 1 марта того же года. Владимир Лебедев крайне болезненно переживал эти публикации. В 1937 году многие сотрудники «ДЕТГИЗа» были уволены и затем арестованы...

Лебедев становится все более замкнутым. Почти ни с кем не встречается. Исключение составляет только друг юности – боксер Князев. Владимир Васильевич ходит на ипподром, ходит в цирк, который любил с юности. С художниками не видится. Он и так-то всю жизнь ждал ареста, потому что в 1917–1918 годах нарисовал немало карикатур на большевиков... Но во время Великой Отечественной войны Лебедев как будто реабилитируется: с 1941 года работает в «Окнах ТАСС», рисует блестящие агитационные плакаты и даже игральные карты с карикатурами на Гитлера, Геринга и прочих фашистских бонз.

В послевоенное время и в 50-е годы Лебедев вновь иллюстрирует детские книги, но это уже совсем не то. И есть уже слащавость в мальчике Пете, который боится темноты. И перерисован «Мистер Твистер», натужно перерисован. Пузырятся складки на его заграничной одежде, нет остроты, нет декоративности. Скучно и предсказуемо. Никаких намеков на Малевича и авангард. Когда Лебедев готовил свою последнюю персональную выставку, то принес на нее только ранние книги. Он хорошо понимал, что его «сломали»...

В. Лебедев.
Обложка к книге
С. Маршак
«Мистер
Твистер».
1962 год

ХРАНИТЕЛИ ТРАДИЦИЙ

Новый творческий подъем ленинградское издательство «ДЕТГИЗ» (с 1963 года – «Детская литература». – Прим. авт.) переживает в 60-е годы. Именно в это время громко заявляют о себе братья Александр и Валерий Трауготы. Их родители – художники-формалисты. Мать, Вера Янова, при жизни вообще не выставляла свои работы. Фактически квартира Георгия Траугота и Веры Яновой стала в Ленинграде центром, где собирались «официально не признанные творцы». Трауготы дружили с учеником Ма-

левича Владимиром Стерлиговым и его супругой Татьяной Глебовой – ученицей Павла Филонова и подругой юности Хармса.

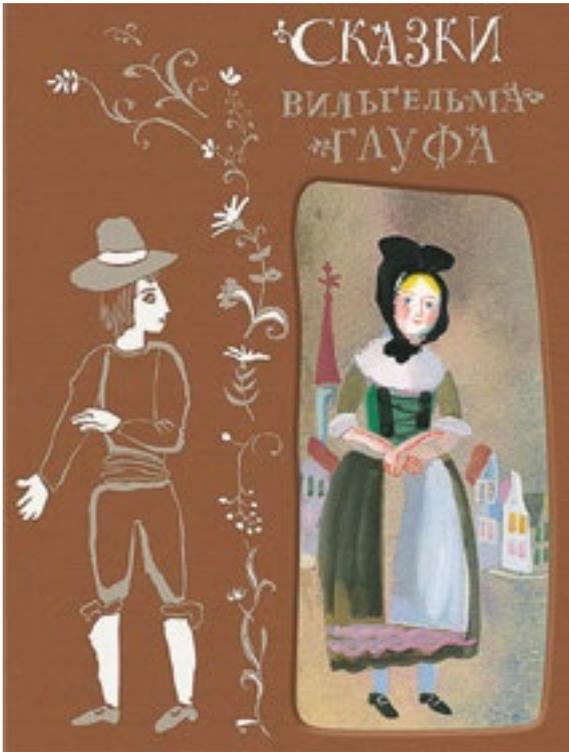
«В Ленинграде после войны еще можно было достать западные журналы, – рассказывал мне как-то покойный ныне Валерий Траугот. – Поэтому мы знали западное искусство, которое тогда у нас было запрещено. Залы импрессионистов в Эрмитаже тогда были закрыты. Так вот мы даже однажды устроили выставку Пикассо: просто в квартире одного из друзей развесили вырезанные из таких журналов репродукции». Валерий Траугот рассказывал, что в послевоенном Ленинграде лучше, чем в Москве, знали западное современное искусство. Объяснялось это просто: Ленинград – портовый город. Фарцовщики привозили не только вещи на продажу, но и литературу.

На книгах, проиллюстрированных братьями Траугот, выросло не одно поколение. Подписывали они их «Г. А. В. Траугот», ставя первой букву «Г», в память о покойном отце. Их акварели к сказкам Перро, Андерсена, Гауфа, Гофмана завораживают. Это французские мрачноватые замки, лакеи, придворные, шуты, карлики, прекрасные принцессы. Страшные людоеды и лемуры с красными глазами. Настоящие волшебные сказки. Трауготы иллюстрировали и Пушкина, и Ольгу Берггольц, и Булгако-

Братья
Александр
и Валерий
Трауготы.
Ленинград.
1960-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ва, но иллюстрации к детским книгам остаются вершиной их мастерства.

В ленинградском «ДЕТГИЗе» было множество прекрасных художников – и остроумный рисовальщик Михаил Майофис, и Светозар Остров с его яркими акварелями, и французистый Борис Власов – сын учеников Лебедева Шишмаревой и Власова, и Чарушин-младший. Но безусловными лидерами были Трауготы.

В 90-е все поменялось. Вернулись книги Чарской, которые издавались огромными тиражами. Появлялись и исчезали частные издательства, где не было ни литературных, ни художественных редакторов. Обычно владелец такого издательства требовал от художни-

Г. А. В. Траугот.
Обложка
к сказкам Гауфа.
2015 год

Г. А. В. Траугот.
Иллюстрации
к книге
Г. Черкашина
«Кукла»

РУССКИЙ МИР.RU / АВГУСТ / 2016

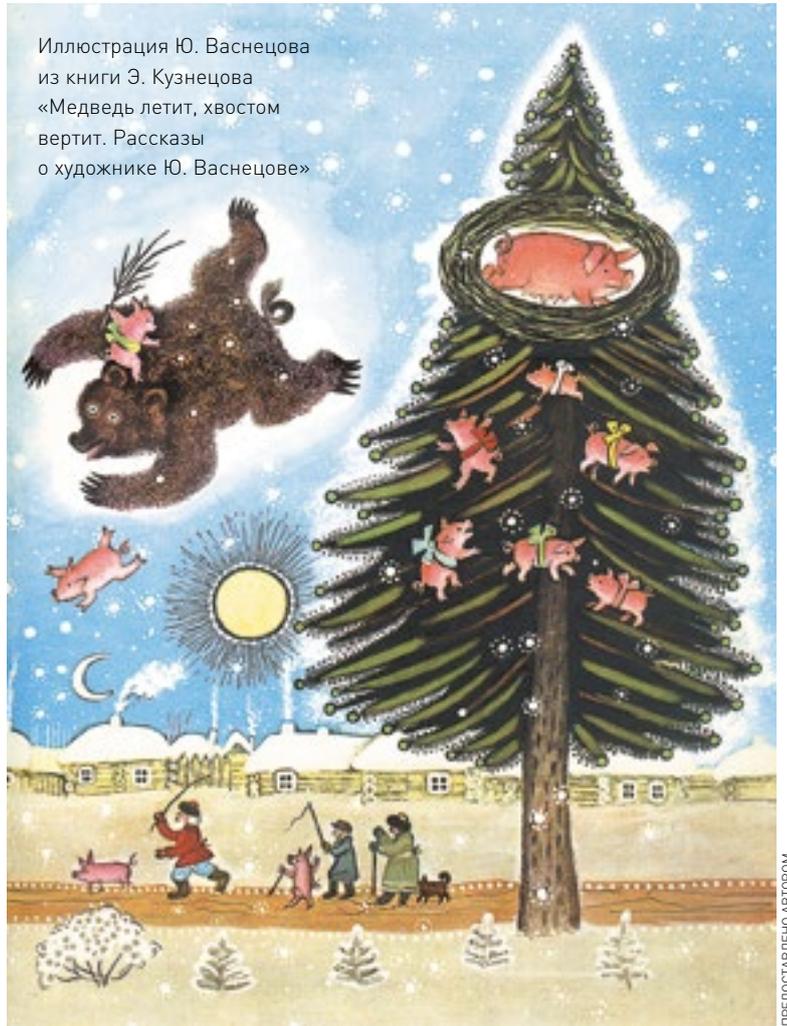

Иллюстрация Ю. Васнецова
из книги Э. Кузнецова
«Медведь летит, хвостом
вертит. Рассказы
о художнике Ю. Васнецове»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ка рисовать так, чтобы книга понравилась среднему покупателю. Миллионами стали выходить бестолковые «Книги принцесс» с золотыми буквами на обложке и с переливающимися иллюстрациями. Никакого представления о красоте белой бумаги, о роли шрифтов и книжных знаков. Чаще всего – и никакого представления о рисунке. Совсем гадкие картинки с животными. Новые Чарушины и Курдовы не появились на свет. Ведь для того, чтобы быть анималистом, нужно хорошо знать зверей. А кто их сейчас хорошо знает?

Сегодня выходят новые роскошные издания, пришли в профессию молодые интересные иллюстраторы, получающие заслуженные призы и награды. Но эти книги серьезно отличаются от тех, что издавались в знаменитом ленин-

градском «ДЕТГИЗе». Те, старые «детгизовские» книги и по сей день ценятся любителями книги во всем мире. Самыми востребованными, кстати, остаются книги с иллюстрациями Юрия Васнецова. Они по-прежнему издаются в Европе, США и Японии. В Стране восходящего солнца даже задумали поставить детский спектакль, действующими лицами которого являются васнецовские коты, петухи и медведи.

...После смерти младшего брата, Валерия, Александр Траугот продолжает работать один, подписывая проиллюстрированные им книги по-прежнему – «Г. А. В. Траугот». Сейчас это, пожалуй, единственный художник, сохранивший в своем творчестве принципы ленинградской школы книжной графики, того самого «ДЕТГИЗа» и той самой «Радуги» образца 1926 года. 📖

ОЧЕРЕДЬ ЗА ВДОХНОВЕНИЕМ

Мраморная работа корейского скульптора Ли Санг Хеона «Предложение» может служить одним из символов парка скульптур под открытым небом «Легенда»

Галерея современного искусства «АРТ Пенза» на берегу Чистых прудов и сама является частью скульптурных композиций парка

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ВОТ УЖЕ ДЕВЯТЫЙ ГОД ПОДРЯД ХУДОЖНИКИ И СКУЛЬПТОРЫ ВСЕГО МИРА ВЫСТРАИВАЮТСЯ В ОЧЕРЕДЬ ЗА ВДОХНОВЕНИЕМ НА ПРУДЫ ПОД ПЕНЗОЙ. ЧЕМ ТАК ПРИВЛЕКАЕТ ИХ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ В КРУПНЕЙШЕМ ПАРКЕ СКУЛЬПТУР ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ?

...РАННИМ УТРОМ на берегу озера Миглена Кондова любитесь восходом солнца. Увидев плотный туман над водой и деревьями, она вообразила, что это и есть знаменитые белые ночи. Директор парка скульптур под открытым небом «Легенда» Юрий Ткаченко уже не раз объяснял ей, что белые ночи можно наблюдать в Санкт-Петербурге, а вовсе не в Пензе. Но она все равно воображает, что любитесь чудом природы, и покидает берег только тогда, когда туман рассеивается. Миглена бредет по берегу и рассматривает скульптуры на газоне. Фавн с саксофоном, огромный комар, кентавр, нимфа под

Басу Ганеш и Миглена Кондова за творческой беседой

ивой... Утром они выглядят иначе, чем вечером или днем. Миглена очень хочет посмотреть, как выглядят скульптуры с противоположного берега озера, и зарисовать их. Добраться туда можно запросто – на лодке. Но ей интереснее обойти озеро по берегу, правда, одной отправляться в путь скучно, а никто из коллег-художников не хочет тратить время на долгую прогулку с романтической Мигленой. У Миглены есть несколько любимых скульптур, которыми она любитесь и называет их «ерундой». Кто-то ей сказал, что это слово по-русски означает восхищение. И хотя Юрий Ткаченко уже сто раз ей объяснял, что это не так, она все равно повторяет «ерунда»...

МАНСАРДА ХУДОЖНИКОВ

Но художнице уже пора спешить к своему холсту в мансарде на четвертом этаже отеля, где проходит симпозиум скульпторов и художников, руководит которым Юрий Ткаченко. Миглена складывает у своего рабочего места подобранные на берегу куски угля, оставшиеся от чьего-то пикника, пробки, проволоки, а на видное место водружает черное воронье перо. Почему-то она считает, что вороны в России не такие, как в Париже, где она часто бывает, и как в Софии, где она живет. Все эти «находки» пополняют собранную ею коллекцию разных предметов, которые пригодятся для создания новых картин. Коллеги не смеются над собиратель-

ством Миглены. Всем, даже горничным отеля и лодочникам на пляже, известно, зачем она каждое утро сидит на берегу озера. Дело в том, что Миглена верит в... русалок. Они – главная тема ее картин. Русалки в общем-то и дали ей возможность получить приглашение на этот симпозиум, тема которого – «Сказка». Ведь в заявке она указала, что будет рисовать сказочных обитателей озера и рыбаков.

В мансарде Миглену встречает индийский коллега Басу Ганеш, который с утра тоже успел прогуляться. На другом конце огромного парка скульптур есть место, которое местные называют «Источник силы». Здесь с 150-метровой глубины через артезианскую скважину на волю вырывается вода, превращаясь в прекрасный «стеклянный» шар. Чище и слаще этой воды Ганеш никогда в жизни не встречал. Его дорога на симпозиум была долгой, он очень устал, но после первого посещения «Источника силы», куда его привел Юрий Ткаченко, ходит сюда каждое утро заряжаться энергией для работы у холста. Миглена и Ганеш любят утром пораньше подняться в мансарду и посмотреть, что вчера успели сде-

Участники Международного живописного и скульптурного фестиваля окрестили Юрия Ткаченко «папой»

лать их коллеги. Больше других их интересуют работы Шиммина Кацу – китайского художника, живущего в Японии. Он работает строго по расписанию, тихо, ни с кем не разговаривает, кроме своего друга из Бирмы Мон Тета. У Шиммина самое большое количество кистей, клей он разводит сам, бумагой пользуется своей. Ганеш, который встречал Шиммина на других симпозиумах, рассказал Миглене по секрету, что таинственный Шим-

мин только кажется простым. У него своя галерея, своя фабрика по производству рисовой бумаги. Он единственный нарисовал портрет красавицы-переводчицы Марины, которая их встречала в аэропорту. Правда, японского и китайского она не знает, так что его усилия пропали даром... Но он не растерялся и стал общаться языком искусства. Когда Шиммину нужно что-то, он рисует сюжет на бумаге и показывает. Пожалуй, эти наброски так же интерес-

Горы родного Китая – один из главных предметов изображения для Шиммина Кацу

ны, как тигры и горы, которые Шиммин рисует в традиционной китайской манере в черно-белой гамме. Они вызывают всеобщее восхищение. За месяц Шиммин написал уже 16 работ!

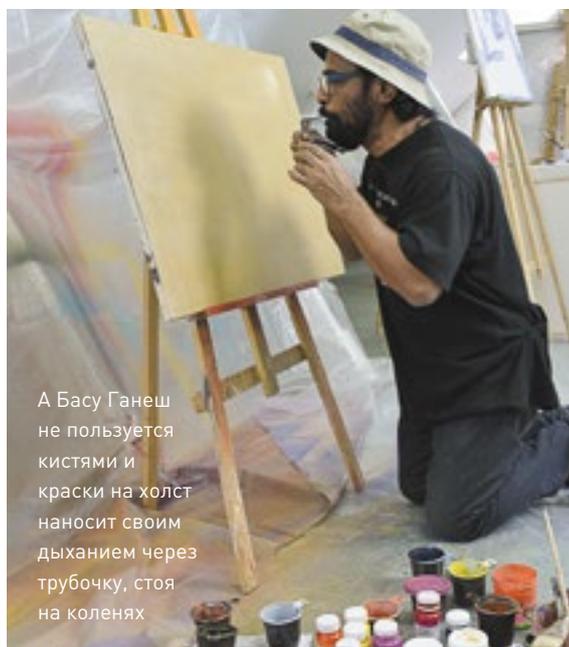
Миглене нравится наблюдать за коллегами, ведь все художники работают по-разному. Например, ее друг Ганеш распыляет краску через трубочку, в которую дует. Это вызывает большой интерес у детей из Пензы, которые приезжают сюда посмотреть на мастеров. А еще в группе был художник из Голландии, который краски пяткой по холсту размазывал. Для эффекта, конечно.

Меньше всего работ по сравнению с другими художниками написал друг Шиммина Мон Тет. Это из-за того, считает Миглена, что он подарил свою шикарную большую белую шляпу переводчице Марине. А ведь это был его амулет! Расставшись со шляпой, он сразу же стал болеть и упустил время... Между собой художники зовут Мон Тета Лимонном, а все потому, что он очень любит лакомиться лимонами. Участника симпозиума Дмитрия Жарова Миглена считает таким же романтичным человеком, как и она сама. Болгарка,

У каждого художника свой оригинальный стиль работы. Миглена Кондова любит творить босиком, сидя на полу

ка, которая участвует уже в третьем симпозиуме, учится у него сдержанности и вдумчивости. Но и у Дмитрия есть своя отличительная черта: он одевается в те цвета, которые использует, рисуя картины. Прием, которым пользовались на предыдущих симпозиумах российская художница Наталья Шалина и украинская Нина Мурашкина. Этот симпозиум отличается от предыдущих тем, что творцы приезжают в три заезда, тремя

группами. Так что длится он три месяца. В своей группе Миглена единственная из всех художников-иностранцев говорит по-русски и служит для коллег связующим звеном. Болгарка старается быть коллегам настоящим другом, показывает окрестности озера, дает советы, подсказывает, как вести себя в тех или иных ситуациях. Она очень сожалеет, что в этом году не встретила на симпозиуме со своей подругой Натальей Шалиной из Санкт-Петербурга. Оказывается, петербурженка не смогла пройти последний конкурсный отбор. «Да неужто я пишу лучше, чем Наташа?» – этим вопросом Миглена донимала организатора симпозиума Юрия Ткаченко. Тот только разводил руками: жюри так решило. У него у самого сын – художник, который подает каждый год заявки на этот симпозиум и не может попасть. И это притом, что среди жюри правом решающего голоса обладает сам Юрий Ткаченко. Не помогает молодому художнику даже то, что директором художественной галереи парка является его родная мать. Не спасают ни личное знакомство с президентом симпозиума Константином Волковым,

А Басу Ганеш не пользуется кистями и краски на холст наносит своим дыханием через трубочку, стоя на коленях

ни прекрасная скульптурная группа – стадо жирафов, – выставленная в парке.

О строгости жюри ежегодного международного симпозиума скульпторов и художников (в этом году он называется «Международный живописный и скульптурный фестиваль»), который проходит рядом с Пензой, на Чистых прудах, слава идет по всему миру. По условиям симпозиума, скульпторы должны изготовить две работы. А художники – написать 15 картин. За один месяц! Несмотря на такие жесткие условия, заявок на участие в пензенском симпозиуме со всего мира присылается более тысячи! А выбрать надо человек двадцать. В жюри помимо его постоянных членов – президента симпозиума Константина Волкова, директора парка скульптур под открытым небом Юрия Ткаченко и других экспертов – приглашаются еще четыре человека, как говорится, «с улицы». Денег им за работу в жюри не платят. За несколько дней эксперты должны выбрать участников по представленным эскизам. А по итогам симпозиума парк скульптур и картинная галерея должны пополниться работами мастеров.

Выбранным счастливицам оплачивается проезд, проживание, выплачивается стипендия. Худож-

Жирафы
из стали
Глеба Ткаченко

Японский
сад камней
под Пензой
обещает стать
одним из
крупнейших
в мире

никам предоставляются краски, холсты, кисти, скульпторам – блоки мрамора, гранита, дерева, металл, инструменты для обработки, помощь сварщиков и рабочих. Только твори! Однако 15 картин за один месяц – это уже не творчество, а каторга какая-то! «Неслучайно российские художники редко принимают участие в симпозиуме, – говорит Юрий Ткаченко. – Не умеют быстро работать. Да, видимо, и родные пейзажи им приелись».

Ведь главное, что позволяет заграничным гостям симпозиума справиться в короткий срок с большими творческими задачами – это вдохновение. Его дарит художникам уникальный

парк скульптур под открытым небом, располагающийся вдоль прудов, которые здесь называют Чистыми. Уникальное сочетание прекрасного русского пейзажа с огромным количеством изваяний из мрамора, гранита, металла и дерева производит сильное впечатление на иностранных профессионалов кисти и резца.

Подобные симпозиумы проводятся во всем мире уже около полувека и служат для развития и популяризации изобразительного искусства. Сам Юрий Ткаченко недавно получил приглашение на аналогичный симпозиум в Иране. Но не поехал. Потому что у него тут собственный симпозиум. И парк скульптур.

ЗДЕСЬ БУДЕТ ПАРК

«Левее, левее... стой!» – кричит вооружившийся биноклем Юрий Ткаченко.

Художники в мансарде не обращают внимания на крики директора, которого между собой называют «папой». Они знают, что таким образом Юрий руководит действиями бульдозериста, который разравнивает площадку для установки очередной скульптуры.

Через окно мансарды видно все, что происходит в парке скульптур, который тянется до горизонта. Впечатление такое, словно с гигантского Эрмитажа или Лувра сняли крышу...

Первая площадка парка называется «Мифы и легенды». Вторая – «Сновидения». Третья – «Нереальные фантазии». Эти фантазии из окна мансарды в бинокль не разглядишь... Лучший обзор парка открывается, конечно, с вертолета, который используется, когда надо внести коррективы в расположение скульптур.

Юрий сетует, что в России об этом парке скульптур, входящем в число крупнейших в Европе, знают меньше, чем за границей. Бывают даже анекдотичные случаи. Жители Пензы узнают о нем от побывавших на симпозиуме художников, с которыми встречаются за рубежом. Вот недавно, к примеру, пришла в парк одна

пензенская семья, побывавшая в туристической поездке в Германии, где познакомилась с немецким художником.

...Доцент Пензенского государственного университета архитектуры и строительства Юрий Ткаченко как скульптор побывал на многих международных симпозиумах. К предложению Константина Волкова организовать такой же форум под Пензой отнесся с любопытством. Первый симпозиум, в 2008 году, темой которого стала «Семья», запомнился осенним холодом и слякотью. Работы того симпозиума легко отличить, потому что мрамора тогда не было, только металл, дерево и привезенный из Крыма известняк.

Иногда наблюдение за парком скульптур ведет в бинокль супруга Юрия Ткаченко Валентина Дусавицкая

Хотя вход в галерею с сокровищами современного искусства охраняет железный лучник, но обогатиться впечатлениями в ней может каждый желающий

Первые металлические скульптуры варили под бетонными плитами второго этажа строящегося отеля. Рабочие, возводящие гостиничный комплекс, на иностранцев смотрели как на ненормальных. Чудные какие-то... В семь утра работают, в восемь вечера работают. Да еще ночью просят установить свет... Без конца колотят молотками. А еще российский чернозем и отсутствие дорожек в парке... Юрий настоятельно советовал иностранцам ходить только по насыпанному гравию. А они в ответ кричали: «Терра, терра». Дескать, только по земле пойдем. Пришлось некоторых из грязи едва ли не за руки вытаскивать, ведь на месте парка болото было... Юрий и сам сомневался, что из симпозиума под Пензой что-то получится, но когда осмотрели первые работы, согласился с предложением Волкова насчет продолжения. Для второго симпозиума уже закупался мрамор и гранит.

Скульпторы работали не только резцом и зубилами, но и огнеметами, для которых требовались цистерны бензина. Их вооружали пилами, компрессорами, углошлифовальными и полировальными машинками, наборами алмазных дисков. Мраморная пыль укрывала березы словно снег. И уже было ясно, что на берегу Чистых прудов под Пензой вырастает парк скульптур под открытым небом, для которого нужно создавать особый ландшафт. Первые деревья посадили, кстати, сами художники. А Юрий и его супруга Валентина решили расстаться с предыдущим местом работы в вузе и выбрали парк.

...Юрий показывает нам парк на закате. Длинные тени от скульптур ложатся на траву. По сторонам дорожек и тропок прячутся диковинные звери из мрамора и фигуры из железа. Юрий знает историю создания каждой скульптуры, количество которых приближается к тремстам. Художники из 150 стран трудились над ними!

Вот мраморные скульптуры Даги Франко из Австралии. Когда стали завозить мраморные блоки, то он отказывался верить, что этот мрамор из России, а не из Каррары. Скульптор Каборе Мусса из Буркина-Фасо решил сам отлить свою работу по технологии XVI века. Требовал слоновий навоз, правда, в итоге согласился на конский. Для модели ему потребовался настоящий пчелиный воск. Скульптуру он собирался отливать из бронзы, и Ткаченко пришлось скупать на блошиных рынках Пензы старые бронзовые ручки и подсвечники... А куда денешься? По условиям симпозиума, организаторы должны предоставить художнику все требуемые материалы! А вот движущиеся камни французского скульптора Франсуа Вейля. На них любят кататься дети. А вот – лицо на фоне мраморной ладони. Это – «Прятки». Кусты закрывают «Прятки», и Юрию это не нравится. Надо будет ей подыскать новое место. Парк видится Юрию организмом, в котором нельзя ничего тронуть – ни кустика, ни деревца. Но и скульптуры как бы связаны невидимыми нитями так, что чуть подвинешь одну – и все изменится. Исклю-

Движущиеся камни французского скульптора Франсуа Вейля оживают от первого прикосновения

К «Источнику силы» художники со всего мира прикасаются руками, чтобы получить творческую энергию

чение он делает лишь для птиц. Ласточки и стрижи иногда вьют гнезда в скульптурах, что нравятся и ему, и гостям парка. Вот недавно птицы облюбовали работу американского скульптора Жона Барлоу Хадсона под названием «Атом». Она-то, по словам Юрия, сразу встала на свое место, что случается не всегда. Иногда скульптурам приходится долго искать свой уголок. Для них насыпаются холмы, создаются низины, рассаживаются подсолнечники и пирамидальные тополя. Гордость парка – работы скульптора из Японии Сатору Такады «Сизиф» и «Летающий человек». Такада – поклонник Владимира Татлина, родоначальника конструктивизма, который учился когда-то в пензенском художе-

ственном училище. Такада даже изваял портрет своего учителя из бронзы и нержавеющей стали. Вместе с Шимомуро Хидео Такада создает в парке традиционный японский сад камней. Правда, необходимую для его обрамления сакуру заменяет русская яблоня.

А вот и «Источник силы», куда любит приходиться Басу Ганеш. Над струей воды, выбивающейся из скважины, стоит красивая железная беседка. От нее тянется мостик почти до середины пруда, по зеркальной глади которого скользят лебеди. Художники, работающие на симпозиуме, любят сюда приходиться, чтобы почерпнуть вдохновение. Кажется, парк создан для того, чтобы в нем хорошо искали сюжеты, развивались художественные мысли, подбирались сочетания красок.

Приглашать живописцев стали с третьего по счету симпозиума. Построили для хранения работ трехэтажную галерею, окна которой выходят на озеро. Сейчас это хранилище картин, в котором самому старому полотну не более шести лет, считается одним из центров мирового современного искусства в России...

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

Юрию Ткаченко принимать художников гораздо проще и легче, чем шумных и постоянно чего-то требующих скульпторов. Хотя и с художниками бывают сюрпризы. Вот, к примеру, Шиммин Кацу приехал в Пензу с симпозиума на Филиппинах. Ему нужно было пополнить запасы муки определенного сорта и квасцов для приготовления клея. И где их искать? Кацу раствор несколько дней настаивал, двадцать раз процедил. У него даже кисти –

произведения искусства. Для мокрого клея одни, для отжимающих пузырьков другие.

А рядом с Кацу работал художник, который рисовал только автомобильными эмалями. А та же Миглена отказывалась от акрила и требовала только масляные краски. Или вот был художник из Словении Лойзе Калинчек, который наклеил на полотно чернотом с берега озера. Портреты горничных и официанток из отеля, в котором живут участники симпозиума, он изобразил именно на нем. Чего

Обыкновенный кирпич самый лучший фон для демонстрации работ художников – так считает Юрий Ткаченко

только не видел Юрий Ткаченко, но с такой техникой никогда не сталкивался.

Ну а давать оценки художникам даже после окончания картины он зарекся после одного случая. Художник из Грузии Торнике Абуладзе показался Юрию легкомысленным. Он наштамповал на полотне с помощью трафарета несколько одинаковых женских лиц. Когда Юрий увидел это, только головой покачал: ошиблись, пригласив его. Женщины на картине, отличающиеся только прическами и одеждой, группировались вокруг лица в центре. Художник назвал картину «Бабушка и внуки». В галерее полотно увидел чиновник из ЕС, представлявший Федерацию по триатлону, этап европейского Кубка которого проводился в Пензе. Седой пожилой мужчина долго плакал перед картиной и умолял продать ее за любые деньги. Но работы участников симпозиума не продаются. Тогда для того, чтобы снова увидеть эту картину, чиновник добился проведения Кубка триатлона в Пензе и в следующем году...

Когда после экскурсии по парку и картинной галерее мы возвращаемся в мансарду, у Миглены Кондовой уже созрела идея, как ей попасть на симпозиум в четвертый раз. Она так влюблена в эти места, что готова приехать в качестве скульптора. Хотя никакого опыта в скульптуре у нее нет. Зато она решила в качестве ассистента привезти с собой мужа – известного болгарского скульптора. Юрий Ткаченко снова качает головой и говорит, что у этого плана практически нет шансов на реализацию. Он вздыхает и подходит к своему рабочему месту, где стоит неоконченная работа – голова известного мультипликатора Хаяо Миядзаки, которую он намерен выставить для участия в конкурсе в Японии. Это здесь он для художников – хозяин, а на других симпозиумах, где со многими из них опять встретится, Ткаченко для них станет самым обыкновенным коллегой...

И многие художники мира, участвующие в фестивалях (симпозиумах) под Пензой, рады, что их произведения хранятся и открыты для просмотра именно на голых кирпичных стенах

РЫБАК БЕГУНА ВИДИТ ИЗДАЛЕКА

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЕВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

КАК НИ СТРАННО, НО ЗАЧАСТУЮ ИМЕННО БРЕДОВЫЕ ИДЕИ ДВИЖУТ МИРОМ. САМЫЕ СМЕЛЫЕ И ПРОГРЕССИВНЫЕ РАЗРАБОТКИ ПОРОЙ ОБЯЗАНЫ СВОИМ РОЖДЕНИЕМ СМЕЛЬЧАКАМ, НЕ ПОБОЯВШИМСЯ ПОКАЗАТЬСЯ СМЕШНЫМИ. ИДЕЯ РЯЗАНЦА ДМИТРИЯ БЕЛЯЕВА ПОНАЧАЛУ КАЗАЛАСЬ АБСОЛЮТНОЙ НЕЛЕПОСТЬЮ ДАЖЕ ДРУЗЬЯМ, КОТОРЫЕ ПРИВЫКЛИ К ЕГО НЕОРДИНАРНЫМ ФАНТАЗИЯМ. ОДНАКО ДМИТРИЙ ОТ ЗАДУМКИ НЕ ОТСТУПИЛСЯ, И БЛАГОДАРЯ ЕГО УВЛЕЧЕННОСТИ И НАСТОЙЧИВОСТИ НА СВЕТ ПОЯВИЛСЯ НОВЫЙ ВИД СПОРТА – РЫБАТЛОН.

ДМИТРИЙ БЕЛЯЕВ ИЗВЕСТЕН В РЯЗАНИ КАК «КАВЭЭНЩИК», ВЕДУЩИЙ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ. ТЕ, КТО ЗНАКОМ С НИМ ПОБЛИЖЕ, ЗНАЮТ, ЧТО ДМИТРИЙ ЕЩЕ И СТРАСТНЫЙ БОЛЕЛЬЩИК БИАТЛОНА. ДА ВОТ БЕДА – В РЯЗАНИ БИАТЛОН НЕ РАЗВИТ, И У ПОКЛОННИКОВ ЭТОГО ВИДА СПОРТА ПРАКТИЧЕСКИ НЕТ ШАНСОВ ПОБОЛЕТЬ ЗА ЗЕМЛЯКОВ. «Как-то смотрели с друзьями соревнования по биатлону,

и Дмитрий стал увлеченно рассказывать о своей задумке – совместить биатлон с рыбалкой, – рассказывает супруга автора рыбатлонной идеи Ольга. – Конечно, тогда это казалось абсурдом». «Идея появилась абсолютно спонтанно, но мне она показалась очень интересной, – делится Дмитрий Беляев. – Конечно, большинство из тех, кому я рассказывал про рыбатлон, смеялись, некоторые кру-

тили пальцем у виска. Когда я стал говорить о проведении соревнований, в успех этого предприятия, думаю, не верил никто. Но друзья согласились поддержать». С помощью друзей и соцсетей удалось набрать достаточное число «сочувствующих» – ведь у Беляева, благодаря его коммуникабельности и роду деятельности, знакомых немало. И вот 28 мая 2011 года удалось провести первый этап рыбатлона.

Надо сказать, что к вопросу «запуска» рыбатлона его разработчик подошел весьма основательно. Прежде чем выпустить свое детище в свет, Дмитрий Беляев разработал положение, согласовал его в разных инстанциях, в том числе и в городской администрации, нашел спонсоров, заручился поддержкой СМИ. Тогда же был создан логотип рыбатлона, а главный девиз новорожденного спорта появился как-то сам собой: «Поймал – беги!» И вот через три месяца непростой подготовительной работы состоялась премьера нового вида спорта.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО РОССИИ

На первом этапе было всего около 30 участников. Сегодня на соревнования по рыбатлону собирается от 60 до 100 участников плюс многочисленные зрители. Кстати, слух о необычном увлечении рязанских рыбаков-бегунов прокатился по всей России, и теперь испытать свои силы на Рязанщину приезжают гости из разных уголков

нашей страны. Москва и города Московской области, Воронеж, Тамбов, Челябинск, Сахалин, Новосибирск... География рыбатлона ширится с каждым годом. Но сегодня все собираются в «рыбатлонной столице»: всерьез выйти за пределы Рязани необычный спорт только собирается. Пока рыбатлонисты появились лишь в Удмуртии – там по согласованию с автором

Для Дмитрия Беляева рыбатлон – его любимое детище, которым он будет заниматься, даже если никто не станет поддерживать. Но пока единомышленников становится все больше

рыбатлона уже несколько раз проводились состязания.

«Давно есть желающие организовать соревнования в других городах. К примеру, ведем переговоры с тульскими единомышленниками, но они не решаются провести соревнования – боятся, что народ не соберется, – говорит Дмитрий Беляев. – В России люди насто- рожено относятся ко всем новшествам, с трудом откликаются на свежие идеи. Думаю, если бы рыбатлон родился где-то на Западе, у него уже было бы много больше поклонников. Там люди даже коровьями лепешками кидаются с увлечением». И все-таки, несмотря на инертность и консервативность россиян, популярность необычной рыбной ловли растет, и это уже можно считать большим успехом.

В августе соревнования пройдут в Луховицах Московской области и в районном центре Шилово Рязанского края – первый выезд за границу Рязани станет еще одним шагом в развитии рыбатлона.

ГУМАННО И БЮДЖЕТНО

Правила нового вида спорта достаточно просты: рыбатлонисту любого возраста и пола надо пробежать с удочкой в руках три круга по полтора километра и поймать две рыбы. Размер и вид добычи значения не имеют – зачетными становятся и большие рыбины, и даже крохотные мальки. Самым внушительным уловом в истории рыбатлона стал, пожалуй, килограммовый карп, выловленный в озере Синец. Кстати, рыбатлон вполне гуманный вид спорта, ведь всех пойманных потом отпускают назад, в водоем, судьи фиксируют факт поимки, и рыба снова отправляется в свободное плавание.

В новом виде спорта важны и хорошая физическая форма, и ловкость, ну, и благосклонность фортуны не помешает. Опыт рыбатлонных соревнований показывает, что совсем не обязательно победителем становится тот, кто быстрее всех бежит, ведь самое важное, чтобы рыба вовремя клюнула. Здесь, конечно, пригождается рыболовный опыт. Если же за два часа так и не удастся поймать ни одного трофея, участник соревнований отправляется на штрафные круги – все почти как в прототипе. По аналогии с биатлоном именуется и место ловли: биатло-

Вокруг водоема для каждого рыбатлониста найдется удобное место

нисты приходят на стрельбище, рыбатлонисты – на рыбнище... А вообще, рыбатлон полностью переворачивает представление о рыбалке как о сонно-ленивом времяпрепровождении. «Хотелось развенчать устоявшийся стереотип, что рыбалка, как правило, неразрывно связана с употреблением алкоголя, – объясняет Дмитрий Беляев. – В наших головах сложилось представление, что рыбак – это человек с удочкой и с бутылочкой. Мы же доказываем, что рыбаки не чужды здорового образа жизни. Чтобы пробежать дистанцию, рыболов должен быть в неплохой физической форме». Увлечение новым видом спорта не влечет за собой никаких до-

полнительных затрат, ведь здесь от участников не требуется какого-либо навороченного инвентаря, каждый может ловить рыбу на любимую удочку. А участие в соревнованиях абсолютно бесплатное.

РЫБОЛОВЫ ИЛИ ЛЕГКОАТЛЕТЫ?

Поначалу автор рыбатлона хотел зарегистрировать свою задумку как новый вид спорта. В федеральном министерстве, куда отправился Дмитрий, встретили и посоветовали примкнуть «подвигом» к рыболовному спорту. Однако все оказалось не так-то просто, ведь у рыболовного спорта главная цель – улов, а в рыбатло-

В этом году погода испытывает спортсменов на прочность: то дождь, то ветер, то зной. На третьем этапе около десяти участников сошло с дистанции, не выдержав жары, но чемпионы все преодолели

С флагом и удочкой бежать оказалось тяжело...
 И хотя юный рыватлонист пришел к финишу последним, усердного бегуна все равно не оставили без награды

не размер и вес добычи ничего не значат. Получается, что логичнее причислить рыватлон к легкой атлетике...

Был еще один вариант получить спортивный статус – зарегистрировать рыватлон как национальный спорт. Но для этого нужно историческое подтверждение. Увы, ни в летописях, ни в берестяных грамотах не нашлось упоминания, что рязанцы бегали с пойманной рыбой... Пришлось отказаться от идеи стать легальным видом спорта, по крайней мере, до поры до времени.

Зато «отец рыватлона» решил закрепить свои авторские права на его создание. Собрал все необходимые документы, отправил в Роспатент. Полтора года ушло на проверки, и вот наконец подтвердилось, что нигде ничего подобного не существует. Теперь на гербовой бумаге закреплено авторское право рязанца на изобретение рыватлона, а также на его девиз и логотип.

Несмотря на то, что сегодня рыватлон занимает огромную часть времени Дмитрия Беляева, все-таки это не основное занятие, а хобби. «Это мое дитя, которым я буду заниматься, даже если все будет плохо, если никто не будет меня поддерживать», – улыбается Дмитрий.

После того как судьи зафиксируют улов, рыба возвращается в водоем

**РЫБАК + ЛЫЖНИК =
ЗИМНИЙ РЫБАТЛОН**

Помимо летнего рыбатлона в Рязани развивают и зимнюю разновидность этого спорта. Правда, здесь соревнования командные – один ловит, другой бежит. Рыбаки стартуют с бурами и преодолевают несколько метров до рыбнища. Выудив из лунки рыбу, бегут к другому участнику команды, лыжнику, и передают ему эстафету. Лыжник пробегает 2 километра и снова передает эстафету рыболову. Всего надо поймать две рыбы, а лыжнику пробежать два круга. Зимой проводятся только два этапа соревнований – на замерзшее озеро рыбатлонисты выходят в январе и феврале, когда в прочности льда нет никаких сомнений.

Летом и осенью проходит пять этапов поплавочных соревнований и один спиннинговый рыбатлонный чемпионат. Из поклонников «беговой рыбалки» уже сформировался костяк постоянных участников, которых не пугают ни сложности этапов, ни капризы погоды. «Сегодня среди рыбатлонистов можно насчитать не менее 10–15 человек, которые начинали в 2011 году и до сегодняшнего дня участвуют в соревнованиях. – Дмитрий Беляев хорошо знает всех своих единомышленников. – Есть и постоянный костяк – человек 30–40, и я абсолютно уверен, какая бы ни была погода – дождь, снег, град, тайфун, – эти люди все равно придут на соревнования. А помимо преданных рыбатлонистов на каждом этапе появляются 10–15 новичков, желающих попробовать свои силы в необычном виде спорта. При хорошей погоде каждый этап собирает не менее сотни участников».

ШЕСТИЛЕТКА РЫБАТЛОНА

Для многих рыбатлон стал своего рода клубом, который объединяет людей по их интересам. Причем участники этого клуба совершенно разные и по возрасту, и по социально-

В этом году в рыбатлоне впервые принял участие иностранец – гость из Антверпена, увы, ничего не поймал, но это не испортило 15-летнему бельгийцу впечатления от соревнований

му статусу, и по уровню физической подготовки... Как говорится, в рыбатлоне все равны. В соревнованиях может принимать участие любой желающий в возрасте от 8 до 74 лет. Женщины и мужчины стартуют вместе, а вот награждаются отдельно. Предусмотрены некоторые возрастные бонусы. Например, участники моложе 12 лет и старше 50 автоматически получают плюсом пять баллов в таблицу общего зачета.

В конце каждого этапа победители взбираются на пьедестал – классический, трехместный. Однако это не значит, что награжденных всего трое – число призеров может доходить до двух десятков, к счастью, спонсоры находятся, и удачливых спортсменов помимо радости от победы ждут еще и щедрые подарки. Так что борьба на протяжении всего соревнования идет напряженная.

В этом году в двух первых этапах шестого сезона лидер остался неизменным – Олег Тинин дважды смог поймать рыбу и прибежать быстрее всех. Надо сказать, что двукратное чемпионство в рыбатлоне – это огромная редкость, все-таки успех здесь зависит от целого комплекса факторов. Впрочем, большинство рыбатлонистов говорят, что для них награды – далеко не главное. «Мне очень нравится этот спорт, – говорит Сергей Пятков, ставший на втором и третьем этапах рыбатлона 2016 года бронзовым призером. – Очень увлекательный процесс, а кроме того, и для здоровья полезно – хочешь не хочешь, а надо поддерживать

Семья Гришиных – папа и 10-летний сын – приехала на соревнования из села Ерцево Архангельской области

ЦЕРКВИ НА КРЫШАХ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

КОНСТАНТИНОПОЛЬ ВСЕГДА БЫЛ МЕСТОМ ПРИТЯЖЕНИЯ ДЛЯ РУССКИХ ПАЛОМНИКОВ. ВО ВРЕМЕНА ВИЗАНТИИ – КАК СВЯЩЕННЫЙ ЦАРЬГРАД, ПРИ ОСМАНАХ – КАК ПЕРЕВАЛОЧНЫЙ ПУНКТ ПО ДОРОГЕ В ИЕРУСАЛИМ ИЛИ НА АФОН.

В О ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века поток паломников стал так велик, что в Константинополе один за другим начали вырастать многоэтажные странноприимные дома для русских богомольцев. На последних этажах этих зданий строились церкви, и вот над крышами старого города заблестели купола, увенчанные крестами. В начале XX века семь самых крупных таких домов оставались подворьями русских монашеских общин на Афоне. Три из них существуют и поныне. В подворье Андреевского скита приходская жизнь не прекращалась никогда, потомки старой русской эмиграции приходят сюда и сегодня.

В «НЕСТЕРОВСКОМ» СТИЛЕ

Подворья ютятся в старом портовом квартале Каракёй. В позапрошлом веке эти каменные дома выглядели суперсовременно в этом районе, застроенном деревянными строениями. Теперь они как последние могилки, теснимые современными зданиями из стекла и бетона. Андреевская церковь находится на крыше пятиэтажного дома, ее небольшой купол трудно заметить даже с близлежащих улиц. В воскресный день перед литургией тяжелые двери дома едва приоткрыты. Я поднимался по старой темной лестнице с литыми чугунными перила-

ми в абсолютной тишине и одиночестве. Только на последнем этаже убедился, что не ошибся адресом. Над перилами нависла звонница: один большой колокол и два малых. Здесь же на стене запечатлен Андреевский скит на Афоне. Скит – скромно сказано. В конце XIX века благодаря русским монахам, паломникам и благотворителям скит превратился в крупный монастырь с четырнадцатью храмами и братией в пятьсот человек. В храме было тихо и сумрачно. Дух эмигрантской России здесь чувствуется сразу: небольшие старинные иконы, очень низ-

кие своды, росписи в «нестеровском» стиле, потемневшие от времени и копоти свечей...

Староста прихода Василиса Денисенко рассказала, что настенные росписи и иконостас – творение известного художника русского зарубежья Николая Константиновича Перова. В Турции Перов прославился тем, что не только расписывал храмы, но и создавал декорации для театров Стамбула и Анкары. Самоотверженным старостой Андреевской церкви Николай Перов был до последнего вздоха: умер в возрасте 80 лет от разрыва сердца, когда помогал тушить пожар в доме.

...На службу пришло всего пять прихожан. Настоятель прихода – греческий священник отец Панарет – попросил меня помочь в алтаре, потому как других мужчин в храме не оказалось. Настоятель надел на меня черную рясу, и я первый раз в жизни взялся исполнять роль дьякона за литургией. Отец Панарет хорошо говорит по-русски – не так давно он окончил курс в Московской духовной академии. И все же понимать друг друга нам было нелегко. Особенно удивляло настоятеля мое неумение в обращении с кадиллом: «Что это за православный, который не знает, как разжечь и

Андреевская церковь, освящена в 1873 году

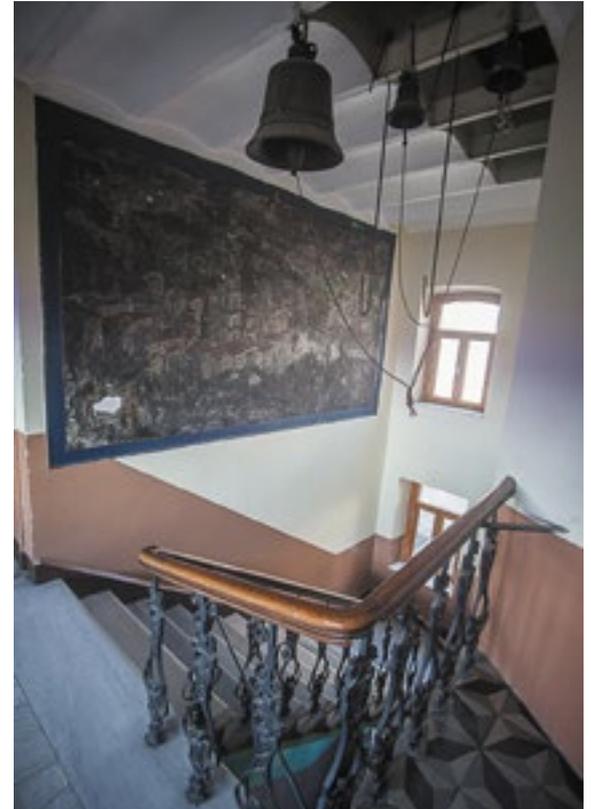
Улица Мумхане, на которой стоит подворье Андреевского скита

взять кадило?» – явно сквозило в его взгляде. И как-то косо смотрел Панарет на мои неуклюжие блуждания со свечой и кадилом во время Великого Входа. Я же после службы облегченно перевел дух: хорошо, что худо-бедно справился и ни разу не упал – моя ряса ведь была огромного размера...

РУССКИЙ КАРС

После службы прихожане собрались в трапезной – попить чай с турецкими пирожками бёреками, поговорить...

Василиса Денисенко родом из Карса – крупного города на востоке Турции. В 1878 году, после очередной русско-турецкой войны, город с окрестностями вошел

Последние десятилетия звон колоколов здесь раздаётся только на Пасху

в состав Российской империи. Сорок лет Карсская область заселялась выходцами из разных регионов страны, сюда же были переселены большие общины христиан-молочан. В 1918 году большевики, по условиям Брест-Литовского мирного договора, передали Карсскую область Османской империи. Окончательно турки заняли Карс двумя годами позже. Христианское население бежало в Советский Союз и в Европу, но несколько тысяч русских так и остались в Турции на обжитом месте.

«Мой прадед, подпоручик царской армии, умер в тот день, когда турецкие солдаты вошли в Карс, – рассказывает Василиса Трофимовна. – Звали его Иван Леонтьевич Денисенко, было ему тогда 85 лет. В городе непонятно что творилось, умершего не могли донести до кладбища и похоронили возле русской церкви. У прадеда родилось два десятка детей, выжило – двенадцать. Некоторые из них на войне погибли, другие в Россию переехали. В Карсе остались сын Иван и четыре дочери. Для деда, Ивана Ивановича, турецкая жизнь

В трапезной Андреевской церкви после воскресной литургии

началась с того, что у него едва не отобрали дом. За много лет до того дед купил дом у одного турка. Тот не хотел жить под властью русских, распродал свое имущество и уехал в город Газиантеп. Так вот, как только Карс перешел Турции, из Газиантепа вернулся сын того турка и стал требовать вернуть дом. Звали его Мехдет Карслеги. У деда сохранилась купчая, но чего она стоила по тем временам? Позже в город вернулся и сам бывший хозяин. Он узнал деда и подтвердил, что действительно продал ему дом. Обратном в Газиантеп он вместе с сыном уехал, оставив деда в покое. Потом мой отец – Трофим Денисенко – уехал учиться в Стамбул на стоматолога и встретил там того самого Мехдета. Нехорошего ничего меж ними не было, напротив – очень они подружились.

После учебы отец вернулся в Карс и был лучшим зубным врачом города. В 1952 году он женился на моей маме, Таисию; а в 1954-м родилась я...

Бабушек наших еще сажали за всякие пустяки. Помню, рассказывали, что дедушкина сестра, Люба, как-то постирала турецкий флаг – соседи увидели и донесли, что она флагом помыла. Тетя Люба два месяца просидела в тюрьме, пока шло следствие. Суд все ж таки оправдал ее. В другой раз наши поставили на окно бюст русского поэта – Давыдова, что ли. Соседи подумали, что это Ленин, и сообщили в полицию. Опять разбираться пришлось: искали у нас бюст Ленина – не нашли... При мне в Карсе такого уже не было, никто не доносил, русские с турками очень дружно жили.

В городе две русские церкви были. Одну еще в 1920 году переделали в мечеть. Другая – самая большая, с куполами – долго стояла закрытой, потом ее в спортзал переделали, а затем тоже в мечеть. В храме бывать мы могли только в Стамбуле – здесь, в Андреевской церкви, в 1957 году меня крестили. Отец купил дом на Босфоре, и мы каждое лето приезжали сюда отдыхать. В дет-

Василиса Денисенко любит выходить на открытую галерею, устроенную вокруг храма

стве из Карса в Стамбул ездили по чугунке на паровозе – такой черный дым из него валил, что высунишь на ходу из окна – так все лицо сажей закоптит. Стамбул тогда был совсем другим городом: на улицах слышалась греческая речь, чистый воздух, кругом холмы зеленые, до леса – рукой подать. В нашей церкви после службы в трапезной шли разговоры о старой России – старики вспоминали родину. Теперь уж никого из них в живых не осталось, говорят за трапезой теперь о жизни нашей, стамбульской... В Карсе я окончила лицей – турецкий, конечно. Русские шко-

лы закрыли еще в 20-х годах. Родной язык мы учили дома – русские старались жениться на своих и сохранять русскую речь. А в 1970 году отец установил спутниковую антенну – первую в городе. Мы смотрели советское телевидение и осваивали современный русский язык.

Моя бабушка, Евгения, всю жизнь искала свою родину. Нашла с помощью Красного Креста: два ее брата жили в Тбилиси, две сестры – в Армении, в Ленинакане. В те времена поехать в СССР было очень трудно, но бабушка добилась своего: в начале 60-х годов она съездила и к братьям, и к сестрам. Затем дядя Сеня из Грузии приезжал погостить к нам.

Русские из Карса мало-помалу уезжали: в Стамбул, Анкару, Европу, Америку. В 1964 году полторы тысячи молокан переехали в Советский Союз. Вместе с ними уехали и некоторые из наших. К 1980 году русских семей в городе не осталось – наша была последней. Русское кладбище заросло, надгробия растащили – мы только приблизительно знали, где чьи могилы. А когда в 1986 году умерла моя мама, мы окончательно решили переехать в Стамбул – ну кто в Карсе теперь

Прадед Василисы, Иван Леонтьевич Денисенко, в последние годы жизни служил на почте

ТРИ ЦЕРКВИ – ТРИ СУДЬБЫ

Совсем рядом с Андреевской церковью стоит пятиэтажное здание с таким же куполом на крыше – храм Святого великомученика Пантелеймона. А вот приход совсем не похож на Андреевский: храм открыт каждый день, в обычные воскресенья на службу приходит около сотни человек. На праздничные службы собирается столько людей, что все не умещаются даже на широких крытых галереях вокруг церкви – и стоят на лестнице. Все это русские эмигранты новой волны. Убранство церкви тоже новое. Когда в конце 90-х годов здесь начал воссоздаваться приход, росписи Николая Перова спасти уже было невозможно...

А у Ильинской церкви другая судьба. Находится она в соседнем доме, но пребывает в запустении уже сорок лет. В 2013 году турецкие власти взялись за реконструкцию района и намеревались снести Ильинскую церковь. Отстояли русский храм всем миром: участвовали Андреевский и Пантелеймоновский приходы, Вселенский патриарх, российские дипломаты. Удивительно, но русские церкви в Каракёй по-прежнему считаются афонскими подворьями. К Пантелеймоновской церкви это относится в полной мере: настоятелем прихода и дьяконом являются монахи знаменитой русской обители на Святой горе. Андреевская церковь – в ведении Вселенского патриарха, который назначает настоятеля из стамбульских священников-греков, отучившихся в России и способных служить на церковнославянском языке. Правовой статус подворий крайне запутанный. Строились они русскими, финансировалось строительство из России. В начале XX века, кажется, сомнений не было, что это – российская собственность. Когда началась Первая

за нашими могилами смотреть будет? Маму перевезли в Стамбул и похоронили на православном кладбище в Шишли.

В 1988 году я вернулась в Карс, чтобы продать дом и забрать хоть какие-то вещи. С тех пор на родине я не бывала. Хороший у нас был дом, как сейчас перед глазами стоит: из больших камней сложен, теплый – в Карсе ведь холодно, бывало, мороз стоял минус 35 градусов. В саду дедушка пчел разводил, там же сирень росла – уж такая пахучая, с крупными цветами: белыми, лиловыми. Сирень, наверное, еще прадед из России

привез – здесь такая не растет. Нет теперь нашего дома, на его месте супермаркет построили. Одно время старые дома в Карсе рушили, а теперь реставрируют – чтоб туристам было что показать. В городе до сих пор сохранилась старая застройка, стоят бывшие русские казармы, ратуша, губернаторский дом. В Стамбуле я занималась тем, что ухаживала за отцом, он пережил маму на десять лет. Один из моих братьев женился здесь на русской – их дочь теперь в России живет, в Ставрополе. Так, можно сказать, наш род вернулся на свою родину».

Вид на Пантелеймоновскую церковь из окна Андреевской

Многочисленное семейство Денисенко в русском Карсе

мировая война, османы закрыли все русские дома и подворья, здания и находящиеся в них имущество конфисковали. В 1918 году русские и турки подписали мировую – и странноприимные дома вернули тем, кто их строил. В 20-х годах для многотысячной массы русских эмигрантов они служили общежитиями. В 30-х годах турецкие власти вновь пытались конфисковать русские дома – на этот раз в качестве ответной меры на изъятие турецкой недвижимости в Советском Союзе. Чтобы не остаться на улице, русские вынуждены были заявить, что их дома – подворья афонских монастырей и никакого отношения ни к старой, ни к новой России не имеют. Так, по крайней мере, рассказывает Василиса и утверждает, что на деле никто дома грекам не передавал. В 1950 году русскими эмигрантами была создана благотворительная организация РАЕ – аббревиатура латиницей из первых букв названий трех церквей: Пантелеймоновской, Андреевской, Ильинской. В ведении организации находились дома, на крышах которых расположены храмы; занималась РАЕ поддержкой малоимущих русских эмигрантов и сохранением церквей. В 1960-х годах пустующие русские дома начали заселять турки, которые и живут там по сей день. Выселить их по закону невозможно. Да и кто является правообладателем зданий? Со слов Василисы, ни у греков, ни у РАЕ никаких официальных документов, подтверждающих право собственности на дома, нет. Греки уверены, что все подворья принадлежат им, но, когда возникают трения с властями, крайней оказывается РАЕ. Именно Василисе, как представителю РАЕ, три года назад «реконструкторы» присылали письма с требованием освободить дом, где расположена Ильинская церковь.

Николай Симухин уверен, что существует большой архив «русского кружка», но где он находится, не известно ни ему, ни Василисе

ОТЕЦ «РУССКОГО КРУЖКА»

Андреевский и Пантелеймоновский приходы едины в одном: русские церкви устояли в самые трудные годы второй половины XX века благодаря Александру Степановичу Симухину. Много лет он являлся главой РАЕ, а также старостой прихода Андреевской церкви и регентом. Умер Александр Степанович в 2008 году в возрасте 93 лет. Его сын Николай по-прежнему живет в Стамбуле. Мне удалось встретиться с ним и записать рассказ о его предках, молитвы за которых неустанно возносятся в русских церквях Стамбула.

«Мой дед, Степан Симухин, приехал в Константинополь в 1900 году, – рассказывает Николай. – Он занимался хозяйственной работой в российском посольстве. У меня сохранилась медаль, которой деда наградили за тушение крупного городского пожара. Вряд ли он сам тушил огонь, скорее, обеспечивал

спасательные работы. Дед также занимался русскими паломниками, которые направлялись на пароходах в Святую землю и останавливались в Константинополе. Однажды деду пригласилась одна из паломниц. Звали ее Софья Григорьевна Шестакова. Дед съездил с ней в паломничество, по возвращении они решили пожениться. Уехали в Россию, жили где-то на Украине. У них было трое детей, мой отец, старший из них, родился в 1915 году. После революции 1917 года семья бежала в Константинополь. Отец окончил одно из самых престижных учебных заведений на Босфоре – американский Роберт-колледж. Всю жизнь работал инженером, был на хорошем счету, строил новые районы города, в частности Левент и Атакёй. В 1944 году отец женился на гражданке Бельгии – Симоне Пижон. Она приехала в Стамбул перед войной и работала учительницей в бельгийской школе. Я родился в 1945 году.

Родители общались между собой на французском языке. Я говорил с папой по-русски, с мамой – по-французски, на улице – по-турецки. В этих трех языках, трех культурах я и вырос. Позже мама отучилась на курсах русского языка, и папа говорил, что русскую грамматику она знала лучше его.

«Русский кружок» (так называют старые эмигранты общество РАЕ. – Прим. авт.) держался на

Александр Симухин и Симона Пижон-Симухина с маленьким Николаем. 1946 год

ТАМ ЗА ТУМАНАМИ

Кто общался и не общался – все собрались на православном кладбище в Шишли. Некогда тихий лесистый пригород Стамбула получил свое имя благодаря густым туманам: «Шишли» в переводе с турецкого означает «туманный». В современном мегаполисе Шишли – крупнейший деловой центр. Скромные железные ворота кладбища трудно заметить из-за огней и блеска стоящего напротив самого большого торгово-развлекательного центра в Европе.

За воротами кладбища переносишься в иной мир, покоя и старины...

Как утверждает услужливый смотритель кладбища, начало русскому некрополю было положено в конце позапрошлого века. В 1898 году первым здесь был похоронен известный российский историк церкви и археолог Николай Фомич Красносельцев. Ученый принимал участие в работе Русского археологического института в Константинополе и скоропостижно скончался.

Теперь могилы русских людей всех сословий рассеяны на этом, хоть и большом, но уже давно ставшем тесным, кладбище. Бродить среди надгробий здесь все равно что затеряться в разношерстной толпе старого русского Стамбула. Вот обелиск Михаилу Золотареву из императорского посольства, а вот – памятники с выбитыми на них русско-турецкими именами, например «Шурик Тюрксевен». Видно, что некоторые мраморные плиты регулярно чистят, другие – уходят в забвении под землю; на скромных поржавевших крестах едва можно разобрать имена...

Кажется, уж давно эта страница истории перевернута. Но вот звонит Василиса и сообщает: в воскресенье будем отпевать Эдуарда – одного из последних русских жителей дома под Андреевской церковью. Умерший старик был совсем беден и не имел родственников. Как и полвека назад, «русский кружок» будет собирать средства, чтобы похоронить Эдуарда в Шишли. 📍

папе и дяде. Затем дядя во Францию уехал, а отец продолжал заниматься делами до 2002 года.

Учиться начинал я в турецкой школе, потом перешел во французскую. Мои родители были блестящие ученики, я – неважный. Школа мне не нравилась, а в университете я пробыл только первый курс – затем бросил его и начал работать. Моя мама родилась учительницей и умерла учительницей, также и отец – был прирожденным инженером. А я 46 лет проработал переводчиком. В основном переводил с английского на турецкий; также занимался переводами с французского, немецкого, итальянского языков. Переводил учебники.

А вот русский язык в работе мне так и не пригодился – я его совсем забыл. Но отец в последние годы жизни тяжело болел, и за ним ухаживали две молдаванки.

Говорили они только по-русски – так что, общаясь с ними, я и вспомнил язык предков.

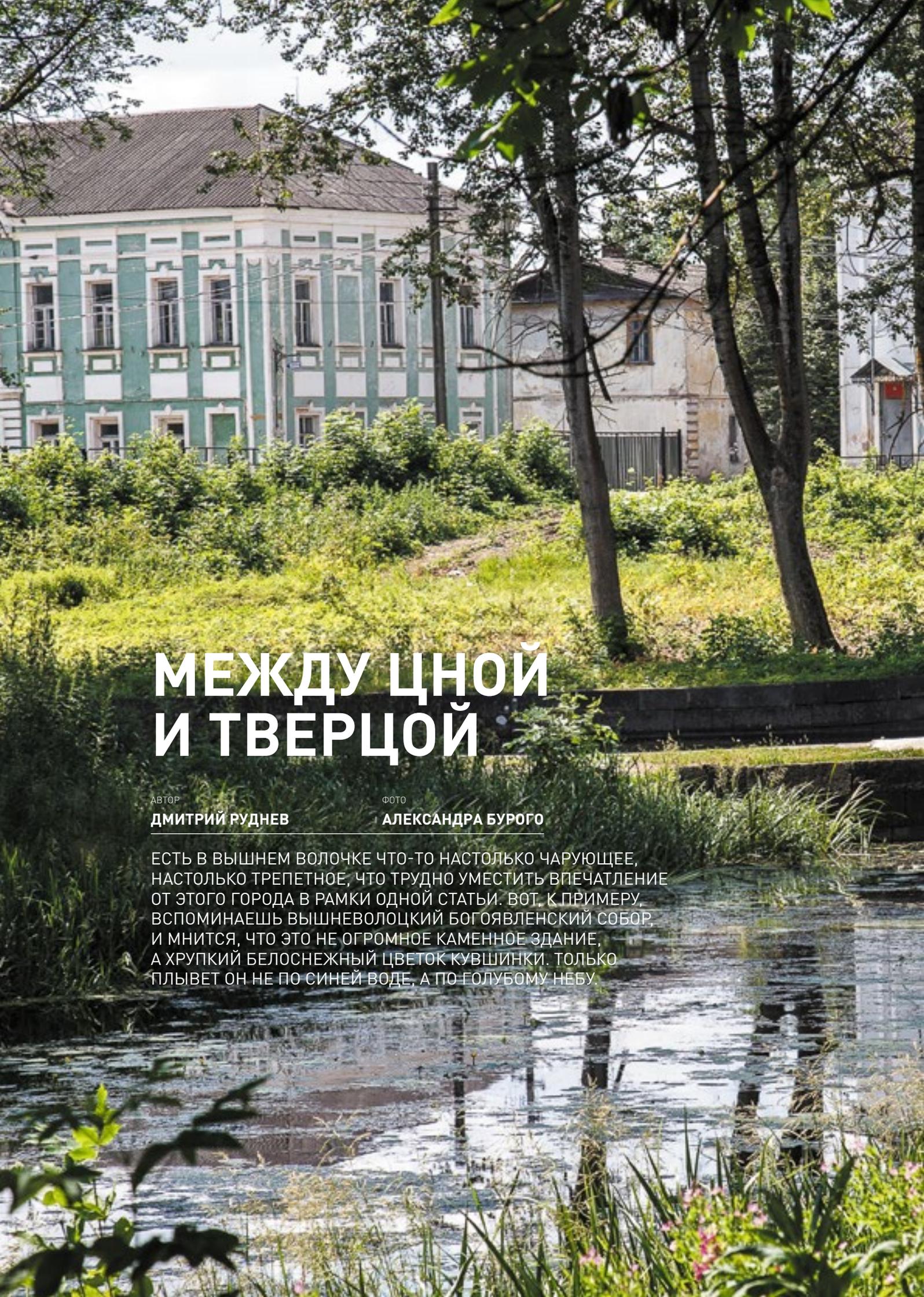
Я хотел бы съездить в Россию. Моя мечта – проплыть из Москвы по каналам через Волгу в Петербург. Мой отец так и не смог вернуться на родину, а у меня, может, и получится. По крайней мере, русский язык я стараюсь не забывать, надеюсь, он мне вскоре очень понадобится».

Николай совсем не похож на потомков русских эмигрантов в Андреевской церкви. Женат на турчанке, в церкви не бывает, с русскими почти не общается. И таких «осколков» старой эмиграции в современном Стамбуле можно найти немало. На языке предков они изъясняются с большим трудом, представители русской диаспоры порой встречают их совершенно случайно...

Изящный греческий храм стоит в самом центре кладбища в Шишли

Основная масса русских могил сосредоточена у западной стены некрополя

МЕЖДУ ЦНОЙ И ТВЕРЦОЙ

АВТОР

ДМИТРИЙ РУДНЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЕСТЬ В ВЫШНЕМ ВОЛОЧКЕ ЧТО-ТО НАСТОЛЬКО ЧАРУЮЩЕЕ, НАСТОЛЬКО ТРЕПЕТНОЕ, ЧТО ТРУДНО УМЕСТИТЬ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ ЭТОГО ГОРОДА В РАМКИ ОДНОЙ СТАТЬИ. ВОТ, К ПРИМЕРУ, ВСПОМИНАЕШЬ ВЫШНЕВОЛОЦКИЙ БОГОЯВЛЕНСКИЙ СОБОР, И МНИТСЯ, ЧТО ЭТО НЕ ОГРОМНОЕ КАМЕННОЕ ЗДАНИЕ, А ХРУПКИЙ БЕЛОСНЕЖНЫЙ ЦВЕТОК КУВШИНКИ. ТОЛЬКО ПЛЫВЕТ ОН НЕ ПО СИНЕЙ ВОДЕ, А ПО ГОЛУБОМУ НЕБУ.

Омуте остановились кони, которые везли икону Николая Чудотворца, и не пошли дальше. Впрягли других коней, и те тоже остались стоять на одном месте. И воскликнул тут царь: «Будь же ты, Никола, столб!», что значило: «Оставайся на этом месте навсегда». И повелел основать монастырь».

Этот красочный рассказ, записанный у старожилов нашим современником, молодым вышневолоцким краеведом Денисом Ивлевым, не имеет под собой никакой исторической правды, ведь в начале 40-х годов XVI века Иван Васильевич был еще ребенком. Но легенда отсылает нас к древней святыне – резному образу Николая Мир Ликийских, чудотворца, который долгое время хранился в обители. Сейчас этот образ находится в вышневолоцком Богоявленском соборе, но, возможно, когда монастырская жизнь вернется в Белый Омут, туда возвратится и икона святителя.

Сегодня же от монастыря в Белом Омуте осталось совсем немного – полуразрушенная церковь и надвратная колокольня стоят на живописном берегу реки. Возле самой воды в землю вбиты бетонные столбы – они укрепляют площадку для пожарного забора воды. Но если взобраться на автомобильный мост через Тверцу и оглянуться на монастырь, создается впечатление, что эти сваи – остатки древней волоковой пристани.

Другой конец волока находился на территории города, при Никольском Погосте. Вообще, Вышний Волочек довольно долго оставался небольшим поселением, ямской слободкой. Это, по всей видимости, было обусловлено тем, что здешний волок был мал и довольно легок в преодолении. Он не требовал множества рабочих рук, с задачей справлялись мужики нескольких окрестных сел. Городом же Вышний Волочек становится только во второй половине XVIII века.

Столбенский монастырь на Тверце. Здесь начинался древний волок

МЕЖДУ БАЛТИКОЙ И КАСПИЕМ

Потенциал Вышнего Волочка начал раскрываться еще при Петре I, когда здесь появился первый судоходный канал, соединивший Тверцу и Цну, а в глобальном масштабе – Каспий и Балтику. Строительство этого канала началось практически накануне основания Петербурга. Царь-реформатор давно вынашивал идею строительства столицы с выходом на море, а для реализации этого плана нужно было подвозить к берегам Финского залива немало грузов. Доставлять их приходилось бы из Центральной и Южной России. Необходимо было налаживать торговлю с Европой, и бесперебойная коммуникация, связывающая дотеле разделенные концы страны, была ой как необходима!

И вот по весне 1703 года за дело берутся голландские «слезовые» мастера. На помощь им спонсируют тысячи местных крестьян. Они роют прямой как стрела канал, соединяющий Тверцу и Цну. Через шесть лет работы уже близки к завершению. «Московские ведомости» трубят о десятках, даже сотнях судов, прошедших по новому водному пути, голландцы получают причитающиеся им деньги, уезжают, весеннее половодье заканчивается, и тут государь узнает досадную новость. Канал-то, оказывается, слишком маловоден для судоходства в течение всей навигации!

Это дом Михаила Сердюкова. Из-за того, что у него несколько раз гостил сам император, местные называют его «Домиком Петра»

Что делать? Петр Алексеевич принимает самое разумное решение: приглашает решить проблему королей строительства каналов – венецианцев. Но и они не могут ничего исправить: шлюзы набирают достаточное количество воды только во время весеннего и осеннего паводков.

А новая столица растет, ей требуется все больше и больше ресурсов, и Петр уже готов махнуть рукой на «неудачную» затею с Вышневолоцким каналом. Но тут царя планом реконструкции водного пути начинает осаждать волоцкий купец Михаил Иванович Сердюков. Петр сначала крайне скептически относится к проекту домощенного гидроинженера, но в конце концов дает Сердюкову добро. И правильно делает.

БУРЯТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Историю того, как все-таки был построен пригодный для судоходства Вышневолоцкий канал, надо начать с конца 70-х годов XVII века. Тогда за тысячи километров отсюда, в кочевье бурята Силигена Зонтохонова, родился мальчик. Назвали его Бароно. Когда он достиг положенного возраста, отец отдает его на воспитание в дацан (буддийский монастырь-университет. – Прим. авт.). В возрасте 13 лет во время очередной пограничной стычки мальчик попадает в плен к казакам. Один из них привозит его в Енисейск, где продает Ивану Михайловичу Сердюкову, приказчику богатого московского купца.

Есть и другая, возможно, более достоверная версия того, как Бароно попал в европейскую часть России. По статегийным спискам боярина Федора Головина, юноша был сыном табангутского тайши (бурятского вельможи). Он отдал сына на воспитание своему брату, а тот через несколько лет перешел в российское подданство и поселился в Удинском остроге (ныне город Улан-Удэ). Там его и нашел приказчик Сердюков.

Как бы то ни было, Иван Михайлович становится вторым

Гений гидротехники и основоположник русской гидроинженерии Михаил Иванович Сердюков

отцом для подростка. Он крестит его, обучает грамоте, дает свое отчество и фамилию. С ним Бароно ездит в торговые экспедиции, в том числе и в Персию. В 1700 году приемный отец Бароно-Михаила умирает, и молодой человек становится приказчиком у известного московского купца Матвея Евреинова. В семье этого купца сохранилось предание, что однажды в их лавку зашел царь Петр. Увидев приказчика-азиата, он очень удивился и разговорился с ним. Юноша показал себя довольно образованным и смелым. Царь требует у хозяина отпустить молодого приказчи-

ка и определяет его в новгородские купцы.

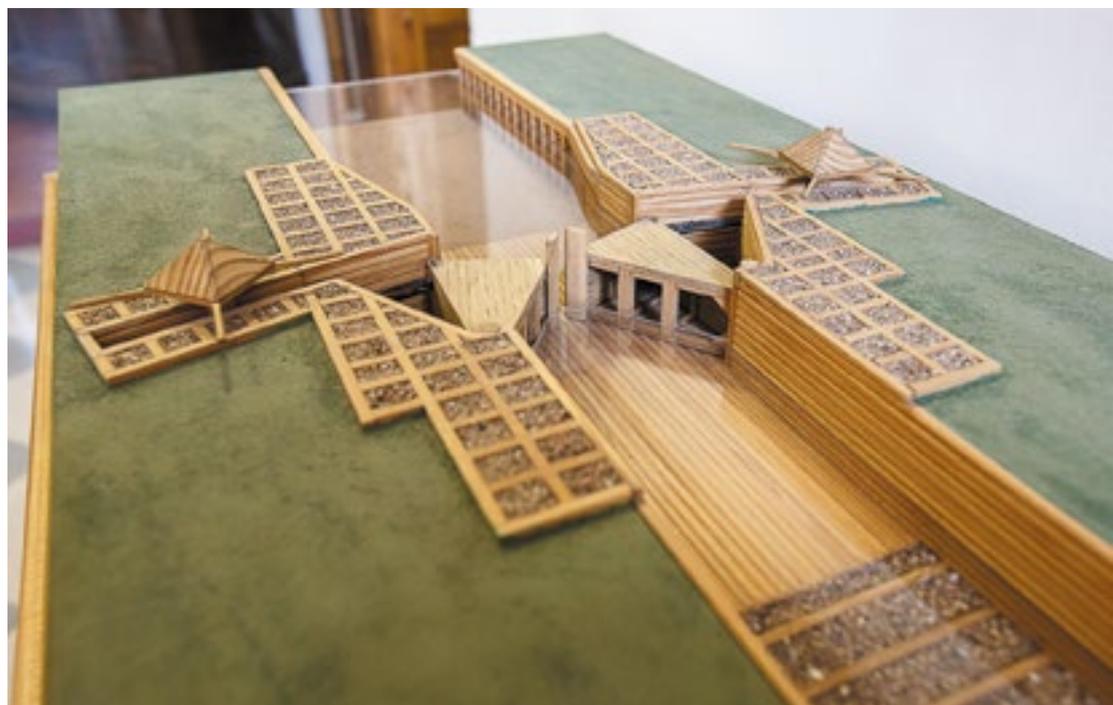
Сметливый по природе, Михаил Сердюков понимает, что Вышневолоцкий водораздел – лучшее место, чтобы начать свое дело, и арендует здесь землю, на которой строит мельницы, лесопилки и винокурни. Поскольку все передовые промышленные объекты того времени работали от водяной тяги, Сердюков начинает интересоваться гидротехникой. Также его внимание привлекает то, что делают с каналом голландцы и сменившие их итальянцы. Он подмечает все, а в особенности то, что иноземные мастера упустили из виду, и то, в чем кроются их ошибки и просчеты.

КАК СЕРДЮКОВ ПОЛЬЗУ РОДИНЕ ПРИНЕС

И вот, добившись позволения переделать канал, Михаил Иванович применяет два в равной степени революционных и гениальных решения.

Канал терял судоходность из-за двух моментов. Русло Цны лежит гораздо ниже русла Тверцы, и, чтобы восполнить разницу, нужны были большие объемы воды. При этом Цна, в том течении, где в нее входил канал, была очень неполно-

Старинные шлюзы были сложными и тщательно продуманными сооружениями

водна. А ниже шлюзов, устроенных голландцами, в нее впадала речка Шлина. Сердюков решает перебросить устье Шлины выше шлюзов, чтобы ее воды наполняли закрытую шлюзами Цну и тем самым поднимали уровень воды в канале. А на случай, если воды и в этот раз не хватит, он строит на Цне, выше впадения в нее канала, водохранилище, которое аккумулирует внешние воды, и, если того требует обстановка, за счет

этого резерва поднимает уровень воды в шлюзах до нужного уровня.

Это сейчас подобные решения – классика гидротехнических систем, а тогда это было наше, русское ноу-хау.

В сжатые сроки, используя минимальные финансовые и человеческие ресурсы, Михаил Иванович добивается того, чего не могли добиться иностранные мастера. Канал становится пригодным для судоходства.

В Волочке любят и ценят историю своего города. Памятник Петру I и Михаилу Сердюкову поставлен в наши дни

Такие барки через шлюзы снабжали Петербург необходимыми товарами. Если сравнить ее грузоподъемность с современными реалиями, то аналогом станет товарный состав

Но Сердюкову этого мало. Он понимает, что большая барка – а длина барок доходила до 30 с лишним метров и несла такая посудина на себе чуть ли не 130 тонн груза! – с трудом может маневрировать по извилистому руслу Цны. А ведь барки выносили из Тверецкого канала мощный поток воды. И тогда он прорывает прямой канал, разрезающий извилистые повороты реки. Двигаться по нему судам становится не в пример удобнее, чем прежде.

Но задолго до этого, видя первые успехи Сердюкова в реконструкции шлюзовой системы, царь жалует Михаилу Ивановичу пятьдесят лет беспощинного пользования каналом. А в 1741 году государство объявляет договор, заключенный с купцом, «вечным».

Богатство Сердюкова растет как на дрожжах. Каждая барка – а их за год через Вышний Волочек проходило до 5 с половиной тысяч – платит Михаилу Ивановичу за проход через шлюзы.

В 1754 году Михаил Иванович умирает. Дело переходит в руки его сына – Ивана Михайловича. Но в 1761 году Иван по нелепой случайности тонет в заводском водохранилище, построенном его отцом. Семейное дело переходит к внуку. К сожалению, от деда тот унаследовал лишь имя. Будучи отпрыском двух богатых и на тот момент уже не купеческих, а дворянских семей (его мать была дочерью Акинфия Демидова), он был типичным представителем золотой молодежи, откровенно предпочитающая столичное прожигание жизни заботам о деле, начатом дедом.

Когда состояние отца и деда почти окончательно растаяло в руках транжиры, он начал хитрить, задерживать открытие шлюзов, чтобы команды барок больше времени просиживали в принадлежащих ему кабаках. Купцы начали жаловаться в столицу, в итоге после долгих разбирательств государство выкупило сердюковские привилегии за 176 тысяч рублей.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГОСТЬЯ

Новый этап жизни Вышнего Волочка начался в эпоху Екатерины II. В 1770 году она жалует Волочку статус города, а через пятнадцать лет совершает знаменитое путешествие по водному пути, соединяющему Центральную Россию с Петербургом. Прибыв в Вышний Волочек, императрица осматривает каналы, шлюзы и другие гидротехнические сооружения. Также доподлинно известно, что она наблюдала, как караван из барок проходит через шлюзы.

Это было бы и в наше время довольно впечатляющее зрелище. Существуют разные оценки того, сколько судов входило в один караван. Порой называются невероятные цифры, чуть ли не до 250 штук. Но сотрудники местного музея, основываясь на габаритах барок, полагают, что, скорее всего, их было около 80. Все они стояли в канале и ждали, когда перед цнинским шлюзом наберется достаточное количество воды. Ожидание занимало около двух недель. По сигналу шлюзы открывались, и барки выносило в Цнинский канал. Вереница 30-метровых судов в считанные минуты проносилась перед собравшимися посмотреть на это диво зрителями. И одним из них в 1785 году была сама императрица.

Непередаваемое очарование Волочка. Гранит екатерининских набережных и изящные мостики, перекинутые через протоки

Это зрелище, а также каналы, переплетения речных рукавов, да и сам город настолько впечатлили ее, что она распорядилась выдать средства на замену деревянных набережных на гранитные. Эти каменные обрамления каналов держат набережные Вышнего Волочка и сегодня. В городе сохранилось предание, что Екатерина II выделила на постройку набережных ни много ни мало 1,5 миллиона рублей. Но это, вероятнее всего, просто байка, ведь в рубле времен Екатерины содержалось 18 граммов чистого серебра.

Но так или иначе, императрица осталась довольна увиденным, села в специально подготовленную для нее изящную

барку и всего за десять дней с комфортом доехала на ней до Петербурга.

С посещения Екатерины и до середины XIX века город переживает свой золотой век. Именно в это время здесь строятся самые примечательные здания. Торговля кипит, по каналам нескончаемой вереницей плывут барки. Торговые ряды, построенные по обе стороны от Казанского собора, ломятся от товаров.

Сегодня можно увидеть лишь тень того бывшего величия. Старые торговые ряды стоят в запустении. Казанский собор снесен, и на его месте бессмысленно и одиноко стоит памятник вождю мирового пролетариата.

Императрице очень понравился Волочек. Она даже одарила герб города царским венцом

Когда-то торговая жизнь здесь была ключом. За каждым пролетом находилась купеческая лавочка, а на прилавках лежали горы товаров

КАЗАНСКАЯ ВЫШНЕВОЛОЦКАЯ

А ведь Казанский собор в первой половине XVIII века стал настоящим духовным сердцем города. Тогда здесь стояла Никольская церковь, по названию которой и именовался предшествовавший городу погост.

И вот, в середине 20-х годов она сгорает, а на ее пепелище люди находят не тронутую огнем Казанскую икону Божией

Матери. И тогда на месте сгоревшего храма строят новый, освященный в честь обретенного образа. Но проходит немногим более полутора десятка лет – и эта церковь сгорает. Исчезает и икона. Но в скором времени ее находят в нескольких верстах от города, на дороге, ведущей в Новгород, на болотистом месте возле трех ключей. Здесь ставится часовня, в середине XIX века ее перестраивают в камне,

Собор Казанского монастыря. Эталонная работа гениального архитектора Александра Каминского

а затем почти сразу ставят церковь, которая получает название Казанской загородной.

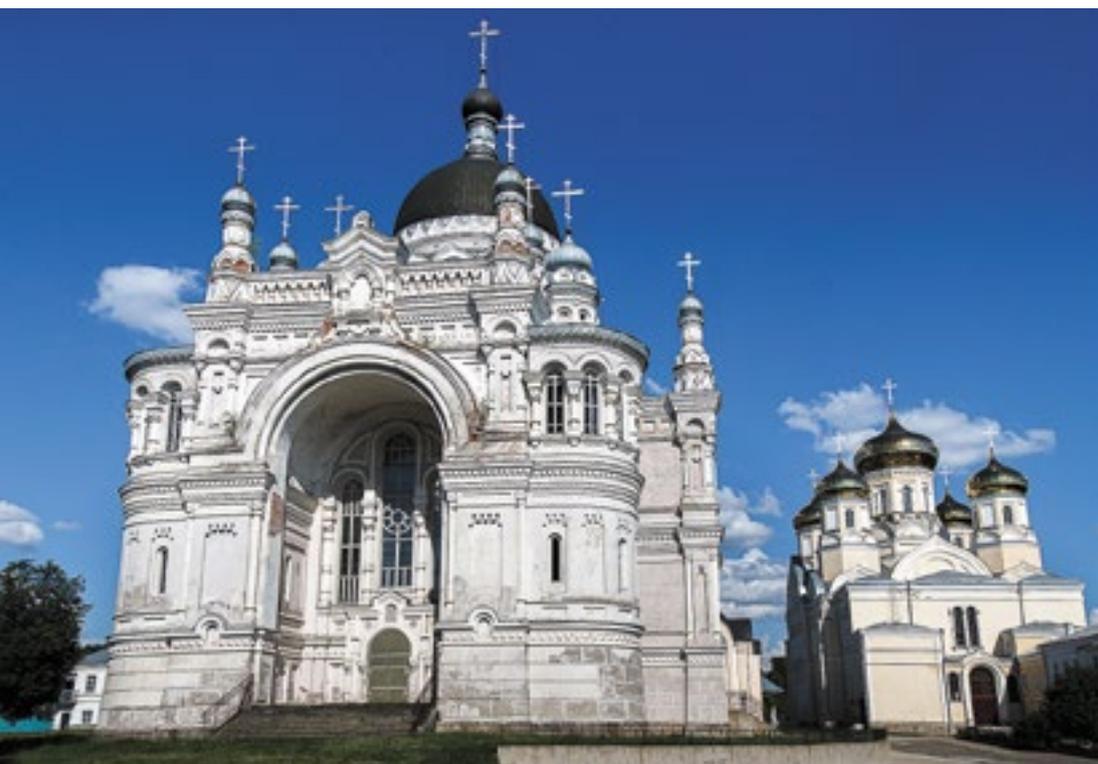
Одновременно со строительством князь Арсений Путятин выкупает участок земли через дорогу от церкви и отдает его под устройство женской обители. Здесь появляются сестры, руководит которыми игуменья Досифея. А в 1872 году по распоряжению Святейшего Синода здесь уже официально учреждается женская общежительная иноческая община.

В 1877 году начинается строительство жемчужины обители – Казанского собора по проекту архитектора Александра Каминского. Этот выдающийся мастер эклектики был учеником знаменитого Константина Тона. Как и его великий учитель, Александр Степанович для каждого своего проекта находил уникальные художественные и архитектурные решения и ни разу не повторялся.

В юности Каминский, находясь на стажировке в Париже, знакомится с известным предпринимателем и меценатом Павлом Третьяковым, заводит с ним дружбу и женится на его сестре. Ему поступают заказы от богатого родственника, а затем и от многих состоятельных московских купцов и дворян. Со временем он становится старшим архитектором Московского купеческого общества. В одной только столице до наших дней сохранилось почти 60 зданий, построенных этим архитектором, самые известные среди них – церковь Ильи Обыденного и интерьеры центральной части Политехнического музея.

В Казанском соборе вышневолоцкой обители Каминский умело сочетает элементы готики и древнерусского зодчества, строгость линий классицизма и неожиданную асимметрию, свойственную разве что барочным сооружениям.

Как ни странно, Казанский собор не упоминается в перечне самых выдающихся работ мастера. Но, возводя именно этот храм, Каминский чувствовал

максимальную свободу. Ведь средств, предоставленных князем Путятиным, было вполне достаточно, а только что зародившаяся монашеская община была столь смиренным заказчиком, что вряд ли как-то вмешивалась в творческий процесс. В итоге у мастера вышло удивительнейшее творение, красота которого не приесться даже самому взыскательному оку.

После революции монастырь был закрыт, некоторые его насельники пытались спастись от преследования властей в Николо-Столбенской пустыни, но и она была закрыта, а монахи разогнаны или осуждены как контрреволюционные элементы...

Очень многое из того, что было построено в прежнем Волочке, разрушено до основания. В 30-е годы XX века был взорван храм, построенный для чудотворной иконы, возле которого и возник Казанский монастырь. Тоннами бетона закупорены родники, бившие возле места обретения чудотворного образа Божией Матери.

Сейчас духовная жизнь постепенно возобновляется. Ведутся службы в Столбенской пустыни, преобразованной ныне в приходской храм. Реставрируется собор в Казанском монастыре. В обители возобновилась ино-

В некоторых уголках Вышнего Волочка кажется, что ты совершил путешествие во времени и оказался в XIX веке...

... Но вывески и витрины довольно быстро возвращают размечтавшегося туриста в жесткую реальность

ческая жизнь. Будто реки, извечно несущие вдаль свои воды, всё возвращается на круги своя...

Вышний Волочек не богат бурной историей, не славен грозными битвами древности. Здесь не решалась судьба государства и не совершала резких зигзагов история нашей страны. Это тихий уголок, многое потерявший в горниле бурного XX века, но многое и сохранивший.

Печально признавать, но то, что не уничтожили в городе больше-

вики в угаре революционного мракобесия, то, что не разбомбили безжалостные штурмовики и бомбардировщики с черными крестами на крыльях, сейчас может запросто уничтожить наше равнодушие. И если сегодня не найдется никого, кто, обладая большим состоянием, вложит свои средства в сохранение того, что еще можно спасти, город, оплетенный кружевом каналов и мостов, город-кувшинка, покоящийся на безмятежной глади воды, скоро увянет и безвозвратно канет в Лету... ☹

